

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN

№ 1

Academic Journal

Series:

Records Management and Archival Studies.

Computer Science.

Data Protection and Information Security

Moscow

2015

ВЕСТНИК РГГУ

№ 1

Научный журнал

Серия

«Документоведение и архивоведение.
Информатика. Защита информации
и информационная безопасность»

Москва
2015

УДК 651.4(05)+930.25(05)+004(05)
ББК 65.050.2я5+79.3я5+32.81я5

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Х. Варгас (Ун-т Кали, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. Дебарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, академик РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.В. Иванов, академик РАН, д-р филол. н., проф. (РГГУ; Калифорнийский ун-т Лос-Анджелеса, США), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Ун-т Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная Школа Хартий, Сорбонна, Франция), И. Клоканов (Восточно-Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ВНИИДАД), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), Е.Е. Кравцова, д-р психол. н., проф. (РГГУ), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кёльна, Германия), Б. Луайер (Ин-т геополитики, Париж-VIII, Франция), С. Масамичи (Ун-т Чуо, Япония), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Ун-т Белостока, Польша), Ю.С. Пивоваров, академик РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), Е. ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, академик РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тошенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглсонг (Ун-т Ратгерс, США), И. Фолтыс (Политехнический ин-т г. Ополе, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, академик РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «Документоведение и архивоведение. Информатика.
Защита информации и информационная безопасность»

Редакционная коллегия серии

Т.И. Хорхордина, гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е.В. Алексеева, зам. гл. ред., канд. ист. н., доц. (РГГУ), А.С. Сенин, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.А. Гарасов, зам. гл. ред., д-р технич. н., проф. (РГГУ), Т.Г. Архипова, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.И. Боридько, д-р технич. н., проф. (РГГУ), Ш. Кечкемети (Национальная Школа Хартий, Сорбонна, Франция), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Г.Н. Ланской, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.В. Некраха, канд. технич. н., доц. (РГГУ), С.Т. Петров (РГГУ), С.П. Расторгуев, д-р технич. н., проф. (РГГУ)

Ответственный за выпуск: А.К. Чапанов (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Документоведение и архивоведение: история, теория, практика

В.И. Тихонов

Архивная теория В.Н. Автократова:
анализ основных положений и подходов 9

Г.Н. Ланской

Функции документа в современном обществе 30

М.А. Чичуга

Несколько слов о зарубежном опыте сохранения документов
по истории науки, техники и производства 36

П.А. Кюнг

Нормативная правовая база учета
результатов научно-технической деятельности
в Российской Федерации на современном этапе 46

В.Б. Прозорова

Архивные фонды в библиотеках Франции:
проблемы описания в EAD 58

В.П. Козлов

Новые документальные данные
о модернизации советской деревни в 1929–1939 гг. 80

Н.И. Химина

Государственность России:
историографические и источниковедческие аспекты
подготовки словаря-справочника 102

В фондах отечественных и зарубежных архивов

М.О. Болотина

История личного фонда Абамелек-Лазаревых (1731–1920)
в Российском государственном архиве древних актов 117

<i>В.Г. Чичерюкин-Мейнгардт</i> Документы жертв Катыни в фондах РГВИА	126
--	-----

<i>Н.В. Банникова</i> Деятельность британского журналиста Джорджа Добсона во время Гражданской войны в России (по материалам Национального архива Великобритании)	134
--	-----

Из опыта педагогической работы в Историко-архивном институте РГГУ

<i>Т.В. Баранова</i> Педагогическое взаимодействие между преподавателем и студентом в высшей школе в условиях новой образовательной парадигмы	145
--	-----

У книжной полки

<i>А.В. Попов</i> Новая книга о зарубежной архивной Россике: <i>Сабенникова И.В., Гентшке В.Л.</i> Зарубежная архивная Россика: география, размещение, выявление, публикация источников / И.В. Сабенникова, В.Л. Гентшке. М.: Новый Хронограф, 2014. 408 с.	154
Abstracts	160
Сведения об авторах	165

CONTENTS

Records Management and Archives Administration: History, Theory, Procedures

V. Tikhonov

V.N. Avtocratov's archival theory:
analysis of the main provisions and approaches 9

G. Lanskoj

The functions of the documents in the modern world 30

M. Chichuga

A few words about foreign experience in saving documents
on the history of science, technology and production 36

P. Kyung

Legal basis for accounting of the work in science
and engineering in the Russian Federation today 46

V. Prozorova

Archival record groups in French libraries: problems of EAD 58

V. Kozlov

Some new documentary data about the modernization
of the Soviet village in 1929–1939 80

N. Khimina

Statehood of Russia: historiographical and source
study's aspects of reference book preparation 102

In the Funds of Russian and Foreign Archives

M. Bolotina

The history of personal fund of Abamelek-Lazarevs (1731–1920)
in the Russian State Archive of Old Documents 117

V. Chicheryukin-Meingardt

Katyn's victims documents in RGVIA funds 126

N. Bannikova

Activities of the British Journalist George Dobson during the Civil war in Russia (by the materials of the National Archives of Great Britain)	134
--	-----

**From the experience of pedagogical work
in the Institute for History and Archives RSUH**

T. Baranova

Pedagogical interaction between the teacher and the student in higher school within a new educational paradigm	145
---	-----

Book Reviews

A. Popov

The new book about foreign archival “Rossika”: <i>Sabennikova I.V., Gentshke V.L.</i> Foreign archival Rossika: geography, location, identification, publication sources / I.V. Sabennikova, V.L. Genshtke. – Moscow: New chronograph, 2014. – 408 p.	154
--	-----

Abstracts	160
-----------------	-----

General data about the authors	167
--------------------------------------	-----

Документоведение и архивоведение: история, теория, практика

В.И. Тихонов

АРХИВНАЯ ТЕОРИЯ В.Н. АВТОКРАТОВА: АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ И ПОДХОДОВ

В статье проанализированы основные положения общей и частных теорий архивоведения, разработанные В.Н. Автократовым, показаны их сильные стороны и ограничения, выявлена система теоретических взглядов ведущего советского архивоведа, раскрыты основные и вспомогательные понятия и научные категории, использованные ученым, делается вывод о необходимости дальнейших теоретических изысканий в сфере архивной науки с позиций системного и информационного подходов.

Ключевые слова: В.Н. Автократов, общая теория архивоведения, частные теории архивоведения, принцип происхождения, информационный подход, информационный потенциал архивных документов.

В современном мире высокоорганизованная практическая деятельность немислима без опоры на прочный фундамент научного знания, высшей формой которого выступает научная теория. Главная задача теории состоит в раскрытии закономерностей возникновения и развития изучаемых явлений и процессов, в создании непротиворечивой картины выделенного «уголка» окружающей действительности. Но теория не ограничивается простым обобщением или объяснением фактов. Ее роль заключается, в том числе, в определении результатов и перспектив научной и практической деятельности. «Теоретическое знание должно быть всегда плодотворным, давать толчок развитию практики, а не плестись за ней. <...> Теория должна открывать новые перспективы перед практикой, расширять ее горизонты»¹. Прогностическая функция теории превращает ее в мощнейшее средство развития науки. Именно поэтому об уровне и зрелости

какой-либо научной дисциплины судят по уровню и зрелости ее научной теории.

Архивоведение в нашей стране имеет славную, более чем столетнюю историю. Однако долгое время теоретические изыскания в ней носили в значительной степени частный характер, направленный на раскрытие основ и методов отдельных направлений архивной деятельности, на обоснование предметной области и проблематики архивоведения. Лишь в 1970-х годах появились работы, в которых был поставлен ряд общедисциплинарных методологических вопросов, вызвавших оживленную дискуссию. Среди этих работ особого внимания заслуживают статьи В.Н. Автократова, обладающие беспрецедентным уровнем теоретических обобщений. Многолетние исследования В.Н. Автократова вылились в разработку им общей теории архивоведения, а также ряда частных архивоведческих теорий, в целом составляющих стройную теорию архивной деятельности. Большинство своих идей и предложений В.Н. Автократов оформил в виде докторской диссертации «Теоретические проблемы советского архивоведения. 1960–1970-е годы», успешно защищенной в 1980 г.² Эта работа и по сей день является вершиной отечественного теоретического архивоведения. За прошедшие десятилетия ничего принципиально нового и более смелого в архивную теорию внесено не было³. Поэтому анализ основных положений теории В.Н. Автократова, использованных им научных подходов и принципов сейчас особенно необходим. Это позволит оценить уровень современной науки об архивах, ее место среди других общественных и исторических дисциплин, даст возможность заглянуть в творческую лабораторию крупного ученого.

* * *

В своей главной работе В.Н. Автократов следующим образом определяет предметную область архивоведения: это – «историческая научная дисциплина, изучающая теорию и методику работы с архивными документами и организационные вопросы архивного дела, а также его историю»⁴. Сосредотачиваясь на теоретической части архивоведения, он начинает свое исследование с общей характеристики целей, задач и функций архивов как общественных институтов. «Смысл и конечная цель существования архивов и всей государственной архивной службы, – отмечает В.Н. Автократов, – обеспечение общества необходимой ему документной ретроспективной информацией. Эта цель достигается путем реализации общественных и внутриотраслевых функций архивного дела»⁵. Всего он выделяет пять функций архивного дела: «1) накопление документ-

ной ретроспективной информации в пределах Государственного архивного фонда; 2) ее “упорядочение” (или организация) в этих же пределах; 3) ее хранение; 4) ее поиск; 5) организация ее использования, направленная на удовлетворение потребностей общества в ретроспективной информации». Из перечисленных функций две В.Н. Автократов считает наиболее общественно значимыми. Это – *хранение ретроспективной информации и обеспечение общественных потребностей в ней*. Функция хранения выделяется В.Н. Автократовым в связи с тем, что является наиболее сложной, опирающейся на методы разной научной природы, как архивоведческой, так и естественно-научной. Здесь он выделяет две подфункции: сооружение и оснащение архивных зданий и обеспечение сохранности документов путем обеспечения *физической сохранности* документов, а также решения задач по *обеспечению наличия* документов (учет документов, контроль их фактического наличия и состояния, организация порядка доступа к документам и т. д.). Помимо основных функций архивного дела, В.Н. Автократов перечисляет и некоторые типовые управленческие функции государственной архивной службы: организация отрасли и процессов управления ею; планирование и прогнозирование ее развития; управление трудовыми и финансовыми ресурсами и капитальным строительством⁶.

По мнению В.Н. Автократова, не все функции и задачи архивного дела входят в предметную область архивоведения. Делая акцент на историческом характере дисциплины, он изымает из нее задачи сооружения архивных зданий и обеспечения физической сохранности архивных документов, полагая их предметами естественно-научных и технических дисциплин. Тем самым большую часть такой важнейшей архивной функции, как хранение документов, В.Н. Автократов, по сути, выводит за рамки своей концепции. Более того, в своей диссертации он не касается оставшихся вопросов хранения архивных документов, так же как и вопросов типовых управленческих функций архивной отрасли. Справедливости ради нужно сказать, что теоретические вопросы архивного учета В.Н. Автократов подробно рассмотрел в одной из своих ранних работ⁷. Таким образом, ученый сосредоточил свое внимание на разработке теоретических основ следующих сфер архивной деятельности: организация и систематизация архивных документов (фондирование), их учет, комплектование (в части экспертизы ценности документов), создание и использование научно-справочного аппарата и справочно-поисковых средств, организация использования архивных документов.

Еще одно ограничение в свою теорию В.Н. Автократов вводит при определении объекта архивоведения. С его точки зрения, таким

объектом является «документная ретроспективная информация, данная архивисту (преимущественно) в ее естественно-исторических связях». Понятиям *документная информация* и *документная ретроспективная информация* В.Н. Автократов уделяет немалую часть своего исследования. По его мнению, документная информация появляется в сфере документирования, где «в результате функционирования систем документирования возникают реальные “документные системы” – совокупности связанных общей программой документов»⁸. Ретроспективной документная информация становится не сразу, а по мере достижения целей, ради которых она создавалась⁹. Таким образом, «объект архивоведения рождается на стыке сферы документообразования с архивным делом, когда сложившиеся системы документов, потеряв значительную долю оперативных качеств, отпочковываются от породившей их сферы управления»¹⁰.

Сферу управления с объектом архивоведения В.Н. Автократов связывает неслучайно. Рассматривая структуру документной информации, он указывает на то, что ее центральными звеньями оказываются документные системы управленческого происхождения, среди которых особое место занимает организационно-распорядительная документация (ОРД). В.Н. Автократов отмечает надсистемный характер ОРД, то, что эта документация выполняет функцию организации процессов управления и охватывает все отрасли народного хозяйства, науки и культуры. «ОРД непрерывно втягивает наиболее важную информацию других документных систем, фиксирует результаты ее переработки и принятия управленческих решений. В результате создается высокая информативность ОРД: богатство и разнообразие (многоаспектность) содержания»¹¹.

Соответственно объект архивоведения В.Н. Автократов представляет в виде концентрической модели, в центре которой располагается ОРД, а вокруг нее размещаются другие документные системы, в зависимости от степени их вовлечения в сферу управления. «Если, скажем, судебно-следственная система документации и система научной документации близки к управленческой, то этого нельзя сказать о медицинской документации»¹². Еще дальше от центра оказываются, например, документы личного происхождения.

Но существуют две системы документации, которые В.Н. Автократов совершенно исключает из объекта, по его выражению, «собственно архивоведения», а значит, и из предмета рассмотрения своей общей теории. Это – научно-техническая документация (НТД) и кинофотофоноvideодокументы (КФФВД). Опираясь на положения семиотики, В.Н. Автократов демонстрирует, что НТД

и КФФВД являются относительно самостоятельными объектами научного познания. По способу кодирования он выделяет три класса архивных документов, информация которых выражена: 1) «символическими» знаковыми формами (графика букв, формул, цифр); 2) «схематическими» знаками (топографическими, географическими, чертежно-конструкторскими); 3) «изобразительными» (кинофотовидеоинформация) и «выразительными» (фоноинформация) чувственно воспринимаемыми образами. «Способы кодирования информации соответствуют целевому назначению информации, накладывают глубокий отпечаток на процессы документирования, распространения и восприятия информации, а также на архивную работу с документами разных семиотических классов»¹³, – такое обоснование предлагает В.Н. Автократов для выделения из «собственно архивоведения» двух субдисциплин (архивоведения НТД и архивоведения КФФВД) и формирования для них собственных теоретических систем.

Дополнительными и важнейшими особенностями этих субдисциплин В.Н. Автократов считает отсутствие в них понятий фондообразователя и архивного фонда. В архивоведении НТД основной классификационной единицей он называет «комплекс НТД» – совокупность документов (чертежей, планов, карт, расчетов, смет), создаваемую многими проектными и конструкторскими организациями. Здесь «фондообразователь “размыт”, поскольку отдельные части сложившегося комплекса крепче схвачены принадлежностью к общей задаче соразработчиков, чем “связью происхождения” каждой части комплекса с создавшей ее организацией»¹⁴. Еще слабее связаны со своими создателями КФФВД, «поскольку заранее предназначены для передачи в “чужие руки” (“постороннему” потребителю), не являются необходимыми для организации управленческого процесса». В архивах эти документы группируют не по происхождению, а по видам и разновидностям носителей информации, цветности изображения, размерам и т. д. «Особенности классификации НТД и КФФВД, вытекающие из способов кодирования информации, влекут последующие концептуальные различия» и в методах работы с ними¹⁵.

Таким образом, в объект «собственно архивоведения» В.Н. Автократов включает только письменные документы, что, по его собственному признанию, является нетрадиционным подходом и противоречит «привычному стремлению охватить в рамках одной дисциплины все научное знание о всех архивах и архивных документах»¹⁶.

Переходя к определению предмета архивоведения, В.Н. Автократов отмечает, что он характеризуется не только свойствами

объекта, но и решаемыми задачами, проблемным содержанием, уровнем достигнутых знаний и т. д. и в целом состоит из двух частей – эмпирической и теоретико-методологической. Эмпирическая часть предмета архивоведения, по мнению исследователя, представлена *архивной информационной средой*, которая складывается из хранящейся в архивах документной ретроспективной информации (т. е. объекта архивоведения) и средств архивного поиска этой информации. Теоретико-методологическая часть занимается изучением фундаментальных закономерностей функционирования и развития архивного дела, развертыванием проблемного содержания архивоведения, заключающегося в образовании и совершенствовании архивных понятий и категорий, в обосновании методов этой дисциплины и свойственных ей научных подходов и принципов, и в конечном итоге развитием общей и частных теорий архивоведения¹⁷.

В.Н. Автократов рассматривает теорию как наивысшую форму выражения и организации знания определенной области. Свою задачу он видит как в содействии становлению частных архивоведческих теорий, так и в формулировании положений общей теории. В то же время разработку общей теории В.Н. Автократов считал предварительным условием дальнейшего продвижения проблемно-содержательной сферы архивоведения. И если предмет общей теории состоял в выявлении теоретического ядра архивоведения, то задачи общей теории ставились в соответствии с ее целью, которую В.Н. Автократов видел в *борьбе с потерями информации* на всех этапах работы с архивными документами¹⁸.

Поиск ядра общей теории (базовых понятий и категорий) привел В.Н. Автократа к выявлению основной, на его взгляд, закономерности архивоведения – закономерности фондообразования. Он формулирует ее следующим образом: «Всякая организационная деятельность общественной системы типа “учреждение”, сопровождающаяся документированием, вызывает образование генетически единого фонда документной информации, отражающего содержание и структуру деятельности»¹⁹. Эта формулировка основывается на факторе происхождения (отождествляемом с понятием *провениенция*, принятым в зарубежной архивистике) с его структурообразующими свойствами, которые выражаются не только в складывании самого фонда, но и внутрифондовых образований. В явлении фондообразования В.Н. Автократов усматривает развитие устойчивых причинно-следственных отношений, в которых «причиной» является функционирование некоторого управленческого аппарата, связанное с документированием его действий, а «следствием» – об-

разование органически целостной совокупности документной информации. «Фонд рождается со своей внутренней органичностью, заданной свойствами фондообразователя, а фондообразованию присущи черты естественно-исторического процесса»²⁰.

Итак, идеи о происхождении документной информации и о естественно-исторической природе процесса фондообразования помогли В.Н. Автократову теоретически обосновать ключевое значение связки архивоведческих категорий *фонда* и *фондообразователя* для формирования и развития объекта архивоведения. Кроме этого, В.Н. Автократов вводит в ядро теории архивоведения и другие понятия, принципы и положения, в том числе присущие частным архивоведческим теориям²¹.

В первую очередь это – *принципы происхождения и недробимости фонда*, которые также вытекают из фактора происхождения. Теоретическое содержание принципа происхождения превращает его в научное основание классификации документов, реализуемое в принципах и признаках *пофондовой* и *внутрифондовой систематизации документов*, а также в понятии *информационной непротиворечивости структуры фонда*. Последнее отражает такое возможное изменение структуры фонда, при котором генетические связи между документами, их информационная взаимоориентированность продолжают сохраняться²².

На принципе происхождения основано и вводимое В.Н. Автократовым понятие *информационного потенциала фонда*. «Оно понимается как информационное разнообразие фонда (богатство), находящееся в прямой зависимости от роли фондообразователя в системе общественного управления, от его места на иерархической лестнице управления». Наблюдается зависимость *информационного богатства фонда* не только от количества функций, выполняемых фондообразователем, но и от интенсивности его взаимодействия с другими организациями и собственными подразделениями, по сути, от величины информационных и документационных связей фондообразователя. Последнее обстоятельство, в силу принципа системности, приводит к тому, что информационный потенциал (информационное богатство) фонда будет всегда больше простой суммы информации документов, составляющих данный фонд. Именно на необходимости сохранения информационных связей фонда основана связь принципа происхождения с его логическим продолжением – принципом недробимости фонда²³.

По В.Н. Автократову, организующее содержание принципа недробимости фонда заключается в сосредоточении документов фонда в пределах одного архива. Теоретическое же содержание

принципа состоит в защите целостности фонда и его информационного потенциала. «Таким образом, конечная цель принципа недробимости совпадает с ориентацией принципа происхождения». Но для понимания путей достижения этой цели исследователь рассматривает понятия *фондовой чистоты* (отсутствие в фонде чужеродных включений) и *следа фонда* (крайняя степень неполноты фонда, наличие лишь фрагментарных остатков). И если борьба за фондовую чистоту однозначно помогает поддерживать генетическую однородность фонда, повышая тем самым его информационное богатство, то случайные остатки документов какой-нибудь организации не всегда могут складываться в некое подобие фонда, что, безусловно, сказывается на ценности такого документального массива. Понятие о *ценности документов* как бы перекидывает мостик от общей теории В.Н. Автократова к его теории экспертизы ценности²⁴.

Наконец, В.Н. Автократов раскрывает соотношение между понятиями «информационное богатство фонда» и «информационный потенциал фонда». Информационный потенциал вторичен. Его величина, безусловно, зависит от имманентно присущей фонду степени информационного богатства. Но информационные возможности фонда повышаются, в первую очередь, с развитием средств поиска, от того, насколько репрезентативно информационное богатство фонда отражается архивными справочниками²⁵. Это положение ученый защищает также в рамках частных теорий описания и поиска архивной информации.

К ядру общей теории В.Н. Автократова тесно примыкает еще одна архивоведческая категория – категория *Государственного архивного фонда* (ГАФ), которая включает в себя *понятие ГАФ, идею и принцип централизации архивного дела* и основанных на них *положений*: о государственной собственности на архивы, наличии единой сети государственных архивов, общем порядке их комплектования, централизованных системах учета архивных документов и организации управления архивным делом²⁶.

В структуру теории архивоведения В.Н. Автократов включает многие идеи, теоретическое обоснование которых он приводит в рамках рассмотрения частных теорий. Так, в рамках теории экспертизы ценности документов им рассматриваются понятия *исторической ценности документов* и *информативности документов, критерии экспертизы ценности, идеи о ранжировании фондов по их информационному потенциалу* и о *делении видов документов на высоко- и малоинформативные*²⁷. Ценность документов постоянна и объективна. Она не зависит от спроса на информацию

тех или иных потребителей, а соотносится с *информационными потребностями всего общества*, «в том числе, с потребностями, еще не известными в данное время». Ценность следует отличать от *полезности документов*, которая соотносится с потребностями конкретного пользователя, а потому является лишь функцией ценности. Согласно В.Н. Автократову, ценны те документы, которые обладают большей *информативной плотностью*: содержат большее количество информации как отраженного разнообразия деятельности и функциональных взаимосвязей фондообразователя. «Таким свойством обладают обычно фонды и документы, отложившиеся в деятельности учреждений высоких рангов. И, наоборот, малоинформативные, бедные фонды и документы связаны происхождением с учреждениями низких рангов». И задача архивоведения состоит в том, чтобы, «избежав потерь исторически ценной информации (потенциальных источников), не допустить приема малоинформативных документов»²⁸.

Развивая теорию фондирования, В.Н. Автократов предложил рассматривать пофондовую и внутрифондовую систематизацию документов как логически взаимосвязанные процессы работы и как единую предметную область. «Вне своего фонда дела и документы перестают восприниматься частью целого и теряют значительную долю информативности. В меньшей степени информативность снижается при перемещении дел и документов из одной исторически сложившейся внутрифондовой организации в другую». Любое изменение фондовых структур (в частности, формирование объединенных фондов) допустимо только в пределах, которые определяются соблюдением их *информационной непротиворечивости*, т. е. при условии, что измененная структура сохраняет генетические связи между документами фонда, не искажает функциональных характеристик структурных подразделений фондообразователя²⁹.

В непосредственной близости от ядра общей теории можно разместить теоретические воззрения В.Н. Автократова на природу и функции архивного учета, понятия которого он тесно увязывает как с понятиями в сфере обеспечения сохранности документов, так и с понятиями фонда, Государственного архивного фонда и фондирования. Центральное место в его теории учета занимают два понятия: *уровень упорядочения архивной информационной среды и формы учета*. Архивный учет у В.Н. Автократова «выступает как важное средство поддержания достигнутого уровня упорядочения архивной информационной среды и как инструмент ее совершенствования»³⁰. Сама по себе архивная информационная среда

крайне динамична. На ее состояние влияют буквально все работы с архивными документами: систематизация и фондирование, прием документов на хранение или их передача в другой архив, проверка наличия и выявление особо ценных, уникальных документов, организация описания и использования. «В силу этих причин динамична и природа архивного учета»³¹. А так как динамика может быть связана со случайными (или ошибочными) отклонениями от принятого порядка хранения документов, то становится понятна важность *стабилизирующей роли* архивного учета, побуждающего архивистов к исправлению ошибок и способствующего устойчивости фондовых структур. В.Н. Автократов, таким образом, придает архивному учету не только контролирующие и аналитические, но и стимулирующие и регулирующие функции, ведущие к удержанию *информационного потенциала* архивных документов.

* * *

Рассматривая вопрос о формах архивного учета, В.Н. Автократов придает большое значение величинам учета (*единицам учета*). Их он разделяет на три группы: 1) «*лист*» (единицы хранения) и «*документ*», имеющие ограниченное применение; 2) «*единица хранения*» и «*фонд*», охватываемые всеми формами учета; 3) «*опись*» – показатель, используемый в учете наличия и состояния НСА³². Собственно анализ видов единиц учета был необходим В.Н. Автократову для перехода к одному из ключевых понятий его архивной теории – к понятию о *централизованном учете* архивных документов. По его мнению, важнейшее место в структуре этого понятия принадлежит *Центральному фондовому каталогу*, который ученый считал одним из выдающихся достижений архивоведческой мысли и практики архивного строительства в СССР, ключом к Государственному архивному фонду и важным инструментом управления архивным делом³³.

Как уже отмечалось, развитие архивной теории в части повышения *информационного потенциала фонда* проводилось В.Н. Автократовым в рамках теории описания и поиска архивных документов. Определенное влияние на информационную отдачу фонда, с его точки зрения, оказывают понятие о *каталогизации информации об архивных документах* и *дифференцированный подход к описанию*, являющийся развитием идей о *категорировании фондов* по их научно-исторической значимости и *их ранжировании по информационному потенциалу*³⁴, идея о совмещении в инвентарном пофондовом описании реализации трех задач (собственно описания, систематизации дел и поединичного их учета)³⁵. Однако

центральное место в теории описания В.Н. Автократова занимает понятие *информативности описательной статьи* архивного справочника. Именно оно лежит в основе успешного архивного поиска и помогает «не затеряться» востребованной документной информации, позволяя тем самым раскрыться информационному богатству архивных фондов³⁶.

Поднимая теоретические вопросы архивного поиска, В.Н. Автократов вынужден был оперировать понятийным аппаратом, выработанным главным образом документалистикой и информатикой. В теорию архивного поиска им вводятся понятия *поисковой деятельности, потребителя (информации), информационной потребности, информационного запроса, поискового предписания, поискового образа документа*. Ключевым в этой понятийной связке он считал отношение «поисковое предписание – поисковый образ документа»: «Если поисковый образ документа в необходимой и достаточной степени совпадает с поисковым предписанием, то считается, что этот документ отвечает на информационный запрос», а потребитель получает *релевантный документ*³⁷.

Однако во главу угла В.Н. Автократов ставит необходимость получения потребителем не релевантных, а *pertinentных документов*, т. е. документов, отвечающих истинной информационной потребности, а не поисковому образу документов, поисковому предписанию или информационному запросу, которые могут быть ошибочными, либо неточными³⁸. Он также указывает на то, что информационные потребности имеют свойство изменяться в связи с развитием (изменением) *исследовательских задач*. При уточнении информационной (архивной) потребности беспрецедентное значение имеет *фактор происхождения документов*, использование которого, по мнению В.Н. Автократова, «оборачивается главным методом традиционного поиска и средством сокращения потерь информации». Поэтому связи внутри модели архивного поиска являются не только прямыми, но и обратными: поисковая деятельность влечет за собой возникновение новых потребностей, стимулирующих продолжение поиска³⁹.

Следует конкретизировать, что В.Н. Автократов рассматривает процессы, характерные для традиционного (а не автоматизированного, довольно редкого в его время) архивного поиска. Он полагает, что в данном случае информационный запрос остается слитным с поисковым предписанием, так как в этом случае не применяется искусственный поисковый язык с его жесткими словарными ограничениями. Соответственно критерии релевантности поисковых образов документов потребитель определяет

сам и порой ему достаточно одного слова, чтобы соотнести образ документа с мотивом поиска⁴⁰.

Наконец, понятие «поисковый образ документа» В.Н. Автократов отождествляет с научно-справочным аппаратом архива, точнее, с понятием «описательная статья архивного справочника»⁴¹. Через это отождествление ученых, по сути, связывает теорию архивного поиска с теорией описания. Здесь для него важно то, что при традиционном архивном поиске «запрос-предписание» формулируется на естественном языке, без предварительной унификации терминов и ключевых слов. Успех традиционного архивного поиска зависит от качества описания документов, от адекватности их поисковых образов описываемой документной информации. В.Н. Автократов убежден: чем меньше лексических ограничений при архивном описании, тем выше информативность архивных справочников и меньше поисковые потери⁴².

Полноценный архивный поиск, по мнению В.Н. Автократова, невозможен без достижения *репрезентативности его результатов*. Полученная совокупность документов должна быть достаточной для решения поставленных исследовательских задач. То есть информационной потребности потребителя должен изначально соответствовать некоторый идеальный образ такой совокупности документов (источников), которая полностью ответила бы на все вопросы его исследования. В духе информатики В.Н. Автократов называет эту совокупность *генеральным поисковым предписанием*. В ходе поисковой деятельности и использования НСА идеальный образ обозначенной совокупности постепенно теряет черты гипотетичности, «опредмечивается», а генеральное поисковое предписание становится репрезентативной совокупностью источников для данного исследования, что собственно и является конечной целью обращения потребителя в архив⁴³.

В противоположность понятию «генеральное поисковое предписание» В.Н. Автократов вводит в свою теорию понятие «шумовое поле», также позаимствованное им из информатики. Величину архивного «шумового поля» В.Н. Автократов напрямую связывал с плохим качеством НСА и нарушениями фондовых структур. Развитие НСА и повышение информационного потенциала фондов – это один из наиболее действенных способов снижения *информационного шума* в работе исследователей, а значит, снижения их непроизводительных затрат⁴⁴.

В то же время В.Н. Автократов не абсолютизирует негативное влияние информационного шума, предлагая рассматривать его в общем контексте борьбы с *потерями информации*. Для этого он

использует такие теоретико-информационные понятия, как *величина информационной избыточности* и *надежность поиска*. Под потерями информации при архивном поиске ученый подразумевал получение отрицательного результата при наличии в архиве необходимых документов. По его мнению, негативный результат поиска может трактоваться как «отказ» архивной информационной среды полностью или частично удовлетворить данную информационную потребность, что может свидетельствовать о низкой надежности архивной системы. Ученый выделяет две группы причин подобных отказов: ненадежность поисковых средств и ошибки субъекта, осуществляющего архивный поиск (например, в связи с недостаточной подготовкой к такого рода деятельности). Однако в дальнейшем он сосредотачивается на анализе первой группы, так как считает борьбу за *надежность НСА* важнейшей задачей архивоведения⁴⁵. «По сути дела, борьба за надежность – это борьба с возможными отказами, причем самым эффективным средством является создание резерва надежности – целесообразной избыточности, существующей в двух формах: структурной и функциональной»⁴⁶. Предпосылки *структурной избыточности НСА* возникают, по мнению В.Н. Автократова, еще в сфере документообразования: подлинник откладывается в одном фонде, отпуск – в другом. Поисковый аппарат отражает такое повторение; в нем возникает резерв надежности, позволяющий найти требуемый документ, если не в одном, то в другом фонде. Еще один путь создания структурной избыточности и повышения надежности архивного поиска – это разветвление системы НСА, наращивание каналов поиска. *Функциональная избыточность НСА* предполагает повышение информативности самих поисковых средств путем исправления содержащихся в них погрешностей, редактирования, создания указателей к описям, путем перехода от крайней степени обобщения информации к меньшей⁴⁷.

Завершающим элементом теоретической модели архивного описания и архивного поиска у В.Н. Автократова является понятие о *Единой системе НСА* как системе, объединяющей все поисковые средства всех государственных архивов, а также включающей межархивные справочники, которые отражают состав и содержание Государственного архивного фонда (ГАФ) в целом. Он рассматривает Единую систему НСА как мощный фактор, повышающий надежность справочных средств как через увеличение структурной избыточности НСА, так и через повышение управляемости процессом архивного поиска. С его точки зрения, чем больше внутреннее разнообразие Единой системы НСА, тем шире диапазон ее возможностей по выявлению архивной информации⁴⁸.

Переходя к анализу теории использования архивных документов В.Н. Автократова, нужно отметить, что он выделял в ней три ключевых понятия: *удовлетворение информационных потребностей, информационное обслуживание и эффективность использования документной ретроспективной информации*. В основе удовлетворенности потребителя полученной архивной информацией, как считал ученый, лежит ее *полезность* для решения конкретных исследовательских, практических или иных задач, т. е. оценка *соответствия информации содержанию потребности в ней*. В конечном итоге результатом взаимодействия потребителя с архивом, результатом организации последним информационного обслуживания является формирование *репрезентативной совокупности источников*, содержащей полную и актуальную (*не устаревшую*) информацию, которая помогает в достижении *намеченных целей*⁴⁹. В этом пункте у В.Н. Автократова теория использования смыкается с теорией архивного поиска.

Анализируя информационные потребности в архивных документах, В.Н. Автократов сводит их к двум формам: явным и неявным. *Явные информационные потребности* осознаны, практически они выступают в виде *спроса на информацию*, инициирующие *акты использования документов*, которые реализуются или при непосредственной *выдаче документов потребителям*, или при *работе с ними архивистов* (при исполнении запросов, подготовке публикаций, выставок и т. п.). К *неявной информационной потребности* В.Н. Автократов относит такую, которая обнаруживается неожиданно, при ознакомлении потребителя с полученной информацией⁵⁰. Возникновению явной информационной потребности часто мешают незнание потребителя о существовании необходимой ему информации, либо непонимание ее полезности. Собственно, информационное обслуживание архивов и заключаются в том, чтобы помочь *потенциальному потребителю* архивной информации найти нужные ему документы и осознать их полезность, в том, чтобы перевести его информационные потребности из неявной формы в явную. Повышая подготовленность потребителей к восприятию архивной информации, архивисты тем самым повышают информационную отдачу, *информативность архивных документов*. «Подобная трактовка информативности, соотносящая каждый конкретный документ с конкретным потребителем, должна быть включена в состав основных положений архивоведческой теории использования»⁵¹. Более того, именно понятие информативности документов является тем системообразующим звеном, которое связывает теорию использования В.Н. Автократова с его теория-

ми ценности и поиска документов и с его общей архивоведческой теорией.

Важным этапом в организации информационного обслуживания В.Н. Автократов считает донесение (передачу) до потребителя архивной информации, которое осуществляется в соответствии с несколькими *направлениями (целями) использования* и в разнообразных *формах использования*⁵². По В.Н. Автократову, направления использования – это широкие обобщения целеустремлений архивистов передать информацию вовне архива сообразно существующим типам потребностей общества в ней. И это – устремления именно к *«целям-потребностям» общества*, а не к тому, что выражает потребности отдельных потребителей, даже коллективных. К таким важнейшим «целям-потребностям» использования В.Н. Автократов относит политическую, народнохозяйственную, научную, агитационно-пропагандистскую, культурно-просветительскую, а также использование документов в социально-правовых и учебных целях.

В понятии о формах использования В.Н. Автократов выделяет три существенных, взаимосогласованных признака: *вид, в котором архивная информация выдается потребителю; способ информационного обслуживания* (информирования потребителей); отличительные *черты контакта потребителя с получаемой информацией* с учетом *характера каналов получения информации* (визуальный, акустический, аудиовизуальный), *режима получения информации, целевых установок потребителя*⁵³.

Достоинство теоретической модели информационного обслуживания, выстроенной В.Н. Автократовым, заключается в том, что она обобщает многообразие конкретной практики использования документов, объединяет в единую схему архивную информацию, ее потребителя и архивиста, показывая роль каждого субъекта, участвующего в актах использования, и дает возможность продвигнуться вперед в анализе эффективности использования архивных документов.

Проблему *эффективности использования документной ретроспективной информации* В.Н. Автократов считал одной из важнейших в архивоведении, наполненной сложным теоретическим содержанием. Структуру этого понятия он рассматривает с точки зрения совпадения (или достаточной близости) цели использования информации и полученного результата. Подобное совпадение возникает на пересечении нескольких характеристик: 1) *потребителя* с его информационными потребностями, определяющими цель и задачи данного акта использования, с той или иной мерой

заинтересованности в получении информации, обладающего конкретными возможностями восприятия и работающего в некоторых объективных условиях; 2) выданной и полученной потребителем *информации*; 3) *работы архивистов*, способствующих удовлетворению информационной потребности. Последнему компоненту В.Н. Автократов придает существенное значение в организации архивного дела: «Поскольку реальная эффективность (использования документов. – В. Т.) во многом зависит от информатора, которым является архив, она понимается и как критерий эффективности его деятельности»⁵⁴. То есть степень удовлетворенности конкретных и общественных информационных потребностей в результате информационного обслуживания является, пожалуй, основным показателем успешности работы архивного учреждения.

Поскольку результат использования документов является слагаемым усилий потребителя и архивиста, которые имеют общую точку приложения усилий – информацию, способную удовлетворить потребности, то проблема повышения эффективности использования рассматривается В.Н. Автократовым как комплексная, зависящая от деятельности как архива, так и потребителя. Поэтому теория В.Н. Автократова ориентирует архивистов на глубокое изучение сферы потребления архивной информации и характера возникающих эффектов от ее использования⁵⁵.

Завершая анализ архивной теории В.Н. Автократова, остается добавить, что на ее периферии он размещает ряд общенаучных понятий и понятий из смежных научных дисциплин: понятия *системы, структуры, функции, информации, научно-информационной деятельности, исторического источника*⁵⁶. Понятийный аппарат как несущий каркас любой теории, по мнению В.Н. Автократова, включает в себя не только собственно понятия, но также принципы, критерии и другие логические единицы знания. В связи с этим в состав его общей теории вошли также методологические средства исследования – *общенаучные принципы* (научной объективности, историзма, всестороннего подхода к изучаемым явлениям и фактам, комплексности рассмотрения изучаемых явлений)⁵⁷ и *научные подходы* (источниковедческий, информационный, системно-структурный, функциональный, вероятностный)⁵⁸.

Можно без преувеличения сказать, что теория В.Н. Автократова является вершиной отечественного архивоведения. Ни до, ни после его докторской диссертации не появлялось более полного, комплексного и системного исследования теоретических основ архивного дела. Обогадив архивоведение развитым понятийным аппаратом и сложной теоретической структурой, он превратил

его в подлинно научную дисциплину. Многие новаторские идеи В.Н. Автократова о природе и методологии архивоведения не сразу были восприняты другими архивистами. Это относится и к определению целей и задач архивного дела, и к широкому применению информационного и системного подходов, и ко многим вводимым им понятиям. В 1970–1980-х годах архивная профессиональная среда, задавленная идеологическим прессом, еще не была готова подняться над решением узкоспециальных проблем и рассматривать свою деятельность как методологически и методически единый процесс. Лишь в последние годы теоретическое наследие В.Н. Автократова приобретает новое звучание и практический вес. В частности, задачи, стоящие перед архивной отраслью в условиях всеобщей информатизации и проникновения электронных документов во все сферы жизни, не могут быть решены без обобщенного взгляда на них, без определения долговременных целей, что под силу сделать лишь с позиций развитой архивной теории.

Но отдавая дань уважения работе В.Н. Автократова, нельзя не отметить некоторую ограниченность его концепции, вытекающую из изначальных теоретических установок. Главная идея В.Н. Автократова – это рассмотрение общей архивной теории сквозь призму понятия (фактора, принципа) происхождения ретроспективной документной информации. Именно поэтому главный подход в его исследовании – исторический, нередко перетекающий в источниковедческий. Именно исторический подход позволяет В.Н. Автократову выдвинуть и обосновать идею о естественно-исторической природе процесса фондообразования, что дает ему возможность сформировать ядро общей теории из парной категории «фондообразователь – фонд» и других, тесно связанных с ней архивоведческих понятий.

Однако исторический подход, как и принцип происхождения, в архивоведении имеет свои ограничения. Сами по себе они оказались применимы при разработке теоретических основ лишь таких направлений архивной деятельности, как фондирование и систематизация документов; опосредованно – в теории учета. Уже при формировании ядра архивной теории В.Н. Автократов вынужден был обратиться к подходам и определениям, принятым в теории информации: в частности, нерушимость фондовых структур у него становится залогом повышения «информационного потенциала фонда». В теории экспертизы ценности документов информационный подход приобрел еще большее значение. Анализ информационных процессов, отраженных в документах (сбор и накопление информации, ее преобразование, «перетекание» из

документа в документ и т. п.), позволил дополнить и развить традиционные основания критериев экспертизы ценности. Можно предположить, что невозможность применения исторического подхода к анализу комплекса работ по обеспечению сохранности документов привела к изъятию В.Н. Автократовым всего этого направления из объекта своей архивной теории. Да и главная цель его архивоведческой теории – борьба с потерями информации на всех этапах архивных работ – вытекает скорее из информационного, чем из исторического подхода.

Повышение информационного потенциала архивных документов и фондов и борьба с потерями информации – вот что является функциональным назначением большинства элементов архивной системы В.Н. Автократова: «Последовательная борьба с потерями составляет единую в основе цель всей теоретической проблематики архивоведения. Она выражается прежде всего в форме экспертизы ценности документов, разделяющей ценные и не ценные документы с тем, чтобы сохранить ценные, не дать им погибнуть в общей массе уничтожаемой документации, а затем – в форме фондирования документов с тем, чтобы не разрушить генетические связи документов, не допустить дробления фондов, не дать документам “затеряться в чужих фондах”. Борьба с потерями продолжается при описании документов (полнее отразить первичную информацию в поисковом аппарате), в самом поиске и в организации использования документов. Хотя теоретические вопросы архивного учета, разработанные автором, не рассматривались в данной работе, их целевое назначение – также борьба с потерями информации»⁵⁹.

Таким образом, В.Н. Автократов не до конца последователен в реализации своей главной идеи – применении принципа происхождения документов. Методологически его исследование развивается по двум взаимосвязанным направлениям: историко-источниковедческому и теоретико-информационному. Причем исторический подход постепенно утрачивает преобладающее значение перед информационным. И это неслучайно. Те направления архивных работ, в рамках которых историзм и принцип происхождения наиболее отчетливо проявляют свою методическую мощь (фондирование, систематизация, учет, описание, экспертиза ценности документов), являются, по сути, подготовительными этапами для выполнения архивом главной задачи по обеспечению общества полноценной ретроспективной информацией, т. е. для организации поиска и использования архивных документов, что относится к разряду системно-целевых информационных процессов.

В свете сказанного выбор понятийной связки «фондообразователь – фондообразование – фонд» как системообразующего компонента ядра общей теории архивоведения уже не кажется оптимальным решением этой методологической проблемы. Между тем именно абсолютизация применения данной понятийной связки вывела из объекта теории В.Н. Автократова аудиовизуальную и научно-техническую документацию.

Понятие о «недробимости фонда» В.Н. Автократов также в значительной степени абсолютизирует, несмотря на то что архивная практика показывает массу примеров временного и даже постоянного хранения документов одного фондообразователя в разных архивах или подразделениях организаций. Но если «принцип недробимости призван способствовать преодолению разделенности документов общего фондового происхождения, побуждает архивистов соединять расчлененные части фондов»⁶⁰, то остается открытым методологический вопрос: почему в целом ряде случаев целесообразнее хранить части фонда отдельно, несмотря на очевидные недостатки такого подхода? Формирование и хранение в архивах документальных коллекций тоже не укладываются в теоретическую модель В.Н. Автократова, хотя он и признает необходимость научного изучения «противоречия фондового и коллекционного подходов» в архивоведении⁶¹. Между тем задача архивной теории заключается также и в том, чтобы найти объяснение возможности и допустимости подобных феноменов.

Наконец, в своих теоретических построениях В.Н. Автократов не делает различий между понятиями «документальный фонд» и «архивный фонд». И если характер возникновения первого явления можно действительно признать естественно-историческим, то формирование второго носит явные черты искусственности, следы культурного воздействия на образовавшийся комплекс документов при их отборе и подготовке к постоянному хранению. Поэтому архивный фонд – это скорее культурно-исторически сложившаяся совокупность документов. Его следует рассматривать как сложноорганизованный продукт человеческой деятельности, как специально приспособленный инструмент для извлечения ретроспективной информации. Но это означает, что, кроме естественно-исторических закономерностей возникновения «архивного фонда», необходимо найти и сформулировать его культурно-исторические закономерности.

Таким образом, архивную теорию В.Н. Автократова со всеми ее ограничениями нельзя признать по-настоящему *общей* теорией архивоведения. Такой вывод открывает простор для дальнейших

исследований в этом направлении. Можно сказать, что задача создания общей теории – это вызов отечественной науке об архивах. И здесь прорывной характер взглядов и положений, высказанных В.Н. Автократовым более тридцати лет назад, может послужить прочным базисом для современных теоретических изысканий. Возможно, что при этом потребуются рассмотреть основные архивоведческие понятия с новых, более широких и, быть может, совершенно неожиданных ракурсов, положить во главу угла не только исторический и информационный подходы, но и иные научные основания. Возможно, более глубокий системный подход позволит полнее представить природу архивного хранения документов, вне зависимости от их формы и видового состава.

Примечания

- ¹ *Илизаров Б.С.* Актуальные теоретические и методологические проблемы советского архивоведения: Учеб. пособие. М., 1984. С. 7.
- ² В 2001 г. докторская диссертация В.Н. Автократова с минимальной редакторской правкой была опубликована в составе книги: *Автократов В.Н.* Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М.: РГГУ, 2001. 396 с.
- ³ Подробно об истории развития архивоведческой мысли в нашей стране см., например: *Хорхордина Т.И.* Российская наука об архивах. История. Теория. Люди. М., 2003.
- ⁴ *Автократов В.Н.* Теоретические проблемы отечественного архивоведения. С. 37.
- ⁵ Там же. С. 28.
- ⁶ Там же. С. 29.
- ⁷ См.: *Автократов В.Н.* Фондирование и учет документов: (О двух частных теориях архивоведения) // Тр. ВНИИДАД. М., 1978. Т. 7. Ч. 1. С. 44–71.
- ⁸ См.: *Автократов В.Н.* Теоретические проблемы отечественного архивоведения. С. 70.
- ⁹ Там же. С. 63–68.
- ¹⁰ Там же. С. 71.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. С. 72.
- ¹³ Там же. С. 73.
- ¹⁴ Там же. С. 74.
- ¹⁵ Там же. С. 74–75.
- ¹⁶ Там же. С. 286, 296.
- ¹⁷ Там же. С. 75–78, 81, 286–288.
- ¹⁸ Там же. С. 81, 292.
- ¹⁹ Там же. С. 77.

- 20 Там же. С. 113.
- 21 Там же. С. 76–79, 113–121, 287–288.
- 22 Там же. С. 116–117.
- 23 Там же. С. 115–119.
- 24 Там же. С. 79, 119, 149.
- 25 Там же. С. 116.
- 26 Там же. С. 77–78.
- 27 Там же. С. 79, 149–152, 155.
- 28 Там же. С. 116, 288.
- 29 Там же. С. 178.
- 30 *Автократов В.Н.* Фондирование и учет документов... С. 45.
- 31 Там же. С. 46–47.
- 32 Там же. С. 53–56.
- 33 Там же. С. 56–57.
- 34 Там же. С. 207, 209–211.
- 35 Там же. С. 80.
- 36 Там же. С. 204–209.
- 37 Там же. С. 214–215.
- 38 Там же. С. 215.
- 39 Там же. С. 216–218.
- 40 Там же. С. 215.
- 41 Там же. С. 216–217.
- 42 Там же. С. 221.
- 43 Там же. С. 217–220.
- 44 Там же. С. 221–223.
- 45 Там же. С. 225–227.
- 46 Там же. С. 226.
- 47 Там же. С. 227–228.
- 48 Там же. С. 233–234.
- 49 Там же. С. 255–256.
- 50 Там же. С. 256.
- 51 Там же. С. 257.
- 52 Там же. С. 258.
- 53 Там же. С. 259–268.
- 54 Там же. С. 269.
- 55 Там же. С. 292.
- 56 Там же. С. 77–78, 82.
- 57 Там же. С. 76, 78–79.
- 58 Там же. С. 82–85, 286.
- 59 Там же. С. 292–293.
- 60 Там же. С. 124.
- 61 Там же. С. 120.

ФУНКЦИИ ДОКУМЕНТА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье анализируются основные функции документов, создаваемых в современном обществе. Их анализ осуществляется в соответствии с современной практикой развития информационных технологий и существующими тенденциями управления документами. В этом контексте рассматривается проблема определения документоведения как научной и методической дисциплины.

Ключевые слова: современное общество, документ, социальные коммуникации, управление информационными ресурсами.

Широкое распространение различных видов документов и технологий передачи документированной информации, характерных для современного общества, делает актуальной задачу изучения тех функций, которые могут выполнять и выполняют документы в современной информационной среде. При этом очевидно, что повсеместное развитие письменной грамотности, расширение числа государственных учреждений и общественных организаций, создание глобальных коммуникационных систем привели на рубеже XX–XXI вв. к тому, что практика документирования различных явлений действительности стала реализовываться практически неограниченным кругом субъектов общества. Следовательно, по сравнению с предшествующими историческими периодами эта практика вышла далеко за рамки системы делопроизводства.

В связи с этим становится очевидным тот факт, что современное понимание документоведения как научной дисциплины уже не может ограничиваться рамками области знания, изучающей сферу

делопроизводства и документационного обеспечения управления. Оно должно рассматривать в качестве своего предмета систематизированную совокупность представлений о признаках и функциях, а также о формах создания, распространения и использования различных типов, а внутри этих типов – многочисленных видов и разновидностей документов.

Уже не требует дополнительных доказательств то, что практически любой имеющий информационную значимость документ проходит в обществе процесс функциональной эволюции, подчиняющийся отчетливо выраженной закономерности. Он создается, как правило, для последующего практического использования, за исключением случаев, когда он выполняет исключительно автокоммуникативную функцию. Далее он оценивается с точки зрения необходимости архивного хранения и уже в качестве объекта такого хранения может стать объектом источниковедческого изучения. Приобретя данное качество, документ признается в соответствии с вполне объективными, научно обоснованными критериями имеющим не только определенную задачи его создания утилитарную практическую значимость, но и выявленную экспертным сообществом культурно-историческую ценность.

Поскольку письменный или созданный в электронном виде документ, так же как и большинство других исторических источников (прежде всего, изобразительных и вещественных), является результатом целенаправленной деятельности человека и связан, в частности, с формированием новых знаний и действий, создающий его субъект обычно предполагает потенциальную ценность данного продукта своего творчества. В противоположном случае отсутствовала бы необходимость в обеспечении документа формальными идентифицирующими его практическую значимость признаками, в применении к его содержательному наполнению критериев и стандартов качества. Поскольку информационная значимость документа зависит, таким образом, от знаний, компетенций и мотивов своего автора (или группы авторов), она не может предпосылаться какими-либо дополнительными факторами – например, административным или иным «приписанным» статусом своего создателя.

Из отмеченного следует, что с учетом реальных свойств современного развития общества нуждаются в дополнительном изучении и вероятном переосмыслении вопросы соотношения критериев, используемых при осуществлении комплектования и в его рамках экспертизы ценности документов. В частности, в случае

своей неэффективности и, следовательно, недостаточной ответственности могут быть признаны имеющими только ситуативную, а не историческую ценность правоустанавливающие и создаваемые, как правило, на их основании организационно-управленческие документы. В то же время исторически значимыми и даже особо ценными часто становятся нарративные по своей типологической сущности источники, в которых на основании оригинальной по содержанию интерпретации уже состоявшихся и происходящих в современный для их автора период событий содержатся обосновываемые положения, определившие дальнейшее развитие общества. Следовательно, значимость документа всегда определяется в первую очередь его содержанием и иными, имеющими качественное значение, признаками. При этом содержательное качество является универсальным признаком, имея одинаковое отношение и к организационно-правовым, и к нарративным информационным ресурсам. Естественно, в этом случае очевидными остаются необходимые базовые качества, идентифицирующие документы любого исторического периода, – наличие сохранившейся материальной основы, атрибутированность, внешняя сохранность самой документированной информации. Эти качественные параметры придают действительный характер тем функциям, которые выполняют любые виды документов в современном обществе.

Поскольку сфера обеспечения управленческой и иной организационной деятельности является далеко не единственной среди сфер создания, распространения и использования документов, осуществляемая ими организационно-управленческая функция не является уникальной и единственной. Конечно, она имеет системообразующий характер для делопроизводственных информационных ресурсов, которыми, впрочем, информационно-документационная среда развития общества не ограничивается.

Исходя из рассмотренных выше особенностей развития современного общества, основной и имеющей фундаментальное значение для любых типов документов является коммуникативная функция. Она заключается в презентации и передаче для последующего использования значимой информации. Реализация данной функции заключается, прежде всего, в том, что по своей форме и по своему содержанию созданный документ должен соответствовать информационным потребностям его адресата или иного (при отсутствии четко определенного в документе адресата) пользователя. В зависимости от специфики этих потребностей коммуникативно значимыми могут быть различные элементы – в том числе предусмотренные формуляром и соответственно реквизитами документа.

Очевидно, что при различных способах оформления, определяющих, как известно, наличие признака подлинности, коммуникативная функция документа не может быть обеспечена без наличия у него свойств полноты и достоверности содержания. Поскольку данные оценочные свойства не являются тождественными друг другу, необходимо подчеркнуть, что полнота содержания документа обозначает его способность адекватно и разносторонне раскрывать свойства объекта документирования. В качестве такого объекта могут в равной мере рассматриваться разнообразные факты действительности, индивиды и социальные группы, деятельность государственных учреждений и иных институциональных структур, технологические процессы и социальные связи. При этом критерием полноты информации является способность документа удовлетворить потребности его адресата и пользователя в достаточной и желаемой им степени. Под достоверностью в данном случае подразумевается то, что сведения об объекте документирования должны отражать его реально существующие качества, что в равной степени действительно и для нарративных (например, автобиографических) документов, и для источников организационно-управленческого характера – например, статистических документов официального происхождения.

Если коммуникативная функция, связанная с передачей документированной информации различным адресатам и потенциальным пользователям, имеет, таким образом, системообразующий характер и базируется на фундаментальных оценочных категориях, то остальные свойственные в той или иной степени различным типам и видам документов функции могут рассматриваться как производные от нее.

В первую очередь среди них следует отметить производственно-технологическую функцию. Исходя из современных, определенных, в том числе, на формально-юридическом уровне представлений об информационных системах и их содержательном и технологическом наполнении, важно подчеркнуть, что данная функция имеет достаточно широкие рамки, включая в себя обеспечение всех видов целенаправленной практической деятельности человека. Также в связи со своей приоритетной значимостью для развития общества и социальных институтов производственно-технологическое использование документов имеет собственную профессионально и нормативно организованную систему внешнего регулирования – систему управления документами и практикой документооборота.

Поскольку основным критерием качественной реализации производственно-технологической функции является успешное

и разностороннее развитие различных видов практической деятельности, любые создаваемые для этой реализации документы должны обладать в первую очередь качеством практической применимости, т. е. функциональности. При этом они часто объединяются в документальные комплексы (т. е. в системы документации), куда входят различные виды документов, объединяемые функционально-целевой направленностью и, как правило, обладающие типологической однородностью. К числу их значимых признаков может относиться, в частности, комплектность и обусловленная ею взаимодополняемость, что характерно, например, для судебно-следственной (применительно к конкретному начатому и завершенному делу) и научно-технической документации. При этом существенно, что на стадии своего последующего ретроспективного использования в различных практических целях документы, обладающие производственно-технологической функцией, будут изучаться и оцениваться именно в комплексном виде применительно к тому объекту, для отражения и раскрытия которого они создавались.

Следующей функцией документов является просветительская функция. Ее отличительным свойством по сравнению с коммуникативной функцией является то, что для ее выполнения документы должны содержать новые знания о различных явлениях, процессах, событиях и иных объектах. Определение качества реализации конкретным документом просветительской функции базируется на методах источниковедческого исследования. При этом наиболее значимой является реконструкция тех когнитивных факторов, которые стали основанием для создания конкретного информационного ресурса. Следовательно, в основе изучения просветительской функции любых видов документов находится их типологическая атрибуция, позволяющая выявить намеренный или ненамеренный, прямой или косвенный, а также объективно ориентированный или субъективно обусловленный характер содержащейся в них информации. В отличие от коммуникативной и производственно-технологической функций просветительская функция документов выявляется и качественно оценивается исключительно теми группами людей, которые обладают специальной теоретической и практической подготовкой и относятся к профессиональным группам, представляющим научно-экспертное сообщество.

В этом плане смежной по отношению к просветительской функции документов является характерная для значительной их части духовная функция. Ее сущность, выраженная в открытой (например, для изобразительных и звуковых документов) или в

скрытой (например, для нормативно-правовых документов) форме, заключается, с одной стороны, в отражении и, с другой стороны, в моделировании общественно значимых идеалов, идей и ценностных установок.

Таким образом, в условиях современного общества функции документа существенно выходят за ранее утверждавшиеся границы утилитарного практического использования и нуждаются в системном изучении, в том числе в рамках дополнительного определения предметной сферы документоведения как отрасли научных и практических знаний.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЗАРУБЕЖНОМ ОПЫТЕ СОХРАНЕНИЯ ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ НАУКИ, ТЕХНИКИ И ПРОИЗВОДСТВА

Статья посвящена проблеме изучения и актуализации опыта зарубежных государственных и негосударственных организаций по сохранению документального наследия по истории науки, техники и производства. На основе материалов завершённого проекта РГНФ (проект № 12-33-011418) приводятся результаты и делаются выводы об основных направлениях работы. Особое внимание уделяется количественным показателям, полученным в ходе исследования.

Ключевые слова: архивы, музеи, коммерческие организации, история науки и техники, научно-техническая документация, промышленная история, индустриальное наследие.

В течение последних двух десятилетий российское научное сообщество испытывает недостаток в фундаментальных исследованиях (как в собственных, так и в переводных), посвящённых зарубежной архивной практике в области комплектования и сохранения документов по истории науки, техники и производства.

В 1960–1970-х годах капитальными трудами по истории зарубежного архивного дела явились работы Н.В. Бржостовской¹ (работа 1979 г. написана в соавторстве с Б.С. Илизаровым)². Ещё одна работа вышла чуть раньше (1957) и была посвящена архивному делу в странах Европы и Америки³. В 1976 г. была опубликована работа А.А. Кузина «Научно-технические документы и архивы за рубежом», представленная в двух выпусках⁴.

С начала 1960-х годов Отдел внешних сношений Главного архивного управления при СМ СССР публиковал очерки организации архивного дела в зарубежных странах – «Архивное дело в

зарубежных странах. Очерки», «Бюллетень зарубежной архивной информации», «Документоведение и архивное дело за рубежом». Однако через довольно короткое время их выпуск прекратился. В этих изданиях на основе изучения иностранной архивоведческой литературы освещались основные стороны современного архивного дела. Статьи посвящались вопросам комплектования, обеспечения сохранности, систематизации, научно-справочному аппарату, использованию, а также вопросам публикации источников, архивным выставкам и др. В реферативных журналах особое внимание обращалось на работу с документами производственных предприятий и материалами научно-культурных организаций (университетов, музеев, библиотек). Знакомство советского архивиста с информацией о подобных собраниях было не менее ценно, чем знакомство с работой национальных архивов, а также архивохранилищ центральных и местных административных учреждений. Как правило, статьи посвящались организации архивного дела в ведущих капиталистических государствах (Великобритания, Франция, ФРГ, США, Канада). Но и страны социалистического лагеря не были обойдены вниманием. С достаточной регулярностью публиковались обзоры о состоянии архивной практики в Польской Народной Республике, Чехословацкой Социалистической Республике и Венгерской Народной Республике.

В конце 1990-х годов новый виток в изучении зарубежных архивов начался с выхода монографий преподавателей РГГУ Е.В. Старостина и И.В. Карапетянц. Заметным стало и явное разделение направленности их исследований. Так, например, Е.В. Старостин останавливал свое внимание на развитии теории и методологии западного архивоведения, историографии архивоведения, решении проблемы частных архивов в США⁵. В то время как работы И.В. Карапетянц⁶ были посвящены в большей степени проблематике экономических и научно-технических архивов. Нить исследований протягивалась от организации хранилищ экономической документации в античности до современного положения бизнес-архивов в странах Западной Европы и США, в некотором смысле обобщая опыт предыдущих исследователей. Автор по-своему дала определение понятию «экономический архив», выделив три основных его вида: исторический экономический архив, предпринимательский архив (бизнес-архив) и промышленный архив⁷. Кроме подходов в организации самих институтов, она рассмотрела вопросы комплектования, учета, хранения и использования научно-технической документации (к примеру, организация архива Европейского Центра ядерных исследований – ЦЕРН). Между тем монографии

И.В. Карапетянц явились не простым перечислением фактических данных, а живым примером текущего делопроизводства промышленных компаний, научно-исследовательских центров.

Нельзя упускать из виду работу, которую в настоящее время осуществляет ВНИИДАД. С первых дней своего существования он проводит научные изыскания в сфере изучения и обобщения зарубежного опыта в области архивного дела и документоведения. Подтверждением этому служат регулярные выпуски информационного сборника «Документоведение и архивное дело за рубежом», который готовится сектором зарубежной научно-технической информации по архивоведению и документоведению ОЦНТИ ВНИИДАД. Сборник включает в себя статьи, рефераты, сокращенные переводы, аннотации на статьи зарубежных периодических изданий. Кроме того, в 2014 г. институт подготовил аналитический обзор зарубежного опыта в области электронного документооборота и организации архивов электронных документов широкого спектра иностранных государств, также включив в него опыт международных организаций⁸.

Публикации последних лет показывают, что сегодня вопросами зарубежного архивоведения продолжают заниматься преподаватели кафедры истории науки, научно-технических и экономических архивов ИАИ РГГУ⁹, используя свои знания в разработке новых подходов в области преподавания учебных курсов. Некоторые дисциплины уже на начальных ступенях преподавания вызывают среди учащихся научный и практический интерес к специфике работы с научно-техническими и экономическими материалами.

В наши дни внутри российского архивного информационного пространства достаточно слабо представлены электронные справочно-информационные ресурсы (базы данных, путеводители, описи, описания коллекций), которые между тем являются первейшими и наиболее значимыми поисковыми навигаторами для любого рода исследований, в том числе архивных. В российском обществе существует ограниченность в оперативном получении и результативном использовании такой информации, поэтому внимание к иностранному опыту сохранения документации, составлению баз данных, описанию коллекций, оцифровке документов, ведению электронных справочников позволило бы изучить и, возможно, в какой-то степени перенять имеющиеся знания. Регулярно публикуемая отчетность и открытие баз данных целого ряда организаций различных форм собственности в Великобритании, Германии, Франции, странах Скандинавии, США доступны для

публичного ознакомления и работы с ними. Что касается России, то здесь ситуация выглядит иначе. Ее показатель «технологической неготовности» (technology unreadiness) в отличие от других стран мира уже не первый год подчеркивает низкий уровень использования сетевых технологий.

Данная статья была подготовлена на основе проходившего в 2012–2014 гг. проекта (в рамках РГНФ), участниками которого стали преподаватели кафедры истории науки, научно-технических и экономических архивов. В ходе исследования была предпринята попытка изучить и актуализировать опыт зарубежных государственных и негосударственных организаций по сохранению документального наследия по истории науки, техники и производства. Задачу предполагалось решить следующими способами: выявить круг организаций (источников комплектования) и установить с ними контакты; провести анкетирование организаций; осуществить переписку с респондентами. Для представления более полной картины имеет смысл остановиться на некоторых этапах работы подробнее.

Одной из первостепенных задач, стоявших перед нами, было выявление организаций, занимающихся сохранением документов по истории науки, техники и производства посредством электронных ресурсов (сайтов профильных организаций), а также рапортов, отчетов, национальных обзоров в сети Интернет¹⁰. В список попали индустриально развитые государства (страны Западной Европы, США, Канада), в которых существуют давние традиции архивного хранения.

В качестве основных источников комплектования были определены следующие: национальные архивы; общественные независимые профессиональные ассоциации; музеи (технические, технологические, музеи истории труда); библиотеки (как хранилища, выполняющие роль архивов при профильных музеях); коммерческие организации.

Однако такое разделение не стало окончательным, а корректировалось в зависимости от частоты ответов респондентов. Так, на одном из этапов работы в список были включены дополнительные научные учреждения, такие как академии наук, научные общества и ассоциации, являющиеся неотъемлемой частью системы организации науки и основными источниками комплектования документов по истории науки и техники.

Подготовка сопроводительного письма и опросного листа, рассылка анкет и ведение деловой переписки стали следующим важным шагом исследования.

Письмо требовало такого содержания, которое в емкой форме могло бы убедить респондента в значимости проекта и заинтересовать его: *During the project it is expected: to find organizations (both state, and non-state/private) responsible for preservation of such documents; to study their methods; to generalize experience of the organizations and to evaluate it from the point of view of its applicability in the Russian Federation. The most important result of the research is expected the generalized characteristic of the Experience in document preservation on history of science, technology and industry in Western Europe and the United States (XX–XXI centuries)*¹¹.

Сопроводительная часть включала краткую презентацию участников проекта, ключевые слова, поясняла цели и задачи исследования. Для большего расположения респондентов отмечалась конфиденциальность их ответов.

Предполагалось, что основными источниками новой информации станут данные опросного листа. В связи с этим составлению анкет уделялось большое внимание – вносились изменения в содержание, появлялись дополнительные вопросы, уточнялись их формулировки. В итоге анкета была представлена в двух опросных листах – Form1 и Form2.

Первая часть опросного листа включала вопросы общего характера. Во второй части акцентировалось внимание на вопросах, связанных с особенностями национальной политики по отношению к сохранению и использованию источников, присутствием в обществе понимания их значимости¹².

Кроме того, предполагалось получить информацию о привычных для делопроизводства данного учреждения методах работы с документацией. Это выражалось в вопросах: *What principles of selection is your organization guided by: historical significance, relevancy of preservation? – Is there a state/regional/municipal policy in preservation and use of scientific, technical and economic documents? – What does this policy consist of (legislative regulation, adoption of special programs, opening of specialized archives, purposeful acceptance of documents for storage in unspecialized archives, documents publication)? – Does your organization have a special policy on preservation and use of such documents? – According to your opinion, does society understand the significance of such documents and relevancy of their preservation? – How is this expressed (public organizations, professional associations, independent organizations working in the area of corporate and industrial history, museums, libraries)? – Are there public organizations studying problems of preservation of documents on the history of science, technology and industry in your country?*

За время анкетирования нами были внесены некоторые поправки в опросные листы. К примеру, в Form1 были добавлены вопросы, связанные с углублением информации о научно-справочном аппарате и методах популяризации источников: *How to use the documents (exhibitions, publications, promotion actions)? What kind of reference books are used for record-keeping and for interpretation of documents (for archive in general and for groups of documents particularly)? Is there any regulatory document?*

Несмотря на подчеркивание актуальности исследования и конфиденциальность в плане обработки данных, а также включение во время отправки писем режима «Напоминание», число ответивших респондентов оказалось меньше, чем ожидалось. Утверждать, какие именно причины и обстоятельства могли повлиять на это, затруднительно. Определенную роль здесь мог сыграть человеческий фактор (нежелание отвечать, ссылаясь на занятость). Однако рассылка большей части опросных листов была предпринята в период с конца 2013 г. по начало второй половины 2014 г. В связи с этим нельзя сбрасывать со счетов причину, которая может быть связана с усилившимся в то время противостоянием Запада и России на фоне сложившейся политической ситуации. Это прослеживается и в ответах респондентов, в особенности из таких стран, как США, Швеция, Италия и Франция.

Для отслеживания ответов респондентов была сформирована таблица под названием «Статистика» для занесения даты отправления запросов, имен респондентов, ответов и комментариев к ним. Таблица демонстрировала, каким было количественное соотношение организаций, давших положительных ответ, из всего числа ответивших респондентов. Также приводились пояснения к формулировкам графы «ответ». Существовало два варианта ответов: *нет ответа* и *есть ответ*. Вторая формулировка подразумевала как наличие анкеты, так и ее отсутствие.

В итоговых подсчетах сложилось три типа ответов: *положительный, отрицательный, остальное*. Положительный ответ подразумевал наличие заполненной анкеты, а отрицательный ответ – отказ принять участие в исследовании и отвечать на вопросы анкеты без указания причины. Тип ответа «остальное» означал установление контакта с учреждением-респондентом при отсутствии заполненной им анкеты (т. е. ответ принимает пограничное значение). В графе *комментарии* давались пояснения к формулировке *есть ответ*.

По результатам опросов были составлены таблицы, демонстрирующие показатели заинтересованности отобранных респондентов участвовать в анкетировании; процентное соотношение ответивших

стран; количество ответивших респондентов по группам; соотношение количества и форм ответов со странами-респондентами.

Таким образом, общее количество отправленных запросов составило 110. Количество участвовавших в проекте стран достигло 18 (Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Греция, Дания, Канада, Ирландия, Испания, Италия, Нидерланды, Норвегия, Португалия, США, Финляндия, Швейцария, Швеция, США). Количество ответивших стран (учитывая три типа ответов) – 22.

Положительный ответ дали 7 из опрошенных организаций (32 % от всех ответов), отрицательный ответ – 5 (23 %) и остальное – 10 (45 %).

Распределение ответов по странам выглядело так: Великобритания – 5 (22,7 %), Германия – 5 (22,7 %), Дания – 3 (13,6 %), США – 3 (13,6 %), Канада – 2 (9,1 %), Греция – 2 (9,1 %), Нидерланды – 1 (4,5 %), Швейцария – 1 (4,5 %).

При вычислении среднего арифметического от количества ответивших (с учетом различного числа запросов) группы респондентов распределились следующим образом. Наибольшее количество ответов было получено от группы Музеи – 8 ответов из 29 запросов; затем шла группа Коммерческие организации – 5 ответов (из 24); от группы Архивы, архивные центры, научные институты было получено 6 ответов (из 21). Список завершила группа Академии, библиотеки, университеты – 3 (из 36).

Анкеты были получены от трех групп организаций, а затем обработаны. Ими стали: архивы (Датский национальный бизнес-архив – Danish National Business Archives, Национальный архив Нидерландов – Nationaal Archief, Канадский архив провинции Онтарио – Archives of Ontario); музеи (Музей техники «Технозеум» в Мангейме – State Museum of Technology and Work (TECHNOSEUM), Научный музей в Ротоне – Science Museum at Wroughton); коммерческие организации (Архив Ротшильдов – The Rothschild Archive, архив банковской группы – Lloyds banking group archive).

Безусловно, анализ анкет показал особенности практики архивного хранения каждой из представленных групп, их принципиальные отличия друг от друга. Однако для того, чтобы суммировать полученные знания и сделать глобальные выводы, одного интервью недостаточно, несмотря на то, каким бы полным и достоверным оно ни было. Необходимо привлекать дополнительный материал, помимо субъективных оценок управляющих архивными депо. Но даже эта информация, бесспорно, имеет свою ценность и актуальность.

В рамках данного исследования его участниками был также проделан запуск и информационное наполнение на сайте факульте-

та документоведения и технотронных архивов (ФДТА) в рубрике «Наука» специального раздела «Путеводитель по архивам науки, техники и промышленности» (url-адрес – <http://fdta.ru/nauka/putevoditel-poarkhivam-nauki-tekhniki-i-promyshlennosti>).

Цель его формирования заключается в предоставлении пользователям данных о различных организациях, хранящих материалы по истории науки, техники и производства. «Путеводитель» ориентирован прежде всего на студентов профильных специальностей ФДТА, которые впоследствии будут использовать информацию в учебном процессе и дополнять ее своими наблюдениями.

Идея создания раздела была вызвана в первую очередь дефицитом русскоязычной информации о местонахождении, количестве, видовом составе и использовании архивных и музейных коллекций по истории науки, техники и производства за рубежом. В связи с этим представленные сведения были получены путем выявления организаций и перевода информации об архивном хранении их документной информации на русский язык. Раздел сайта периодически наполняется статьями, разделенными по странам и источникам комплектования (архивные центры, национальные академии наук, профессиональные ассоциации, музеи, библиотеки, коммерческие организации, банки). В электронный путеводитель были включены организации, об архивах и коллекционных собраниях которых удалось собрать сведения.

В рамках одной статьи довольно сложно в полной мере представить результаты всего обследованного материала. Однако отметим, что в ходе проекта нами был частично восполнен существующий пробел в области изучения работы зарубежных архивов и центров архивного хранения (как государственных, так и частных), сохраняющих научно-техническую, производственную и экономическую документацию на современном этапе, в особенности в 2000–2014 гг. Были изучены национальные поисковые системы, такие как NAD и SONDERA в Швеции; нормативные акты и международные стандарты по хранению и экспонированию материалов, такие как PD 5454:2012 Guide for the storage and exhibition of archival materials в Великобритании; выявлены услуги, предоставляемые специализированными организациями по использованию архивных документов (к примеру, те, которыми располагает Centrum för Näringslivshistoria в Стокгольме). На конкретных примерах были рассмотрены существующие на сегодняшний день направления использования материалов архивов в деятельности организаций различных форм собственности (академии наук, музеи, университеты, библиотеки, банки, компа-

нии). Прежде всего это археографическая, выставочная и рекламная деятельность; работа по оцифровке массивов документов, создание электронных архивов и баз данных; услуги, связанные с созданием веб-сайтов; участие в актуальных научно-исследовательских и научно-образовательных проектах.

Результаты проделанной работы носят, с одной стороны, научно-прикладной характер, поскольку способствуют ознакомлению с опытом и практикой в области сохранения и использования научно-технической и технико-экономической информации за рубежом. С другой стороны, полученные знания обладают практическим характером, поскольку станут полезны в практической работе преподавателей и студентов, преподающих и изучающих научно-технические архивы, историю науки и техники, промышленную историю, индустриальное наследие, историю промышленных музеев и музеев истории труда.

Примечания

- ¹ *Бржостовская Н.В.* Архивное дело в зарубежных странах (история и современная организация). М., 1971.
- ² *Бржостовская Н.В., Илизаров Б.С.* Развитие архивного дела с древнейших времен до наших дней // Тр. ВНИИДАД. М., 1979. Т. 8. Ч. 1.
- ³ *Бржостовская Н.В.* Архивы и архивное дело в иностранных государствах. Вып. 2. Архивное дело в странах Европы и Америки в период капитализма (от Французской буржуазной революции XVIII в. до I Мировой войны). Конспект лекций для заочного факультета. М., 1957.
- ⁴ *Кузин А.А.* Научно-технические документы и архивы за рубежом. Вып. 1–2. М., 1976.
- ⁵ *Старостин Е.В.* Зарубежное архивоведение: проблемы истории, теории и методологии. М., 1997.
- ⁶ *Карпелянц И.В.* Экономические архивы Западной Европы и США до начала XX века. М., 1997; *Она же.* Экономические архивы Западной Европы и США в постиндустриальном мире: общность и своеобразие: Учеб. пособие. М.: РГГУ, 1999.
- ⁷ *Карпелянц И.В.* Экономические архивы Западной Европы и США... С. 9–10.
- ⁸ Зарубежный опыт управления электронными документами и организации их архивного хранения. М., 2014.
- ⁹ См., например: *Кюнг П.А.* О деятельности общественных организаций по сохранению документации бизнес-архивов в Европе // Вестн. РГГУ. 2011. № 18. Сер. Документалистика. Документоведение. Архивоведение.

С. 181–191; *Он же*. Документы частных компаний в архивохранилищах Великобритании // *Отечеств. арх.* 2014. № 1. С. 68–72; *Чичуга М.А.* Центр истории предпринимательства Швеции (1974–2014 гг.) // Там же. С. 60–68.

- ¹⁰ См.: *Leveraging Corporate Assets: New Global Directions for Business Archives* [Электронный ресурс] // Shibusawa Eiichi Memorial Foundation. URL: http://www.shibusawa.or.jp/english/center/network/01_icasbl/Tokyo/leveraging.html (дата обращения: 12.12.2014); *Business Archives in International Comparison. Report to the International Council on Archives (ICA). Congress 2004 Vienna, Austria. 25 August 2004* [Электронный ресурс] // International Council on Archives. URL: <http://www.ica.org/download.php?id=680> (дата обращения: 12.12.2014).

¹¹ Здесь и далее выдержки из переписки и анкет выделены курсивом.

- ¹² К слову сказать, на включение отдельных вопросов в анкету повлияла аннотация к статье канадского издания «Office equipments and methods», опубликованная в журнале ГАУ «Документоведение и архивное дело за рубежом» (М., 1970. № 1 (9). С. 27–29). В ней были представлены результаты обследования практики ведения делопроизводства в архивах канадских фирм, а также приведена таблица «Обзор практики работы с документами», включающая девятнадцать вопросов различного характера и процентные показатели.

НОРМАТИВНАЯ ПРАВОВАЯ БАЗА
УЧЕТА РЕЗУЛЬТАТОВ
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье раскрываются особенности государственного регулирования научно-технической деятельности, анализируются основные нормативные правовые акты, делаются выводы о направлениях развития государственной политики в данной области, о ее влиянии на состав документов, фиксирующих результаты научно-технической деятельности. Основное внимание в статье уделено вопросам собственности на результаты научно-технической деятельности, нормативному правовому регулированию системы научно-технической информации.

Ключевые слова: научно-техническая деятельность, научно-технический документ, государственное регулирование, научно-техническая информация, результаты научно-технической деятельности.

В настоящее время научно-техническая документация (НТД) создается во множестве организаций и учреждений различных форм собственности, включая смешанную. Согласно Федеральному закону от 22.10.2004 № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» в состав Архивного фонда РФ входят находящиеся на территории Российской Федерации архивные документы независимо от источника их происхождения, времени и способа создания, вида носителя, форм собственности

Данная статья подготовлена по результатам научно-исследовательской работы «Анализ нормативных правовых документов, принятых в Российской Федерации в 2007–2012 гг. по вопросам создания, состава, оформления и обращения научно-технической документации. Аналитический обзор», проведенной автором во ВНИИДАД под руководством канд. ист. наук И.В. Волковой.

и места хранения, в том числе документы, содержащие результаты научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, градостроительная документация, электронные и телеметрические документы, чертежи.

В данной статье поставлена задача изучить основные нормативные правовые акты, действующие в РФ, регулирующие вопросы собственности и учета результатов научно-технической деятельности.

Научно-техническая деятельность – деятельность, направленная на получение, применение новых знаний для решения технологических, инженерных, экономических, социальных, гуманитарных и иных проблем, обеспечения функционирования науки, техники и производства как единой системы¹. Результаты научно-технической деятельности (РНТД) – продукт научной и (или) научно-технической деятельности, содержащий новые знания или решения. К РНТД относятся отчетная научно-техническая, проектная, конструкторская, технологическая, патентная и другая документация.

Основным законом РФ, определяющим *научно-техническую политику*, является Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»². Он регламентирует порядок формирования государственной научно-технической политики, создание и функционирование научных организаций, включая государственные академии наук.

Данный законодательный акт неоднократно дополнялся с момента его принятия. Тем не менее его основные положения по регулированию научно-технической деятельности не претерпели существенных изменений. Основные новации были связаны с регулированием процессов коммерциализации научно-технических исследований, грантовой деятельности. Так, ФЗ от 21.07.2011 № 254-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике»³ в ст. 2 ч. 8-12 были установлены следующие понятия:

- коммерциализация научных и (или) научно-технических результатов;
- инновации;
- инновационный проект;
- инновационная инфраструктура;
- инновационная деятельность

В развитие закона было принято также Постановление Правительства РФ от 23.04.2013 № 367 «Об утверждении Правил получения международными организациями права на предоставление грантов на территории РФ на осуществление конкретных научных, научно-технических программ и проектов, инновационных проек-

тов, проведение конкретных научных исследований на условиях, предусмотренных грантодателями»⁴.

Характерно, что закон определяет договор (контракт) на создание, передачу и использование научной и (или) научно-технической продукции, оказание научных, научно-технических, инженерно-консультационных и иных услуг, а также другие договоры, в том числе договоры о совместной научной и (или) научно-технической деятельности и распределении прибыли в качестве основной правовой формы отношений между научной организацией, заказчиком и иными потребителями научной и (или) научно-технической продукции, в том числе федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов РФ (ст. 8 п. 1).

Особую роль при определении собственности на РНТД имеет часть четвертая Гражданского кодекса, определяющая права на результаты интеллектуальной деятельности. Условия владения, пользования и распоряжения научными и (или) научно-техническими результатами, а также правоотношения в области научно-исследовательских, опытно-конструкторских, технологических работ регулируются главой 38 Гражданского кодекса РФ (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ.

Инновационные, инвестиционные и архитектурные проекты, выполненные за счет средств федерального бюджета, подпадают под действие положений этих же законодательных актов как документы творческого характера, содержащие научно-техническую информацию.

При определении вида собственности на РНТД учитывается возможность добровольной передачи государством (субъектом РФ, муниципальным образованием) прав собственности на НТД юридическому лицу с негосударственной формой собственности/физическому лицу или юридическим лицом с негосударственной формой собственности/физическим лицом – государству (субъекту РФ, муниципальному образованию), предусмотренная российским законодательством.

Постановление Правительства РФ от 02.09.1999 № 982 (ред. от 17.11.2005) «Об использовании результатов научно-технической деятельности» устанавливает, что права на результаты научно-технической деятельности, ранее полученные за счет средств федерального бюджета, подлежат закреплению за РФ, если: 1) права на такие результаты не включены в установленном порядке в состав приватизированного имущества; 2) эти результаты не являются объектами исключительных прав физических или юридических

лиц; 3) на эти результаты не поданы в установленном порядке заявки на получение исключительных прав (ст. 1).

Вышеприведенное постановление также возлагает на «государственных заказчиков по государственным контрактам и договорам на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ для федеральных государственных нужд... при закреплении за РФ прав на результаты научно-технической деятельности, полученные при реализации указанных государственных контрактов и договоров... распоряжение этими правами от имени РФ» (ст. 3).

ФЗ от 30.12.1995 № 225-ФЗ (ред. от 19.07.2011) «О соглашениях о разделе продукции» статьей 11 п. 2 предусматривает, что «вся первичная геологическая, геофизическая, геохимическая и иная информация, данные по ее интерпретации и производные данные, а также образцы горных пород, в том числе керн, пластовые жидкости, полученные инвестором в результате выполнения работ по соглашению, принадлежат на праве собственности государству. При соблюдении условий конфиденциальности, предусмотренных соглашением, инвестор имеет право свободно и безвозмездно пользоваться указанными информацией, данными и образцами в целях выполнения работ по соглашению. Порядок пользования указанными информацией, данными и образцами, а также порядок их вывоза за пределы РФ определяются соглашением в соответствии с законодательством РФ».

Ст. 9 п. 2 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» устанавливает, что «Правительство РФ обеспечивает создание федеральных информационных фондов и систем в области науки и техники, осуществляющих сбор, государственную регистрацию, аналитическую обработку, хранение и доведение до потребителей научной и технической информации, содействует изданию научной и научно-технической продукции, приобретению научных журналов, книг, иных печатных изданий о научных и (или) научно-технических результатах за пределами территории РФ. Правительство РФ гарантирует субъектам научной и (или) научно-технической деятельности доступ к указанной информации, право на ее приобретение и обеспечивает им доступ в международные информационные фонды и системы в области науки и техники». Эта же статья в п. 3 гарантирует сохранность государственных информационных ресурсов: «В случае ликвидации государственных научных организаций, при которых функционируют банки данных и базы данных научной и (или) научно-технической информации, обеспечиваются сохранность указанных

банков данных и баз данных и передача их правопреемникам в установленном порядке».

Конкретную основу *учета и регистрации* НИР⁵ и ОКР⁶ составляют Постановление Правительства РФ от 24.07.1997 № 950 (ред. от 16.07.2014) «Об утверждении Положения о государственной системе научно-технической информации»⁷. Постановление возлагает координацию деятельности государственной системы научно-технической информации на Министерство науки и технологий РФ. Положение регламентирует деятельность государственной системы научно-технической информации. Оно определяет государственную систему научно-технической информации как совокупность научно-технических библиотек и организаций – юридических лиц независимо от формы собственности и ведомственной принадлежности, специализирующихся на сборе и обработке научно-технической информации и взаимодействующих между собой с учетом принятых на себя системных обязательств. Целью системы является обеспечение формирования и эффективного использования государственных ресурсов научно-технической информации, их интеграция в мировое информационное пространство и содействие созданию рынка информационных продукции и услуг.

Положение устанавливает, что органы НТИ обеспечивают сбор, хранение и обработку отечественных и зарубежных источников научно-технической информации, формирование, ведение и организацию использования федеральных, отраслевых и региональных информационных фондов, баз и банков данных, составляющих государственные ресурсы НТИ.

В настоящее время к федеральным органам научно-технической информации и научно-техническим библиотекам, обеспечивающим формирование, ведение и организацию использования федеральных информационных фондов, баз и банков данных по различным видам источников научно-технической информации и направлений науки и техники, относятся⁸:

- *Центр информационных технологий и систем органов исполнительной власти* – по ведущимся в стране и законченным открытым научно-исследовательским и опытно-конструкторским работам, защищенным диссертациям на соискание ученых степеней, алгоритмам и программам⁹;
- *Всероссийский научно-исследовательский институт межотраслевой информации* – по научно-исследовательским, опытно-конструкторским работам и результатам научно-технической деятельности оборонного комплекса¹⁰;

- *Федеральное государственное учреждение «Российское энергетическое агентство» Министерства энергетики РФ* – по использованию результатов научно-технической деятельности предприятий и организаций, а также организации обмена этой информацией между регионами¹⁴;
- *Всероссийский институт научной и технической информации Российской академии наук и Министерства науки и технологий РФ, Государственная публичная научно-техническая библиотека Министерства науки и технологий РФ, Библиотека РАН, Библиотека по естественным наукам РАН и Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения РАН* – по естественным и техническим наукам;
- *Государственная центральная научная медицинская библиотека Министерства здравоохранения РФ* – по медицине и здравоохранению;
- *Всероссийский научно-исследовательский институт информации и технико-экономических исследований агропромышленного комплекса Министерства сельского хозяйства и продовольствия РФ и Центральная научная сельскохозяйственная библиотека Российской академии сельскохозяйственных наук* – по сельскому хозяйству;
- *Всероссийский научно-исследовательский институт растениеводства имени Н.И. Вавилова Российской академии сельскохозяйственных наук* – по национальному генофонду сельскохозяйственных растений;
- *Всероссийский научно-исследовательский институт племенного дела Министерства сельского хозяйства и продовольствия РФ* – по национальному генофонду сельскохозяйственных животных;
- *Государственный научно-исследовательский институт озерного и речного рыбного хозяйства Министерства сельского хозяйства и продовольствия РФ* – по национальному генофонду рыб;
- *Всероссийский государственный научно-исследовательский институт контроля, стандартизации и сертификации ветеринарных препаратов Министерства сельского хозяйства и продовольствия РФ* – по национальному фонду ветеринарных препаратов, штаммов микроорганизмов;
- *Всероссийский научно-исследовательский институт научно-технического прогресса и информации в строительстве и Центральная научно-техническая библиотека по строитель-*

- ству и архитектуре Госкомитета РФ по жилищной и строительной политике* – по строительству и архитектуре;
- *Институт научной информации по общественным наукам РАН* – по общественным наукам;
 - *Российский федеральный геологический фонд, Всероссийский научно-исследовательский институт экономики минерального сырья и недропользования и Всероссийская геологическая библиотека Министерства природных ресурсов РФ* – по геологии и минерально-сырьевым ресурсам;
 - *Всероссийский научно-исследовательский институт гидрометеорологической информации – Мировой центр данных Федеральной службы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды* – по метеорологии и другим смежным областям, включая климатологию, агрометеорологию, гидрологию, геофизику, океанологию, мониторинг состояния и загрязнения окружающей среды¹²;
 - *Федеральный фонд государственных стандартов, общероссийских классификаторов технико-экономической информации, международных (региональных) стандартов, правил, норм и рекомендаций по стандартизации, национальных стандартов зарубежных стран Госкомитета РФ по стандартизации, метрологии и сертификации* – по нормативным документам по стандартизации, метрологии и сертификации;
 - *Федеральный институт промышленной собственности и Информационно-издательский центр Российского агентства по патентам и товарным знакам* – по патентной документации, относящейся к изобретениям, полезным моделям, промышленным образцам, товарным знакам, знакам обслуживания и наименованиям мест происхождения товаров, а также по документации, относящейся к зарегистрированным программам для ЭВМ, базам данных и топологиям интегральных микросхем;
 - *Федеральное государственное унитарное предприятие «Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС)»* – по опубликованным в РФ произведениям печати и государственной библиографии¹³;
 - *Всероссийский научно-исследовательский институт проблем машиностроения Министерства науки и технологий РФ и Всероссийский научно-исследовательский институт стандартизации Госкомитета РФ по стандартизации, метрологии и сертификации* – по отечественным и иностранным каталогам на промышленную продукцию;

- *Всероссийский научно-исследовательский центр стандартизации, информации и сертификации сырья, материалов и веществ Госкомитета РФ по стандартизации, метрологии и сертификации* – по сведениям о материалах и веществах;
- *Российский государственный архив научно-технической документации* – по документам научно-исследовательских, проектных, конструкторских, технологических организаций и предприятий федерального значения, переданных на постоянное хранение;
- *Научно-технический центр «Информрегистр»* – по электронным изданиям;
- *Институт промышленного развития (Информэлектро)* – по технико-экономической информации и результатам технико-экономических исследований в гражданских отраслях промышленности.

Статья 9 вышеуказанного Положения о государственной системе научно-технической информации устанавливает, что «выдача информации из государственных ресурсов научно-технической информации по запросам пользователей осуществляется органами научно-технической информации, научно-техническими библиотеками и центрами на условиях, обеспечивающих возмещение их расходов на создание информационной продукции и оказание услуг».

С 1 января 2014 г. утратили силу Постановление Правительства РФ от 04.05.2005 № 284 (ред. от 08.04.2011) «О государственном учете результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения» и Методические рекомендации, необходимые для государственного учета результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения, выполняемых за счет средств федерального бюджета, утвержденные Приказом Минобрнауки РФ от 22.03.2006 № 63.

Вместо них было принято Постановление Правительства РФ от 12.04.2013 № 327 (ред. от 14.11.2014) «О единой государственной информационной системе учета научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения» (вместе с «Положением о единой государственной информационной системе учета научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения») ¹⁴.

В постановлении регламентировано создание единой государственной информационной системы учета научно-исследователь-

ских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения (ст. 1). На Министерство образования и науки РФ были возложены функции выработки государственной политики и нормативно-правового регулирования в сфере государственного учета научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения; формирования и ведения единой государственной информационной системы учета научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения.

Положением было установлено (ст. 3), что объектами учета в информационной системе являются следующие виды сведений о научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работах гражданского назначения, выполняемых организациями независимо от их организационно-правовой формы и формы собственности (исполнителями) за счет средств федерального бюджета:

- а) сведения о начинаемых работах;
- б) сведения о результатах работ, предоставляемых в соответствии с ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» в форме обязательных экземпляров неопубликованных документов (отчетов о научно-исследовательских и опытно-конструкторских работах, защищенных диссертаций на соискание ученых степеней, алгоритмов и программ), и их реферативно-библиографические описания;
- в) сведения о правообладателях и правах на созданные в процессе выполнения работ результаты интеллектуальной деятельности, способные к правовой охране в качестве изобретения, полезной модели, промышленного образца или имеющие правовую охрану как база данных, топология интегральных микросхем или программа для электронно-вычислительных машин, а также сведения об изменении состояния их правовой охраны и практическом применении (внедрении) результатов интеллектуальной деятельности.

Согласно Положению (ст. 4), единая государственная информационная система учета научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения формируется на основании сведений, указанных выше, направляемых в Министерство образования и науки РФ в виде электронного документа, подписанного электронной подписью, или документа на бумажном носителе по формам направления сведений и в сроки, которые определяются Министерством образования и науки РФ.

Министерство образования и науки РФ присваивает сведениям регистрационные номера, размещает их в информационно-телекоммуникационной сети Интернет в двухнедельный срок со дня поступления и направляет соответствующее уведомление исполнителю. Сведения являются общедоступными.

В рамках данного законодательного акта Министерство образования и науки РФ издало Приказ от 21.10.2013 № 1168¹⁵ «Об утверждении форм направления сведений о научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работах гражданского назначения в целях их учета в единой государственной информационной системе учета научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения и требований к заполнению указанных форм, а также порядка подтверждения главными распорядителями бюджетных средств, осуществляющими финансовое обеспечение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения и выполняющими функции заказчика таких работ, соответствия сведений об указанных работах, внесенных в единую государственную информационную систему учета научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения, условиям государственных контрактов на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения»¹⁶.

Нормы, определяющие порядок государственной регистрации и предоставления государственным органам НТИ информации о проведении НИР и ОКР, содержатся также в целом ряде законодательных и нормативных актов. В частности, Приказ Роспатента от 08.04.2013 № 43 «О вводе в эксплуатацию Федеральной государственной информационной системы учета результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ военного, специального и двойного назначения, права на которые принадлежат РФ», Приказ Росстата от 04.09.2008 № 216 «Об утверждении Порядка организации государственного учета и регистрации результатов научно-технической деятельности в Федеральной службе государственной статистики», устанавливающий порядок организации государственной системы учета результатов научно-технической деятельности, проводимой в Росстате. В частности, в формах, запрашиваемых от объектов учета, он требует следующие сведения: перечень документации, содержащей сведения о результате (РНТД), наименование обладателя документации, наименование держателя контрольного экземпляра документации. Сведения из БД РНТД Росстата предоставляются

по запросу от структурных подразделений Федеральной службы государственной статистики.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в настоящее время в РФ сложилась система учета результатов научно-технической деятельности, учитывающая сложившиеся реалии правового обеспечения собственности на РНТД. Ее основными характеристиками являются:

- наличие единой системы нормативного правового регулирования;
- существование множества информационных центров, формируемых различными органами исполнительной власти, подведомственными им учреждениями и организациями;
- отсутствие единых требований к создаваемым информационным системам, а также форматам представляемых сведений о результатах научно-технической деятельности.

В связи с этим можно говорить о назревшей потребности в создании единого центра научно-технической информации, который связал бы разрозненные информационные ресурсы и организовал бы оперативное обеспечение заинтересованных юридических и физических лиц необходимой информацией.

Примечания

- ¹ Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике».
- ² Собрание законодательства РФ. 1996. № 35. Ст. 4137.
- ³ Там же. 2011. № 30 (ч. 1). Ст. 4602.
- ⁴ Там же. 2013. № 18. Ст. 2268.
- ⁵ Научно-исследовательских работ.
- ⁶ Опытнo-конструкторских работ.
- ⁷ Собрание законодательства РФ. 1997. № 31. Ст. 3696.
- ⁸ Как правило, центры научно-технической информации создаются отдельными нормативными актами Правительства РФ или соответствующих государственной власти.
- ⁹ Постановление Правительства РФ от 31.03.2009 № 279 (ред. от 24.09.2013) «Об органе научно-технической информации федерального органа исполнительной власти в сфере научной, научно-технической и инновационной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 14. Ст. 1663.
- ¹⁰ Постановление Правительства РФ от 10.07.1998 № 736 «О совершенствовании системы научно-технической информации и экономических исследований» // Рос. газ. 1998. № 136. 21 июля.

- 11 Постановление Правительства РФ от 22.04.2010 № 275 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства РФ» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 18. Ст. 2243.
- 12 Постановление Правительства РФ от 06.06.2013 № 477 (ред. от 10.07.2014) «Об осуществлении государственного мониторинга состояния и загрязнения окружающей среды» (вместе с «Положением о государственном мониторинге состояния и загрязнения окружающей среды») // Собрание законодательства РФ. 2013. № 24. Ст. 3000.
- 13 Постановление Правительства РФ от 16.07.2014 № 664 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 30 (ч. 2). Ст. 4305.
- 14 Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 16. Ст. 1956.
- 15 Согласно Приказу, признаны утратившими силу:
Приказы Министерства науки и технологий Ф:
 - от 17 ноября 1997 г. № 125 «Об утверждении Положения о государственной регистрации и учете открытых научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ» (зарегистрирован Министерством юстиции РФ 29 января 1998 г., регистрационный № 1459);
 - от 17 ноября 1997 г. № 126 «Об утверждении Положения о представлении обязательного экземпляра алгоритмов и программ» (зарегистрирован Министерством юстиции РФ 29 января 1998 г., регистрационный № 1460);
 - от 31 августа 1998 г. № 145 «Об утверждении Положения о представлении обязательного экземпляра диссертаций» (зарегистрирован Министерством юстиции РФ 25 ноября 1998 г., регистрационный № 1650).Приказы Министерства образования и науки РФ:
 - от 17 декабря 2009 г. № 736 «Об утверждении форм учетных документов для государственного учета результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения, выполняемых за счет средств федерального бюджета» (зарегистрирован Министерством юстиции РФ 26 января 2010 г., регистрационный № 16061);
 - от 17 декабря 2009 г. № 737 «Об утверждении Административного регламента исполнения Федеральным агентством по науке и инновациям государственной функции по ведению единого реестра результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения, выполняемых за счет средств федерального бюджета» (зарегистрирован Министерством юстиции РФ 26 января 2010 г., регистрационный № 16047).
- 16 Зарегистрировано Министерством юстиции РФ 03.12.2013 № 30538.

АРХИВНЫЕ ФОНДЫ В БИБЛИОТЕКАХ ФРАНЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ В EAD

Статья посвящена проблемам описания в EAD архивных фондов, хранящихся в Национальной и нескольких вузовских библиотеках Франции. Проанализированы ретроконверсия описаний из форматов MARC в EAD, причины и последствия отхода от основных принципов архивного описания проектов Calames и CGM и нежелательность применения французского опыта в России.

Ключевые слова: EAD, MARC, Calames, методика архивоведения, принцип единства фонда, Национальная библиотека Франции.

В 1993 г. Жан Фавье во введении к «Французской архивной практике» определил архивоведение как «неточную науку об отборе на уничтожение». С тех пор архивная стандартизация, которую активно развивали англосаксонские страны, сделала значительные шаги вперед и во Франции. В наши дни разработка общих для архивов, библиотек и музеев стандартов описания исторических источников представляется неким «светлым будущим» трех профессий, работающих с историческим наследием. Эти стандарты должны сэкономить время и средства наших небогатых учреждений.

В последние десятилетия появилась масса публикаций о положительном зарубежном опыте, который нам предлагают заимствовать. Но, как гласит народная мудрость, отрицательный опыт – тоже опыт. И его изучение помогает не только избежать ошибок, но и лучше понять, от чего именно в нашем собственном опыте мы не должны отказываться. Развитие международных связей можно только приветствовать, но на официальных мероприятиях зарубеж-

ным коллегам всегда показывают «товар лицом», тогда как разбор сложностей любого проекта гораздо поучительнее, чем простое перечисление успехов. Автору этой статьи посчастливилось работать в нескольких проектах описания архивных фондов, хранящихся в библиотеках Франции, по методике EAD и участвовать в 2009 и 2014 гг. в стажировках для участников проекта, занятых описанием документов в Calames и CCF.

Первые опыты по описанию архивов средствами языков разметки начала Библиотека Конгресса США: формат APPM в 1983 г., затем формат MARC AMC в 1986 г. предназначались для описания на уровне архивных фондов. Разработка EAD была начата Ассоциацией американских архивистов (SAA) в 1995 г., и в 1998 г. была опубликована первая версия этого формата. Французские архивисты начали изучать американский опыт внедрения EAD уже в 1999 г.: департаментский архив Восточных Пиренеев (66) перевел в EAD опись серии М «Общая администрация: выборы и списки избирателей». В 2000 г. была создана рабочая группа Французской ассоциации стандартизации (AFNOR) по EAD, куда вошли представители Управления архивов (DAF) и Национальной библиотеки (BNF) Франции, стал выходить франкоязычный «Бюллетень электронных ресурсов» под редакцией Клер Сибиль¹. В том же году были сделаны первые опыты по ретроконверсии описаний личных фондов Национальной библиотеки (BNF) и Национального архива (AN) в EAD. Скажем сразу, что методические разногласия между архивистами и библиотекарями по вопросам применения EAD проявились практически сразу.

Прежде чем рассказать о применении EAD в библиотеках Франции, сделаем две существенные для понимания специфики этого опыта оговорки о методических границах его применения в России и об особенностях применения EAD в архивах Франции.

Российский опыт – использование MARC только на уровне фонда

Распространению EAD в нашей стране изначально препятствовал тот факт, что в отличие от Франции в архивах России не был официально внедрен ставший для него методической основой стандарт ISAD/G. После изучения по совету М. Веба из Исследовательского института Идиша (YIVO) опыта описания архивных фондов в библиотеке Конгресса США российские архивисты в 1991 г. выявили 36 полей формата MARC, пригодных для описания архивов. Именно этот набор полей использовался для составления

путеводителей в проекте «Документы по истории и культуре евреев в архивах России, Украины и Беларуси». Эти данные с точки зрения схемы EAD могли бы содержаться в тегах <custodhist>, <acqinfo>, <bioghist>. При таком уровне детализации описания фонды архивов могут быть описаны в формате MARC, что и было с успехом осуществлено под руководством профессора Е.В. Старостина. Поскольку тематический путеводитель по фондам не предусматривает развернутое представление структуры фондов и описание на уровне групп дел и дел, то его составители и не столкнулись с фундаментальным противоречием «плоской» структуры форматов MARC и «глубокой и ветвистой» структуры, искони присущей архивным фондам. Проблема резко усложняется, когда возникает вопрос поиска электронного формата, адекватно отражающего структуру архивных фондов. Достаточно сравнить библиографическое описание опубликованной книги и архивное описание дела, содержащего различные редакции рукописи этой же книги, чтобы оценить сложность проблемы.

Ю.Г. Селиванова и Т.Л. Масхулия в статье «К вопросу представления библиотечных и архивных материалов в цифровой коллекции Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина» проанализировали североамериканский опыт и пришли к заключению, что оптимальной является существующая в США и Канаде практика создания для архивного фонда описания в EAD с привязкой этого описания к библиографической записи в MARC – формате на фонд в целом. Авторы основывают свою рекомендацию на том, что архивные документы организованы в сложные иерархические совокупности и при этом «не имеют неотъемлемых отличительных признаков»², характерных для опубликованных источников. Французский опыт также подтверждает, что путеводитель по фондам может быть методически безупречно составлен и в EAD и в форматах группы MARC. Однако во Франции EAD встретилось с весьма противоречивыми историческими традициями, о которых необходимо напомнить.

Принцип происхождения в архивах и библиотеках Франции

Поскольку во Франции еще в эпоху Старого порядка сложилась традиция хранения личных фондов выдающихся деятелей в созданных ими библиотеках, то ни после революции 1789 г., ни в XX в. не было создано учреждения, аналогичного РГАЛИ, а за Национальной и некоторыми другими крупными библиотеками фак-

тически закрепились функция «архивов литературы и искусства». В 1849–1993 гг. были опубликованы 117 томов «Общего каталога рукописей государственных библиотек Франции» (CGM). Если вспомнить, что в Национальном архиве, а не только в библиотеках Франции практически до последней трети XIX в. господствовали тематические классификации, то неудивительно, что на их же основе велась обработка и хранящихся в библиотеках архивных фондов. Но когда масса архивных и библиотечных документов, нуждавшихся в описании, резко возросла, а содержание их усложнилось, отказ от тематических классификаций в пользу классификаций, основанных на авторском начале, стал неизбежен.

Сегодня все архивисты помнят дату и авторов циркуляра о принципе единства фонда и гораздо меньше специалистов вспоминают человека, попытавшегося следом за Н. де Вайи внедрить этот принцип в работу Национального архива. «Добродушный позитивист», человек острого ума, самоучка, Альфред Мори (1817–1892), начавший свою карьеру в Национальной библиотеке, сменил Лаборда в 1868 г. на посту руководителя Национального архива. Он прекратил начатую его предшественником в 1867 г. «Обобщенную генеральную опись архивов Империи» и стал издавать в 1871 г. «Общую опись и методическую таблицу фондов, хранящихся в Национальном архиве». В предисловии к этому изданию А. Мори писал: «Перечень по сериям, в порядке номеров, не дает возможности легко найти документы, принадлежащие к одному фонду, установить, из какого фонда был извлечен документ, находящийся в данной серии, поскольку в принятой в Национальном архиве классификации документы, принадлежащие изначально к одному общему фонду, часто распределялись и как бы расплывались в разных сериях. А ведь мы знаем, насколько важно для ученого объединить все документы, происходящие из одного фонда»³. Хотя после ухода А. Мори в 1888 г. его последователи и не продолжили восстановление разрозненных в революцию фондов, новые фонды стали целиком распределяться по подходящим под тематику основной деятельности фондообразователя сериям, а новые серии в 1850–1950 гг. создавались как объединенные фонды учреждений, выполнявших сходные функции. Такая практика продержалась до 1965 г., когда слишком объемные, постепенно сдающиеся в архив части фондов действующих учреждений стали описывать как самостоятельные единицы учета – «поступления» (versement).

Внедрение EAD, не предусматривающего такого уровня описания, как «поступление», обязало французских архивистов вернуться к общепринятым правилам классификации архивного

фонда, нарушение которых было фактически узаконено с внедрением циркуляра W в 1979 г. Например, благодаря подготовке описей Центра современных архивов в Фонтенбло к переводу в EAD был восстановлен и включен в информационные системы архива обновленный список источников комплектования. Таким образом, стандартизация описания фондов по EAD и фондообразователей по EAC помогла исправлению методических перекосов, имевших место во французском архивоведении в XX в. Просмотр сайтов департаментских архивов Франции позволяет заключить, что наряду с действительным методическим движением вперед можно столкнуться и с чисто формальным внедрением EAD. В целом же внедрение EAD безусловно повысило качество описей в архивах Франции.

Старинные фонды Национальной библиотеки Франции остались бы еще долго неописанными, если бы основу научно-справочного аппарата составляли тематические каталоги. Директор Библиотеки Л. Делиль, шартист по образованию, оценил преимущество нетематической классификации изданий для быстрой ликвидации залежей неописанных документов в ситуации бума книгопечатания. В 1875 г. был начат «Общий каталог печатных изданий», а в 1876–1878 гг. – «Общий каталог рукописей», первый том которого вышел в 1897 г. Историк библиотек Д. Палье считает, что Л. Делиль заимствовал идею алфавитного каталога авторов у библиотеки Британского музея, но мы склоняемся к версии о влиянии опыта французских архивов⁴. Для систематизации тиражированных документов принцип происхождения оказался единственным переходом от хранения к использованию.

Высказанный нами тезис о рецепции принципа единства фонда и пофондовой классификации и описания архивных источников библиотечными учреждениями нуждается тем не менее в некоторых уточнениях. Анализ современной методики и результатов описания архивов, хранящихся в библиотеках, и позволяет ответить на вопрос об ограниченном или полном, формальном или существенном характере рецепции библиотеками как принципа единства фонда, так и других базовых принципов архивоведения. Этот вопрос приобретает практическую остроту в связи с тем, что периодически обсуждается создание общих для архивов и библиотек (а также музеев) стандартов описания. Сторонники создания общих стандартов, среди которых можно назвать Ф. Лереш и О.Н. Жлобинскую⁵, не отрицают различия существенных характеристик этих видов источников, они лишь оптимистично полагают, что можно создать методики описания, которые смогут от них абстрагироваться. За-

дадим философский вопрос: если методика описания позволяет пренебречь главным в описываемом предмете, допустимо ли ее использование? Для автора этой статьи реальным примером такой вот «общей», усредненной методики и стало использование EAD для описания архивных фондов библиотек и вузов Франции.

Поскольку в библиотеках Франции, подчиненных министерствам культуры и высшего образования, имелось большое количество архивов, описанных в «Общем каталоге рукописей государственных библиотек Франции», Национальная библиотека в 2005–2008 гг. осуществила масштабный проект по переводу 117 томов этих описаний, в которых на дело или группу дел составлялись «аннотации» (notice), в формат EAD. В 2008 г. часть, касающаяся муниципальных библиотек «Общего каталога», была переведена из формата UNIMARC в EAD и опубликована в «Коллективном каталоге рукописей Франции» (CCF). Рукописи, хранящиеся в вузовских библиотеках, были описаны в каталоге Calames (Сетевой каталог архивов и рукописей системы высшего образования), который с 2013 г. также является частью CCF.

История ретроконверсии в EAD и создания Calames

Управление книги и чтения (DLL) поручило в 2001 г. консалтинговой компании в сфере TIC DoXulting составить технико-экономическое обоснование для проекта и сформулировать основные положения технического задания на ретроконверсию. Специалисты из DoXulting сравнили различные форматы описания данных семейства MARC с EAD и пришли в 2002 г. к закономерному для архивистов, но не вполне ожидаемому для библиотекарей, хранящих архивные фонды, выводу, что наилучшим форматом для их электронного описания является EAD. Важно отметить, что DoXulting проверил, можно ли опубликовать пробные описания в EAD, сделанные рекомендованными им французскими подрядчиками O1G на предназначенных для консультации электронной формы этого каталога библиотечных порталах Calames и CCFr.

Примечательно, что в отличие от Библиотеки им. Кандинского Национальная библиотека (BNF) выбрала ретроконверсию непосредственно через специальные алгоритмы, без использования систем управления базами данных, последнее поколение которых хотя и может (как Flora и ее портал Ever или же Thot) создавать документы в EAD, но делает это со значительным количеством

ошибок как в структуре EAD – DTD, так и в стандартизированной форме представления данных, например о языке и крайних датах документов, или с искажением изначальных шрифтов документа.

Одной из самых острых проблем при переходе из библиографического в архивный формат описания является перераспределение информации по оптимальным для нее уровням схемы классификации. Приведем пример с информацией о языке источника. Например, в рукописном фонде на французском языке встречается письмо, содержащее цитаты на английском языке и фото солдата Русского экспедиционного корпуса во Франции, надписанное по-русски и по-французски. На уровне фонда будет указано, что все его документы составлены на французском. Безусловно, что в описании вышеназванного письма и фотографии будет указан язык цитаты и подписи на обороте изображения. Но не будет ли преувеличением поднимать на уровень фонда информацию о том, что в нем «содержатся отдельные документы на английском и русском языках»?

К тому же реконструкция уровней классификации (и описания) «коллекции» и «фонда» была скорее формальна: вместо общего описания типологического состава и содержания документов фонда или коллекции читателю предлагается гипертекстовая ссылка на группу описаний документов выбранного им фонда. То есть фонд фактически никак не описывается.

На первом этапе проекта муниципальные библиотеки-участники публиковали на своем сайте гипертекстовую ссылку на описания их фондов в SGM, а вузы-участники – на описания своих фондов в Calames. Вся работа с Calames ведется в онлайн-режиме, что удобно для централизованного создания страховых копий, но сильно замедляет работу при большом количестве одновременных подключений.

Calames как иллюстрация принципа «лучшее – враг хорошего»

Пилотная группа из сотрудников библиотек Мазарин и Ж. Дусе, обсуждавшая возможности внедрения EAD в библиотеках, пришла в закономерному выводу о том, что, с одной стороны, сложно требовать от непривычных к архивному описанию библиотекарей, чтобы они самостоятельно постигли все его нюансы, а с другой стороны, нужно использовать накопленный библиотеками опыт описания архивов.

В Calames гораздо шире, чем в X-Metal, практикуется автоматический ввод данных: при создании нового <c> в него автоматически встраивается тег <did>, снабженный, в свою очередь, тегами <unitid> и <unittitle>, причем последний с трогательным напоминанием «Впишите заголовок».

Кроме того, в программу встроены алгоритмы, присваивающий каждому тегу уникальный номер-идентификатор <c id="Calames-20153111233988814" level="recordgrp">. Номер открывается названием программы, затем через дефис следуют год, месяц и день создания тега, а затем его валовый номер. Эта вроде бы удобная для отчетности функция создает массу проблем, когда для ускорения описания серийных документов сотрудники копируют ранее созданное <c> вместе с идентификаторами, что создает с точки зрения программы «дубли», хотя по сути эти теги описывают разные документы.

Самым выдающимся достижением создателей программного обеспечения Calames являются модули экспорта, статистики и контроля над введенными данными. Функция «контроля над введенными данными» – очень полезная разновидность экспорта. Созданный в ходе контроля документ внешне идентичен тому, что увидит пользователь, но его заголовок содержит данные о количестве тегов <c> в данной описи, а также о количестве тегов с отсутствующими обязательными атрибутами тегов, не рекомендованных программой Calames (например, <container>, <date>, <chronlist>, <chronitem>). Каждая ошибка помечена определенным цветом. Этот модуль был разработан талантливым молодым программистом, который рано трагически погиб.

Библиографическое агентство системы высшего образования Франции (ABES) уже имело на момент создания Calames интернет-приложение для включения в библиографические записи авторитетных записей в форматах UNIMARC/MARCXML и RDF. Приложение «IdRef» (Идентификаторы и перечни) – богатая база данных, содержащая описания физических и юридических лиц, являющихся авторами произведений, внесенных в информационные системы министерства высшего образования Франции theses.fr, Sudoc, Calames. Поскольку эти записи о физических лицах содержат персональную информацию, ABES получило разрешение Государственной комиссии по информатике и свободам (CNIL) на ее хранение. Замечательно, что ныне здравствующие авторы могут обратиться в Агентство с просьбой убрать персональную информацию о них из статей. Серьезными недостатками IdRef являются абсолютно неэргономичный интерфейс, необходимость ввода па-

роля при каждом переходе из этой программы в Calames и обратно, а также частные технические проблемы.

Из-за этих улучшений весьма удобный для грамотного пользователя X-Metal превратился в очень сложный, капризный Calames. Поскольку вся работа с Calames происходит в онлайн-режиме и идет довольно медленно, а иногда и с ошибками, эксперты этой программы советуют участникам стажировок создавать файлы в формате *.txt, а затем копировать их в предусмотренное для них место в структуре описания. Несколько раз мы сталкивались с тем, что сотрудники, описывающие фонды, предпочитают делать это в X-Metal, XML-Mind, C-Atom и даже в Word и Excel, а затем экспортировать их в Calames. Думаю, что сравнительная распространенность подобной практики является лучшей иллюстрацией принципа «лучшее – враг хорошего».

Отход от современных принципов передачи содержания архивов, хранящихся в библиотеках, при их описании выражается, прежде всего, в ненадлежащем использовании некоторых тегов и их атрибутов.

Так, тег <scorcontent> используется даже не как «общая опись» (inventaire sommaire), дающая развернутые заголовки наиболее интересным документам и более общие – группам менее интересных документов (что было запрещено инструкцией Управления архивов Франции еще 25 марта 1909 г.), а просто для выборочного цитирования нескольких наиболее интересных заголовков документов из состава дела. Эта практика хотя и позволяет воспроизводить описи XIX в., но противоречит современным принципам архивного описания, зафиксированным, прежде всего, в стандарте ISAD/G.

Поскольку библиотечные классификации имеют более «линейный» характер, чем архивные, библиотекари не всегда правильно определяют уровни в схеме классификации («фонд – серия – подсерия – дело – документ» во французской терминологии) и не всегда четко отделяют заголовки, данные группе документов, от самой этой группы документов.

Во избежание слишком большого количества исправлений, которые пришлось бы делать вручную, было выбрано значение атрибута level (уровень описания) <c level "othelevel" = "notice"> («карточка библиографического описания»). Составителям описей в «Общем каталоге» СGM рекомендовалось использовать этот «неудобный» атрибут один раз во всей описи, а не в отдельных ее частях, указывая, что речь идет о «серии» или о «группе документов». И то и другое решение нарушает правила описания архивов.

Укажем, что и во втором «библиотечном» каталоге Calames атрибут <level>, сыгравший ключевую роль в возвращении французских архивов «цифровой эпохи» к соблюдению классического принципа единства фонда, используется от случая к случаю: в отличие от учебников EAD для архивистов консультанты-библиотекари «не запрещают и не поощряют его использование»⁶. Современные методисты программы Calames считают, что <level> будет массово использоваться только в случае, если Calames вернется к экспорту в OAI.

Можно возразить, что проблема с уровнями описания была унаследована от эпохи, когда архивы описывали в UNIMARC. Сделаем существенную оговорку. Разумеется, миграция данных из одной системы описания или базы данных в другую требует жертв. По мнению нескольких хранителей библиотек, 5–10% данных подвергаются утере или серьезному повреждению при ретроконверсии фонда и смене программного обеспечения. Но эти ошибки и потери связаны либо с несовершенством механизмов конвертации и миграции данных, либо с опечатками и ошибками, случайно допущенными операторами ввода. Но почему и зачем при разработке программы миграции из UNIMARC в EAD в новые электронные описи были сознательно внесены тысячи ошибочных данных? Причины лежат в истории «архивов в библиотеках» и в истории рецепции библиотеками принципов архивного описания. Рабочая группа, создавшая и пилотирующая ныне проекты CGM и Calames, состоит из библиотекарей, среди которых, возможно, не все – шартисты. Но и от входящих в проект шартистов сложно требовать досконального знания тонкостей архивной классификации – до конца 1990-х гг. курс архивоведения в Школе хартий не рассматривал подробно проблемы классификации современных фондов. Шартисты-библиотекари нередко и становятся специалистами по архивным фондам в библиотеках, структура которых, поскольку это в 90 % случаев личные фонды, очень проста. Эти хранители работают с личными фондами, а нередко – с осколками таких фондов и отдельными документами, гораздо чаще сталкиваясь с проблемами атрибуции, чем классификации. Словом, классификация документов внутри фонда, деление фонда на части по структурным, авторским, хронологическим критериям воспринимается руководителями библиотечных архивных проектов как проблема надуманная, поэтому – неважная. Из личного общения со специалистами разного уровня автор этой статьи вынесла убеждение, что «библиотечная версия» EAD создавалась затем, чтобы сохранить свое «самостоянье», не признавать ошибочности как передачи би-

библиотекам архивных фондов, так и примененных к этим фондам методов описания.

Но уровни в описании EAD были созданы для отражения сложной структуры фондов. Присвоение элементу описания определенного уровня (документ, дело, часть фонда) позволяет воспринимать его в контексте. На практике использования Calames пренебрежение к указанию уровня элементов и отсутствие необходимости размышлять об их взаимосвязи приводят к тому, что неопытный пользователь может совершить ряд ошибок, которые значительно усложнят любую миграцию и публикацию данных за пределами Calames. Пример первый: неопытность пользователя или смена сотрудников могут привести к тому, что внутри уровня «фонд» будет создан уровень «серия». Технически никакая процедура контроля не мешает включить «фонд» (fonds) или «серию» (serie) даже в «отдельный документ» (item). Пример второй: неопытный пользователь может «подвесить» тег <c>, не содержащий полного описания фонда, а лишь «указания» на самые интересные документы из него, к корневому узлу каталога своего учреждения, никак не связав его с уже имеющейся структурой, в которой ему принадлежит вполне определенное место. Например, именно так и вышло с коллекцией фотографий (фотографии директоров Центральной школы, ее известных выпускников и преподавателей, коллективные фотографии выпусков), хотя отдельные ее элементы были созданы в рамках хорошо известных и задокументированных мероприятий или процессов. Кураторы программы обнаружили в декабре 2013 г. эту коллекцию портретов и обязали библиотеку распределить изображения по разделам описи фонда учреждения с учетом их происхождения. Здесь они, безусловно, выступили сторонниками принципа происхождения.

Подведем некоторые итоги рецепции библиотеками принципа единства фонда в отношении архивов, хранение которых им доверено. Рецепция принципа единства фонда проявляется и в том, что теперь в SGM составляют описания фондов, а сам этот огромный и старинный каталог постепенно приближается по своей форме к тематическому путеводителю по фондам, хранящимся в различных учреждениях. Литературная библиотека Ж. Дусе, после переработки описей в EAD, смогла восстановить ранее разбросанный по разным тематическим коллекциям фонд основателя библиотеки Ж. Дусе. Из рассмотренных примеров ясно, что речь может идти именно о рецепции «внешнего», «слабого» принципа единства фонда. Знаменательно, что пределы этой рецепции становятся очевидны уже на этапе разработки технических условий из UNIMARC

в EAD. Полагаем, что именно практика (не)использования ключевого в архивной практике понятия «уровень описания», отсутствующего в библиотечных системах описания документов, и показывает уровень и границы рецепции принципа единства фонда библиотечными учреждениями и сотрудниками, занятыми хранением и описанием архивов. А ведь именно от успешной рецепции этого принципа архивоведения зависит качество описания, а значит, и включения в научный оборот архивного достояния, хранящегося в библиотеках.

Создав и основное техническое и методическое обеспечение на основе EAD2, библиотеки Франции, не приняв «духа» EAD, в очень многих случаях сделали догмат из «букв» и оказались неготовыми перейти к EAD3. Приведем примеры такого превращения «буквы» в догмат.

Верная традиции библиографического описания экспертная группа Salames по аналогии с титульной страницей книги, несущей большинство библиографической информации о ней, посчитала ключевым тегом <frontmatter>, позволяющий создать титульный лист описи, а не <filedesc>, содержащий собственно данные об опубликованной в Сети описи⁷.

Использование тегов примечания будет ограничено в новой версии EAD возможностью указать на физическое исчезновение документа. Это ставит вопрос о перераспределении информации об истории фонда и его особенностях, ранее внесенной в эти теги в CGM, между другими тегами EAD, такими как <custodhist>, <acquinfo>, <origination>.

К сожалению, и в тексте, который содержат теги, также нередко нарушаются основные принципы архивоведения. Качество архивного описания, по мнению К.С. де Гримуар⁸, нельзя гарантировать одним лишь формальным соблюдением стандартов. Работая в проектах, связанных с Salames и CGM, автор данной статьи убедилась, что сотрудники библиотек, описывающие документы в этих проектах, совершенно незнакомы со стандартом ISAD/G и традициями описания архивов. Возложенная этим стандартом, да и всей архивной традицией, на архивиста обязанность сформулировать заголовок дела (указывая в нем согласно ISAD/G «объект действия», «совершаемое с ним действие», «вид документа» и «дату документа») вызывает у рядовых библиотекарей суеверный ужас. Ведь все стандарты семейства MARC требуют воспроизведения заголовка, указанного на документе. Разница заключается в том, что пока заголовок печатного документа дошел до типографии, он был минимум раз шесть обдуман и исправлен. А заголовок дела, данный

в делопроизводстве, далеко не всегда отражает его суть, потому что дело может получить неожиданное развитие или вообще оказаться в папке с другим заголовком, когда его первоначальная обложка истрепалась. Библиотекари, никогда не разбиравшие архивных фондов, этих тонкостей не знают, поэтому вносят в тег <unittitle> практически любую информацию с обложки дела: «1888» или «Шутки и анекдоты». Это происходит не потому, что не все из них смогли пройти обучение работе с EAD в Calames, а потому, что руководители проекта открыто говорят стажерам из числа архивистов: «применять принципы ISAD/G в библиотеке невозможно».

Принципы «партийности» и нейтральности

Полагаю, что нельзя отрицать необходимость сформулированных в советское время принципов экспертизы ценности и описания документов – историзма, всесторонности (отражающей неисчерпаемый характер каждого исторического источника) и комплексности (являющейся версией «уважения к фонду»). Но рано сбрасывать со счетов и принцип партийности, вернее, принцип неизбежной идеологизации той ключевой для выживания государства и нации функции, которой является сохранение и передача последующим поколениям информации о прошлом. При всех его недостатках преимущество принципа партийности в советском архивном деле состояло в том, что он был декларирован и осмыслен профессиональным сообществом. Факт признания «партийности» как формы идеологизации позволил выработать к ней профессиональное отношение и поставить ей разумные границы. Архивисты Франции, гораздо менее российских склонные рассуждать о высоких материях в методике, имплицитно применяют и категории фондов («престижный»/«непрестижный») и критерий партийности, принявший в Пятой республике форму политкорректности. Но поскольку эти категории и критерии вытеснены в «подсознание» профессионального сообщества, они не являются предметом обсуждения и перекося в их применении никак не корректируются.

Например, традиционная для Центральной школы искусств и мануфактур в Париже политическая индифферентность допускала в стены этого учебного заведения поляков из Австрийской и Российской империй наравне с турками и армянами, а немцев наряду с уроженцами аннексированных Эльзаса–Лотарингии. Для директоров этой школы было важно сделать из этих молодых людей настоящих «врачей для заводов и фабрик», которыми равно можно

гордиться, если они погибли во время народно-освободительного восстания, в колониальной экспедиции или при испытаниях нового паровоза или самолета. Поэтому ни в одном из личных дел учащихся нет указаний на их этническое происхождение и гражданство. Но как быть архивистам этого учебного заведения, если несколько раз в год они отвечают на запросы посольств со всего мира о том, сколько американцев, итальянцев, поляков, вьетнамцев закончили эту престижную школу? А дирекция школы, продолжая традиции «политкорректности», не разрешает вносить в описи архивного фонда никаких указаний на гражданство и национальность студентов и выпускников, даже если они иногда встречаются в документах. Эта позиция в разы увеличивает время на обработку запросов из посольств и является серьезным препятствием для просопографических исследований выпускников школы. Хуже всего то, что эта позиция «исторически» обоснована и не может обсуждаться, потому что у историков и архивистов Франции нет прецедента обсуждения разумных пределов местной версии «партийности» – пресловутой «политкорректности».

Не вполне соблюдается в Calames принцип нейтральности. Формально руководство проекта борется за нее. Например, каждое физическое лицо, упомянутое в описи, должно быть выделено тегом <persname>, а на деле его достаиваются только «значимые» для составителей описи лица. Руководство проекта неизменно напоминает его участникам, что для «значимых» лиц нужно создавать записи в базе данных авторитетных записей IDRef, а на тег <persname> имеет право каждый. Руководство проекта также следит за тем, чтобы из составленных в XIX в. коллекционерами и шартистами описей не переносились в Calames наиболее эмоциональные оценки литературных текстов: «рукопись без начала и конца», «крайне посредственный текст». Члены пилотной группы Calames справедливо считают, что описи, несущие печать личности составителя, должны быть сохранены и доступны публике, поскольку они представляют важность для истории учреждения. Гораздо сложнее согласиться с отказом от принципа нейтральности в описании личных фондов деятелей искусства и литературы со стороны шартистов – сегодняшних руководителей проекта.

Члены пилотной группы Calames признают: «Мы не соблюдаем принцип нейтральности. Мы действительно навязываем нашу точку зрения, но это – наш каталог». Здесь можно напомнить о том, что каталог Calames – не их личная, а лишь в какой-то степени интеллектуальная собственность, что он создается ими на государственной службе на деньги налогоплательщиков и принадлежит народу.

Последнее утверждение оспаривает видный теоретик концепции национального достояния директор Школы хартий Ж.-М. Леньо, считающий основной задачей современных учреждений, хранящих национальное достояние, «вернуть народу его национальные богатства (парки, памятники и произведения искусства), поразительным образом все те же (которые были переданы ему после 1789 г. – *В. П.*), которые, кажется, вновь были у народа украдены новым привилегированным меньшинством».

В работе 1992 г. «Французская утопия: эссе о наследии» Ж.-М. Леньо пишет, что поскольку «любой объект может стать частью национального достояния», то именно «от применения посредниками (между народом и его историческим наследием. – *В. П.*) явных или скрытых критериев оценки зависит отнесение этого объекта к национальному достоянию»⁹. Очевидно, что оценка документов происходит не только при отборе на хранение, но и при описании, и в ситуации культурного разрыва между народом и элитами особенно важно, чтобы эта оценка была нейтральной, написанной доступным языком. Элитизм и «интеллектуальная экспроприация» литературных архивов проявляются и в том, что все эксперты Salames единодушно решили, что их проект не нуждается в фольксномии, потому что рядовой любитель истории и литературы не сможет сообщить им ничего об «их» архивах, чего бы они сами не знали.

Но самая главная проблема не в элитизме, которому не место в учреждениях, обеспечивающих передачу будущим поколениям памяти страны. Главная проблема в том, что если автор-архивист не соблюдает принципа нейтральности, то опись становится местом встречи создателя документов и архивиста, а она должна быть местом встречи автора документов и исследователя. Сам же архивист, со всеми его знаниями, жизненным опытом и литературным вкусом, должен употребить все свои усилия, чтобы создать ту среду, то коэзитенциальное и эволюционное целое, где происходит эта встреча. Он должен как бы «войти» в эпоху создания документов, взять за руку их автора и привести его к читателю описи и документов, скромно отойдя в сторону и радуясь не тому, что он выразил свое мнение, а тому, что он стал посредником между ними. И вот этой ролью посредника, хранителя связи между нацией и ее историческим достоянием архивист не может жертвовать для самовыражения. Среди архивистов, понимающих это и остающихся творческими личностями, именно поэтому так много писателей самых разных жанров. Назовем здесь лишь директора архивов Франции Шарля Бребана (1889–1976) и ныне здравствующего эксперта Мари-Анну Шабен.

Новые стандарты и новые перспективы

Проблема модернизации Calames стоит особенно остро, потому что он работает с Internet Explorer, что само по себе является фактором, ускоряющим моральный износ данного программного обеспечения. Будет ли модернизация программы и проекта Calames означать его сближение с архивной методикой?

Примечательно, что эксперты группы Calames отказываются переходить на следующую версию EAD, «потому что это – конец текста». Но в то же время свод правил пунктуации и использования шрифтов (style sheet) программы Calames отрегулирован так, что он сужает возможности использования текста даже в EAD2:

- публикует вместо вписанного в тег <genreform> («вид и форма документа») текста значение атрибута из установленного руководителями проекта списка;
- исключает возможность внесения даты документа (тег <unitdate>) в заголовок дела (тег <unittitle>), «вырывая» дату из текста и перенося ее в другое место документа.

По мнению специалистов МСА, в использовании тегов и атрибутов как ключевых слов, а также в избыточном использовании тегов <subject>, <controlaccess> проявляется присущее французским библиотекарям эпохи RAMEAU стремление не столько описывать документ как результат целенаправленных действий автора в конкретной исторической ситуации, сколько снабдить его набором ключевых слов, максимально полно отражающих аспекты его содержания.

Экспертная группа Calames также не планирует переходить от авторитетных записей IdRef к описанию в EAC. Между тем новая версия EAC-CPF 2010 позволяет описывать фондообразователей гораздо более подробно, чем в схеме UNIMARC.

Огромным преимуществом версии EAC-CPF 2010 является возможность описания фондообразователя, выполнявшего разнообразные функции в мало связанных между собой областях деятельности: например, писатель Максим Горький и политический и общественный деятель А.М. Пешков фигурируют как два разных фондообразователя в некоторых французских архивах, хотя все прекрасно понимают, что это один и тот же человек. Теперь для стандартизованного жизнеописания этой противоречивой фигуры будет достаточно одного файла EAC-CPF. Или, например, медик и политический деятель Жорж Клемансо, оставивший в пяти архивах и музеях документы о своей деятельности, может быть описан в такой «авторитетной записи» во всех своих ипостасях. Совсем

иначе можно будет взглянуть и на директора Архивов Франции Шарля Бребана, когда биография автора исторических и автобиографических романов Ш. Бребана перестанет существовать отдельно от судьбы успешного руководителя.

В принципе одновременное использование EAD и EAC, от которого разработчики Calames отказались в пользу IdRef, создает уникальную возможность взаимосвязанного и практически исчерпывающего описания фондообразователей и созданных ими архивов. Но, по мнению эксперта Клер Сибиль, система связей описания в EAD предоставляла меньше возможностей, чем система связей описания фондообразователя в EAC.

Стандартизация в архивном деле по-прежнему набирает обороты. Об этом свидетельствует хотя бы такой простой факт, что в версии «контрольной зоны» описания EAC DTD beta было всего два обязательных элемента (указать) и четыре факультативных. В новой версии этого же стандарта описания EAC-CPF 2010 элементов стало больше и ровно половина из них – пять из десяти (идентификационный номер записи, учреждение, создавшее описание, а также история записи, ее язык и источники) – обязательные.

В 2012 г. была создана Экспертная группа МСА по описанию архивов, чтобы выработать концептуальную модель архивного описания, объединяющую все предшествующие разработки МСА.

На Международной высшей архивной конференции в Париже в октябре 2014 г. члены рабочей группы Д. Питти, К. Сибиль и Ф. Клаво сообщили, что по причинам, лежащим в области теории архивоведения, дифференциация архивного описания продолжается. В других сферах, работающих с национальным достоянием, описание тоже дифференцируется, раздробляется на отдельные тематические блоки. И каждое существенное обновление технологий информации и коммуникации отражается на методиках описания, внося в них еще одно разделение – на старые и новые. Сейчас появились новые технические возможности (технология графов и семантических технологий, более гибких, чем XML и SQL). Эксперты считают, что на их основе, возможно, удастся создать единую методику описания для архивов, музеев и библиотек. Сложность заключается в том, что необходимо перейти от описательной терминологии нынешних стандартов МСА к моделям организации информации, описанным языком схем. По мнению Ф. Клаво, в модели, которую разрабатывает МСА, особенно важны историчность, гибкость, сохранение различия между собственно документом и его описанием. Специалисты из США, Австралии, Румынии, Финляндии, Бразилии, Италии готовят два взаимосвязанных документа.

Документ, который готовит первая рабочая подгруппа, описывает общие «Принципы и терминологию», открывающие стандарт. Задача терминологической группы – так отобрать термины на английском и других языках, чтобы они могли использоваться не вызывая разногласий. Авторы стремятся к тому, чтобы за счет простоты терминов новая методика была всем понятна и легкопереводима на многие языки. Вторая рабочая подгруппа готовит стандарт об «описании документов в контексте, в котором они были созданы и существуют» (Records In Context – RIC). Все обязательные элементы описания в ISAD/G остаются обязательными и для RIC. Методика «архивы в контексте» RIC (Records In Context) опирается на общепризнанные архивные принципы. В методике есть два блока: онтология и стандарты, созданные на основе ныне существующих стандартов МСА.

Третья рабочая группа разрабатывает «Онтологию документов в контексте»: нечто вроде формально описанной, с точки зрения сотрудников архивов, музеев и библиотек, модели мира. Новая онтология и модель должны будут применяться как для архивов, не имеющих в настоящее время подобного стандарта, так и для музеев (использующих концептуальную модель информации CIDOC CRM) и библиотек (использующих утвержденную ИФЛА концептуальную модель FRBR). На наш взгляд, самым слабым местом онтологии является описание фондообразователя. Онтология МСА создается с нуля как типовая модель аналога справки о фондообразователе, написанной на языке XML и опубликованной в Интернете. Знакомство с данной моделью обнаруживает методическое превосходство советских и постсоветских архивных методик над западноевропейскими в этом вопросе, ибо выработанная за десятилетия написаний справок о фондообразователе методика проще, понятнее и применимее в реальной жизни. Можно сделать вывод о том, что отсутствие дела фонда во французской методике сказалось негативно не только на учете, но и на описании фондообразователя¹⁰.

Выводы относительно архивной отрасли

Передача литературных рукописей и фондов личного происхождения на хранение в библиотеки возымело во Франции отрицательные методические последствия. Например, снижение качества их описания: долгое время эти фонды описывались в неподходящих для них форматах семейства MARC, и даже когда библиотекари стали использовать для описания архивов EAD, они восприняли

его поверхностно и внешне, без всей глубины архивной доктрины, плодом которой он является.

Именно эта неполнота заимствования базовых принципов архивоведения привела к следующим указанным недостаткам описания архивов в Salames. Поскольку принцип «уважение к фонду» был заимствован библиотеками лишь частично, в версии «принципа единства фонда», т. е. соблюдения, а во многих случаях, как с фондом Ж. Дусе, восстановления его внешних границ (что весьма отраднo), при описании архивов в Salames сохранению внутренней структуры фондов не было уделено должного внимания, что отразилось в волюнтаристском использовании чрезвычайно важного атрибута <level>.

Опыт Франции свидетельствует о том, что архивисты России должны всемерно развивать и поддерживать сеть архивов литературы и искусства, а также сеть архивов Академии наук, потому что именно эти учреждения наилучшим образом решают задачи сохранения и введения в научный оборот источников по истории культуры и науки нашей страны.

Выводы относительно научно-справочного аппарата к архивным фондам

Выбор стандарта описания исторического источника должен исходить из вида этого источника, а не из профиля хранящего его учреждения. То есть архивный фонд, хранящийся в библиотеке и музее, должен описываться по ISAD/G и EAD, а книги из библиотеки архива и музея – в ISBD и UNIMARC.

Поскольку описывать по единому стандарту можно феномены, имеющие единую природу, разработка совместных стандартов описания возможна только для тех феноменов, в отношении описания которых между библиотечным, архивным и музейным делом не существует методических противоречий. Таким феноменом, безусловно, является автор исторического источника, поскольку факт хранения произведения в библиотеке или в архиве никак не влияет на историю автора, и поэтому методика создания описательных статей об авторах (авторитетных записей) может быть общей для трех дисциплин. Именно в этом направлении в настоящее время работает экспертная группа МСА, хотя их модель описания автора и не является самой удачной из существующих.

Опыт разработки французскими специалистами модели описания фондообразователя «с нуля» также обнаружил, что

отсутствие дела фонда во французской методике сказалось негативно не только на учете, но и на описании фондообразователя. В ситуации, когда все больше учетных документов становятся доступными исследователю, российские архивисты должны сохранить дела фондов и активно использовать их при создании научно-справочного аппарата в Интернете. Создание модели дела фонда в XML, совместимого по некоторым позициям с EAC CPF, представляется весьма перспективным.

Другим феноменом, в отношении которого могут быть сняты методические противоречия между архивным, библиотечным и музейным делом, является источниковый (архивный, библиотечный, музейный) фонд – т. е. совокупность различных исторических источников, отложившихся в деятельности физического или юридического лица. На настоящем этапе идет рецепция принципа единства фонда библиотечным и музейным делом, но она еще не завершена. На Высшей международной архивной конференции 2014 г. в Париже руководитель этой рабочей группы МСА, видный американский архивист Д. Питти подчеркнул, что новая модель описания по-прежнему опирается на принцип единства фонда, поэтому схема классификации должна сохранять контекст создания документов и не зависеть от запросов конкретных исследований. Принцип происхождения, по словам Д. Питти, касается как физической, так и интеллектуальной организации документов. Таким образом, чтобы общая модель работала, нужно, чтобы все, кто будет ее использовать, в полной мере освоили принцип единства фонда.

До того как между хранителями архивов, музеев и библиотек будет достигнут реальный консенсус, создание «общих» стандартов для описания документных совокупностей, имеющих различную природу и структуру, представляется довольно бесперспективным. На практике здесь дело редко идет гладко, поскольку редко создаются более подробные справочники, чем путеводитель по фондам. Собственно существует один общий минималистский стандарт, подходящий для описания практически любого вида источника, – Dublin Core, который используют все три профессии.

Если даже общий стандарт описания не будет создан, это не мешает осуществлению совместных проектов. Наиболее успешные проекты совместных архивно-библиотечных информационных порталов не были созданы через описание архивов в UNIMARC и печатных изданий в EAD. Каждый массив документов описывался по наиболее подходящей ему методике, и за счет протоколов и интерфейсов доступа к данным и унифицированных форматов их

представления исследователь получал стилистически одинаково оформленный список результатов.

Предпочтительно разрабатывать не общие модели описания и кодирования данных, которые будут все меньше принимать в расчет специфику каждого источника, а разрабатывать средства поиска и публикации данных на совместных для архивов библиотек и музеев порталах и систему обеспечения постоянных связей между опубликованными в Интернете их описаниями.

Примечания

- ¹ С коллекцией выпусков бюллетеня можно ознакомиться здесь: Bulletin sur les ressources archivistiques numériques [Электронный ресурс] // Archives de France. URL: <http://www.archivesdefrance.culture.gouv.fr/gerer/publications/bulletin-ressources-numeriques/>
- ² *Масхулия Т.Л., Селиванова Ю.Г.* К вопросу представления библиотечных и архивных материалов в цифровой коллекции Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина [Электронный ресурс] // Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина. URL: http://www.prlib.ru/Documents/contentprocessing/prlib_ArchLibPres.pdf.
- ³ Les Archives Nationales: les lieux pour l'histoire de France, bicentenaire d'une installation 1808–2008 / Coordination générale par C. Bichou, avec collaboration de Ch. Albanel, I. Neuschwander, J.-P. Brunterc'h, O. Poncet. P., 2008. P. 161.
- ⁴ *Foucaud J.-F.* Les bibliothèques et leur patrimoine // Le patrimoine: histoire, pratiques et perspectives / Sous la dir. de J.-P. Oddos. P.: Editions du cercle de la librairie, 1997 (Collection bibliothèques). P. 148; *Pallier D.* Les bibliothèques. P.: PUF, 2000 (Que sais-je?). P. 48–49.
- ⁵ *Жлобинская О.Н.* Библиотеки и архивы: сближение стандартов [Электронный ресурс] // Российская библиотечная ассоциация. URL: <http://www.rba.ru/rusmarc/publish/arhiv.pdf>; *Лереш Ф.* Библиотеки и архивы: совместные стандарты для обеспечения лучшего доступа к культурному наследию // Новости Международной федерации библиотечных ассоциаций и учреждений. 2009. № 5. С. 20–26.
- ⁶ Цикл лекций по повышению квалификации на портале Calames: Se former à distance [Электронный ресурс] // Agence bibliographique de l'enseignement supérieur. URL: <http://www.abes.fr/Calames/Se-former2/Se-former-a-distance>.
- ⁷ Faire un répertoire ou un inventaire simple en EAD (Description archivistique encodée): manuel d'encodage. Version 1.1 / Groupe d'expert AFNOR. 2009. P. 11, 17.
- ⁸ *Grimoüard C.S. de.* Avantages et inconvénients d'un encodage en EAD // La Gazette des archives. 2010. № 220 (4). Les instruments de recherche: évolutions, publics et stratégies. P. 186.

- ⁹ *Lemiaud J.-M.* L'utopie française: essai sur le patrimoine. P.: Mengès, 1992. P. 56.
- ¹⁰ *Прозорова В.Б.* Международная высшая архивная конференция (CISA) «Актуальные проблемы архивного дела в современном мире» 20–24 октября 2014 г. Париж [Электронный ресурс] // Сетевой журнал «Вестник архивиста.RU». 2015. 3 марта. URL: <http://www.vestarchive.ru/konferencii/3059-mejdynarodnaia-vysshaia-arhivnaia-konferenciia-cisa-laktyalnye-problemy-arhivnogo-dela-v-sovremen.pdf>.

В.П. Козлов

НОВЫЕ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ
О МОДЕРНИЗАЦИИ СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНИ
в 1929–1939 гг.

В статье рассматриваются источниковое значение и археографический уровень последних томов трех завершенных многотомных публикаций по истории советской деревни в 30-е годы XX в. – «Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД», «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину», «Голод в СССР». Сделаны выводы о противоречивом характере данных опубликованных здесь документов и их археографической обработке.

Ключевые слова: документальная публикация, документальный коллапс, достоверность документальных источников, карательная политика советской власти в деревне, коллективизация, критерии отбора документов для документальной публикации, массовые документы карательных органов советской власти, переменчивая достоверность документального источника.

После ухода из жизни В.П. Данилова интенсивность документального освещения истории русского и советского крестьянства явно снизилась. Тем более приятно, что в обозреваемый период вышли в свет три документальные публикации, представляющие собой завершение целых серий, основание двух из которых как раз связано с именем В.П. Данилова.

Серийная документальная публикация «Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД» завершена с выходом в свет ее четвертого тома¹, документы которого раскрывают ситуацию в советской деревне в 1935–1939 гг., когда колхозы в ней стали состоявшейся реальностью. Здесь нет смысла описывать эту реальность – она прекрасно показана в большом и содержательном историческом предисловии к тому, написанном Ю.А. Мошковым, С.А. Красильниковым,

Н. Вертом, А.Я. Береловичем. К 1935 г. советская общинно-дворовая деревня была сломлена окончательно и именно с этого года советская власть от экспромтов предшествующих лет в организации колхозного строительства перешла к более или менее внятным действиям по созданию колхозного строя. Ничуть не ослабляя карательного характера своих действий по насильственному насаждению колхозов, она сопровождала их деятельность нормативной, кадровой, экономической упорядоченностью, стремясь в рамках суровой конфискационной политики в отношении продукции колхозов к примитивному, опять же больше силовому, чем реально экономическому, поощрению труда колхозников.

Основной массив документов сборника составляют информационные материалы региональных структур НКВД СССР, направленные в его центральный аппарат и в ряде случаев даже непосредственно в ЦК ВКП(б). К 1935 г. сбор, агрегирование такой информации были хорошо отработаны и инструктивно закреплены. Для руководства страны в недрах НКВД создавались своего рода тайные газеты с различными хронологическими и тематическими форматами – от ежедневных сводок до месячных обзоров, от информации о конкретных событиях до проблемных аналитических обзоров о ходе посевных, заготовительных кампаний, ходе колхозного строительства, отношении крестьян к колхозам и советской власти и т. д. Современный, а не только будущий историк и источниковед обязательно рано или поздно с использованием существующих и каких-то иных методов проведет проверку этих документальных источников на достоверность. В рамках же настоящего археографического обзора отметим две их очевидные особенности.

Первая – это терминология. «Помещики» и «кулаки» в советском публичном и тайном документальном новоязе фигурируют с 1917 г. и вплоть до 1939 г., разбавляясь, правда, после 1932 г. иными понятиями. По нашим подсчетам, только в 1924–1932 гг. было проведено не менее 12 волн их выселения с параллельным, далеко не всегда связанным с выселением, привлечением к уголовной ответственности вплоть до расстрелов крестьян². Казалось бы, к 1935 г. классовая метла ничего от них не должна была оставить. А они, оказывается, находились в деревне и в 1939 г. Понятно почему: «помещик» и «кулак» как экономические понятия превратились в политическую категорию и, продолжая оставаться «контрреволюционными элементами», плавно перетекли в «антисоветские» и «вредительские».

Вторая – это явная трансформация где-то на рубеже 20–30-х годов методологии подготовки информационных сводок. Смысл ее за-

ключался в постепенном выдавливании передачи всего многообразия спектра крестьянских мнений по поводу происходящего в советской деревне, характерных для сводок второй половины 20-х годов, и замене его исключительно сообщениями о «негативе» – проявлениях недовольства политикой советской власти в деревне. И это можно объяснить не только тем, что власти стремились получить истинную картину отношения крестьян к происходящему. Власти нужно было оправдать свои силовые действия в деревне, а для этого здесь должен был быть перманентный враг.

Эти оба обстоятельства придают определенный субъективизм документам четвертого тома сборника. Они создают впечатление о всеобщем негативном отношении советского крестьянства к коллективизации в той форме и теми методами, которыми она проводилась. На самом же деле были и устойчивые крестьянские группы, которые проявляли свое недовольство лишь отдельными решениями советской власти.

Прежде чем остановиться на археографической стороне этой публикации, обратим внимание на статистику географии и тематики помещенных в ней документов.

Все поволжские регионы представлены здесь 48 документами, далее следует Центральная Черноземная область (46 документов), Украина (33 документа), Северо-Кавказский край (17 документов), Западно-Сибирский край (11 документов), Московская и Ивановская промышленные области (по 10 документов) и т. д. Оставим пока эти данные без комментариев.

Контент-анализ заголовков 296 из 323 опубликованных документов показывает, что на первом плане их значительная часть (37 документов) раскрывает в основном тему «контрреволюционных действий», «вредительства» и «антисоветских проявлений» в деревне. Далее следуют документы, связанные с печально известным приказом НКВД № 00447 (32 документа), характеристики состояния колхозов и колхозного строительства в отдельных регионах (30 документов), оценка хода посевных кампаний по отдельным регионам и состоянии низового колхозного и советского руководства (по 17 документов), «продовольственные затруднения» (13 документов) и т. д. При этом годовая тематическая раскладка документов более или менее равномерна для характеристики состояния колхозов и колхозного строительства, «контрреволюционных действий», «вредительства» и «антисоветских проявлений», обязательных поставок сельхозпродуктов колхозов государству и ряда других проблемных тем.

Большая же часть документов, помещенных в сводках, явно ре-агирует на ту или иную кампанию советской власти, будь то устав

сельхозартели или обсуждение и принятие Конституции СССР 1936 г. Очень характерна в этом смысле убывающая кривая, связанная с характеристикой состояния низового колхозного и советского аппарата: 1935 г. – 9 документов, 1936 г. – 4 документа, 1937 г. – 3 документа, 1938 г. – 1 документ, 1939 г. – ни одного документа.

Для демонстрации источникового значения рецензируемой документальной публикации остановимся на самом большом комплексе ее документов, связанных с репрессиями в советской деревне.

Сборник показывает несколько репрессивных волн российского крестьянства в 1934–1939 гг., отличавшихся от предшествующих. Первая волна – это «удар по штабам», т. е. по руководству колхозов. В 1935 г. ее жертвами стали счетоводы: среди них, как можно понять, было выявлено 1013 «чуждых» и подлежащих чистке (с. 119–122). Как свидетельствует спецсообщение УНКВД по Калининской области о составе председателей правлений колхозов, вскоре эта репрессивная волна затронула и председателей колхозов (с. 266–270). Докладная записка УНКВД по Азово-Черноморскому краю от 10 июля 1936 г. свидетельствует о начале второй волны репрессий под флагом борьбы с «контрреволюционным подпольем» в российской деревне (с. 272–273). Это «подполье» постепенно трансформируется в «контрреволюционные повстанческие группировки», о чем говорит спецсообщение УНКВД по Западной области от 6 октября 1936 г. (с. 314–317). Помещенная в издании выборочная сводка донесений областных управлений НКВД наркомун внутренних дел СССР о подготовке к исполнению приказа НКВД СССР № 00447 говорит о начале третьей репрессивной волны в деревне – против «кулаков», «уголовного элемента», лиц, вернувшихся из мест ссылки и заключения. Только по Ивановской, Челябинской, Иркутской, Калининской, Архангельской, Ярославской областям, Кабардино-Балкарской, Башкирской АССР, Орджоникидзевскому и Западно-Сибирскому краю число людей, подлежащих репрессиям, преимущественно крестьян, деревенских служащих и деревенской инженерно-технической интеллигенции, составило свыше 56 тыс. (с. 452–455).

В сборнике помещены документальные источники, связанные с подготовкой и проведением показательных процессов над крестьянами в разных регионах страны. Из них можно видеть, как впервые в истории советской репрессивной политики карательными органами выстраивались цепочки связей «врагов советской власти» по схеме город–деревня и наоборот. Репрессивные меры не с уголовным, а политическим подтекстом немедленно распро-

странялись и на случаи чрезвычайных происшествий в деревне, например пожары.

Приведенная выше статистика географического и тематического распределения документов сборника на самом деле характеризует не только его источниковое значение для понимания истории советской деревни. Она имеет прямое отношение и к археографической составляющей этой публикации.

Перед нами публикация массовых документов, т. е. однотипных источников, дошедших до нас в большом числе и с достаточно устойчивыми формулярами в виде спецсводок, спецзаписок, спецсообщений, докладных записок, донесений, рапортов, записок по прямому проводу, справок, бюллетеней, шифротелеграмм и просто телеграмм. Некоторые из этих видов источников отличаются от других большей степенью обобщений, другие, наоборот, носят исключительно конкретный фактологический характер. Собственно говоря, по этой причине мы можем говорить о двух группах документов, объединенных характером информации, – обобщающих и конкретно фактологических. В них больше общего, чем отличия от третьей группы – судебных приговоров, жалоб, обзоров содержания перлюстрированных писем.

Повторим, что сборник предоставляет нам массовые документальные источники, как правило, рожденные документами с высокой степенью кумулятивности, иначе говоря, документами директивного характера, изданными в других документальных публикациях.

Такие массовые документы при их публикации требуют разрешения по крайней мере двух вопросов.

Первый вопрос – это выбор из их тысячной совокупности некоторой части, иначе говоря, формирование выборки документов, которая могла бы быть не случайной, а репрезентативной ко всей этой совокупности. В нашем случае такая выборка могла быть основана, во-первых, на годовой совокупности документальных источников, во-вторых, на их территориальном происхождении, в-третьих, на их видовой составляющей и, в-четвертых, на их содержательной заданности.

В практической плоскости это означает включение в публикацию, например, каждого десятого или каждого сотого документа одного вида и одной тематической заданности, созданных в каждой региональной организации НКВД в течение года и поступивших в НКВД СССР.

Возможно, составителям публикации и кому-то из читателей эти наши предложения покажутся не просто спорными, но и

ошибочными. Тогда заметим, что и для повидовой тематической документальной публикации, тем более имеющей дело с массовой документацией, критерии включения в документальную публикацию обязательны не менее чем при тематической публикации. К сожалению, в археографическом предисловии рецензируемого сборника мы не встретим даже намека на них. И хочешь не хочешь, но возникает в связи с этим впечатление о субъективной иллюстративности сборника, о стремлении его составителей не к отбору, а к подбору документов. Например, в документах сборника крайне редко встречаются сведения об отрицательном отношении колхозного крестьянства к обязательным натуральным поставкам сельхозпродукции государству. Как это объяснить: выступал ли колхозный крестьянин если не государственным, осознающим необходимость этого, то покорным исполнителем воли власти, или же составители просто не обратили внимания на это явление? Зато протест против обязательных продаж сельхозпродукции по твердым и заниженным государственным ценам был всеобщим и, что особенно важно, коллективным, выразившимся в соответствующих решениях общих собраний колхозов. Колхозники дружно и твердо считали: все, что остается после обязательных поставок, после создания семенного и страхового фондов, является их законной собственностью, которую они вправе либо распределить по трудодням, либо продать по рыночным ценам. Иначе говоря, в рамках колхозной системы они отстаивали свои очевидные интересы. Документы сборника фактически не отражают и этого явления.

Или, например, почему так скуден набор документов о ситуации в деревне в существовавшей в это время огромной Московской области, включавшей, по существу, в свой состав большую часть Центральной России?

Конечно же, составители публикации об иллюстративности и думать не думали. У них были какие-то свои основания отбора документов. Вот только объяснить их читателям они просто забыли. На это важно обратить внимание сегодня. Любая документальная публикация без внятного, четкого археографического предисловия как птица без хвоста: летать может, а управлять полетом – с трудом.

Второй вопрос, возникающий в связи с этой повидовой тематической документальной публикацией массовых источников, касается способов воспроизведения их текстов. Составители пошли по общеизвестному и общепринятому пути издания не массовых источников – полному воспроизведению отобранных ими к изданию массовых документов. Но отечественная и зарубежная археографическая практика еще в XIX в. изобрела особый способ

публикации массовых документов – регесты. В сборнике помещены выборочно целые комплексы таких документов, которые при приложении определенных усилий могли быть трансформированы в регестовую форму передачи их текстов, причем не выборочно, как это сделано, а по всем регионам СССР, что обеспечило бы полную картину развития того или иного явления в советской деревне.

Во всем остальном в археографическом отношении сборник безупречен. В нем есть комментарии по тексту, именной комментарий, именной и географический указатели. Последний, составленный с особой тщательностью, доводит информацию до уровня конкретных населенных пунктов, что чрезвычайно важно для краеведческих исследований.

Конечно, жаль, что четвертым томом эта документальная серия завершается. Ее источниковый потенциал огромен, раскрывая суть многих процессов, протекавших в советской деревне, а в части понимания отношения советского крестьянства к модернизации советской деревни на основе коллективизации и репрессивной политики в сопоставлении с письмами крестьянства во власть, в газеты и журналы открывает великолепные возможности. Это издание было бы важно продолжить минимум до конца 1950-х годов, до времени импульсивных и системных попыток Н.С. Хрущева освободиться от сталинского наследия в советской деревне, с тем, чтобы поставить точку в оценке большевистского эксперимента по модернизации советской деревни.

Трехтомная серия «Голод в СССР» возникла неожиданно и явно под воздействием политического фактора – пропаганды идеи голодомора на Украине как геноцида украинского народа³. Тема голода в СССР, документально лишь затронутая в фундаментальной публикации «Трагедия советской деревни» как часть проблемы коллективизации и раскулачивания, с завершением этой серии получила всестороннее документальное освещение.

Собственно исторический смысл событий и явлений в советской деревне 1929–1935 гг., зафиксированных в трех томах публикации, сводился к тому, что в огромной стране впервые после 1918–1921 гг. возник общий продовольственный кризис. Как всегда, в каких-то регионах СССР он был связан с неурожаем, но в целом он являлся следствием нескольких исключительно силовых решений и действий советской власти.

Во-первых, это массовая насильственная коллективизация, разрушившая более или менее настроенную систему общинно-подворного хозяйствования, со скрипом, с сопротивлением, но все же дававшую обязательные поставки сельхозпродукции государству и

тем самым обеспечивавшую в первую очередь его продовольственную безопасность после уничтожения помещного и хуторского землевладения. Ее насильственная трансформация в колхозы породила хаос в сельскохозяйственном производстве, который более или менее начал упорядочиваться только после утверждения в 1935 г. примерного устава сельхозартели.

Во-вторых, это сознательная политика подрыва хозяйств единоличников, главным результатом которой стали сокращение ими посевных площадей и уход в города. Страна лишалась части производимой ими раньше сельскохозяйственной продукции.

В-третьих, это выселения и «изъятия» «помещиков», «кулаков» и прочих «контрреволюционных и антисоветских элементов» деревни, в массовом порядке начавшиеся с 1924 г. и в обозначенный период достигшие пика в 1932–1933 гг. Из деревни в результате этого был вырван целый слой, как тогда говорили, «культурных крестьян», а их хозяйства были разрушены. Более того, их сотни тысяч, погруженные в эшелоны, растянувшиеся по железным дорогам СССР, а потом разгруженные и доставленные в спецпоселения Казахстана, Урала, Сибири, также требовали хотя бы минимального продовольственного обеспечения. Прокормить себя они могли лишь в лучшем случае через год после переселения, а другая их часть, брошенная на строительство промышленных объектов, и вовсе не могла этого сделать.

В-четвертых, силовыми методами власти приблизительно с 1929 г. удавалось выкачивать из деревни весь тот объем сельхозпродуктов, который превышал минимальный объем прожиточного уровня крестьян. С мешочничеством, с торговыми посредниками, с продажей на рынке этой продукции было покончено приблизительно к 1928 г., а потому «черный рынок», который спасал страну до этого, фактически уже отсутствовал. Тем самым страна была лишена и этой нелегальной возможности продовольственного обеспечения.

Голод в СССР, подступавший с 1929 г., достиг наивысшего пика в 1932–1933 гг. В широком смысле он явился следствием реализации двух марксистско-ленинских постулатов: как общественный строй социализм и коммунизм могут состояться только на основе мощной индустриализации и на базе коллективного сельского хозяйства.

И сталинское руководство страны приступило к реализации этих двух важнейших теоретических посылов. Импровизируя тайно над реальным ходом воплощения своего замысла, публично обставляя его лозунгами заботы о крестьянстве и борьбы с его на

самом деле не существующими врагами, центральная власть упрямо и последовательно, невзирая на средства, шла к достижению первой стратегической цели – индустриализации страны. К сожалению, внутренние возможности для этого были очень ограничены. И до 1917 г. страна не блистала проектированием и производством сложных механизмов, а после революции стало и вовсе худо: старая техническая интеллигенция оказалась либо за рубежом, либо была выбита, а новая только создавалась. Выход был один: закупка техники за рубежом. А для этого нужна была валюта. Исследователям еще предстоит выяснить доли валютных поступлений в бюджет СССР от продажи меха, золота, алмазов, леса, художественных ценностей. Осторожно скажем, что продажа за рубеж зерна составляла их важную, если не главную часть.

И все понятно в этой ситуации, если бы ее разрешение изначально не было похоже на скобоченную матрицу действий центральной власти: *цель – политическая установка ее достижения – завышенные планы ее реализации – их выполнение любой ценой.*

Ключевой вопрос плана достижения цели, заключавшейся в обеспечении минимального пропитания страны и хлебного экспорта для получения валюты, – это хлебозаготовки. Как свидетельствуют документы сборника, их план достигался, в том числе, за счет изъятия у колхозов семенных фондов, у колхозников – зерна, полученного по трудодням, у единоличников – за счет разных способов конфискации, в том числе в процессе их выселения. Но неотвратимо наступала весна, а вместе с ней засев яровых, а потом и озимых. И это на фоне уже не просто голода, привычного в России, а на фоне смертного голода. Государство вроде бы проявляло заботу о своих гражданах-крестьянах, выделяя для каждого голодающего региона продовольственную ссуду. Тут и приходилось выбирать: или проедать эту ссуду, или оставлять хотя бы часть ее на яровой и озимый засевы. Государство строго контролировало второй вариант. Потому что ему были важны результаты засева, чтобы обеспечить планы очередных хлебозаготовок. А с питанием советские крестьяне могли и перебиться.

Смысл изъятий сельхозпродукции сводился к тому, чтобы оставить в деревне в периоды хлебозаготовок только минимум сельскохозяйственной продукции, необходимый для ее выживания, включая изъятия семенного фонда для нового урожая, – он превращался в ссуды, которыми государство наделяло крестьян из отобранного у них же урожая.

И все повторялось заново. Ограниченные продовольственные ссуды, используемые для посева, давали все более и более снижав-

шийся урожай, который силой изымался, чтобы потом вернуться в деревню в виде очередных продовольственных ссуд. В 1932–1933 гг. недостроенная колхозно-совхозная система, подорванные единоличные хозяйства, обескровленные силовыми изъятиями хлеба, и породили голод. Он поразил прежде всего зернопроизводящие районы страны, которые разом превратились в большие дореформенные оброчные хозяйства, периодически терпевшие бедствия из-за неурожая по погодным условиям. Рукотворно ввергнув страну в голод, сталинские менеджеры, используя силу и ручное управление страной, начали искать выход из ситуации, о чем свидетельствует третий том публикации.

Археография рецензируемой серии выделяет ее среди многих документальных публикаций последних двух десятилетий. Мы не побоимся сказать, что для публикаций по истории XX в. она может считаться образцовой.

Главной особенностью этой серии стал трансграничный характер включенных в нее документальных источников – документы не только из архивов России, но и из архивов Армении, Белоруссии и Казахстана. Ее другой особенностью стало опубликование рассекреченных с большим запозданием документов Политбюро ЦК ВКП(б) и особенно шифротелеграмм и записей переговоров по прямому проводу руководства партии с региональными партийными руководителями.

Масштаб выявленных для этой публикации документов оказался беспрецедентным. Их происхождение и видовой состав производят не меньшее позитивное впечатление – от документов Политбюро до низовых органов власти, от суровых ведомственных приказов до писем простых граждан во власть. Соответственно и отбор из этой совокупности требовал четких и убедительных критериев. Они и были сформулированы в археографическом предисловии к первому тому, а также дополнены в археографических предисловиях ко второму и третьему томам. В новейшей археографической практике это была вторая после документальной публикации «Архипелаг ГУЛАГ» попытка обозначить такие критерии, чтобы у читателей не было никаких подозрений относительно заданности, ангажированности этой тематической документальной публикации. Замечательно, что благодаря этим критериям мы имеем возможность проследить принятие, реализацию и результаты того или иного решения высшего руководства страны, связанного с голодом в СССР и его преодолением. Важно отметить, что составители этой серии, раскрывая проблематику явления голода, не ограничились документами официального

происхождения, удачно дополнив их в ряде случаев документами личного происхождения.

Выше мы говорили о сформулированных в этой публикации критериях отбора для нее документальных источников, выглядевших убедительно и по-новому, придавших высокую степень доверия к ней.

Однако только этим археографическая новизна рецензируемой публикации не ограничивается. Для тематической документальной публикации сложнейшей проблемой после отбора документальных источников остается проблема их систематизации. Можно было избрать универсальный принцип систематизации – механическое расположение всех документов по хронологии их создания. Однако в этом случае потребовался бы сложнейший тематико-предметный указатель – по существу детальный конспект будущего исторического исследования по изучению голода в СССР, что не является задачей археографии. Предварительные, в том числе монографические, исследования проблемы дали возможность составителям использовать тематико-хронологический принцип систематизации документов в документальной публикации.

Именно с этим связаны наши претензии к этой документальной публикации. В тематической документальной публикации систематизации документов – это вторая по сложности после отбора для нее источников проблема. Обычный, универсальный для всех типов документальных публикаций, включая тематическую, хронологический принцип систематизации здесь не всегда выглядит убедительным и познавательно значимым. В нем проблематика публикации как бы растворяется. Поэтому археографы часто (и нередко оправданно) прибегают к хронологико-проблемному принципу систематизации документальных источников. Во многих случаях он бывает оправданным, но только при одном условии – когда проблемно-тематический ряд документальных источников точно соответствует по своему содержанию обозначенной проблеме.

Выявленный массив документов, связанных с голодом в СССР, можно сравнительно легко сделать общедоступным с помощью современных информационных технологий. Частично именно так и произошло в 2008–2009 гг., когда на портале Росархива, а затем на специальном электронном диске было помещено несколько сот факсимильных копий выявленных документов. Но документальная публикация, подготовленная на основе общепринятых принципов и правил, способна в большей степени обеспечить упорядоченность большого массива документов, создав общепринятые условия изучения проблемы.

Другое серийное издание «“Совершенно секретно”: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.)», девятый том которого увидел свет в 2013 г.⁴, изначально задумывалось как повидовое издание информационных материалов ОГПУ–НКВД СССР за 1931 г. не в их хронологической последовательности, как в публикации «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД», а в определенной тематической группировке. Таких тем и соответствующих им разделов в публикации выделено семь: 1. Антисоветские выступления на территории СССР; 2. Борьба с бандитизмом в СССР; 3. Город. Рабочий класс; 4. Деревня. Крестьянство; 5. Антисоветские партии, националистические организации и группировки в СССР; 6. Красная армия; 7. Социально-политическое и экономическое положение в Дальневосточном крае.

Таким образом, перед нами срез жизни СССР в 1931 г. фактически по пяти параметрам, поскольку тематические разделы 1 и 2 близки и даже почти совпадают друг с другом, а раздел 7 включает те же темы по одному, самому большому региону СССР – Дальневосточному краю.

И без документов сборника мы знали, что 1931 г. был не лучшим годом в истории России и СССР после 1917 г. В этом году продолжалась ломка нэповской страны прежде всего на основе индустриализации, коллективизации, расширения репрессивной политики, особенно в деревне, ликвидации товарно-денежных отношений, укрепления административно-командной системы, агрессивного внедрения коммунистической идеологии. Модернизация страны по сталинским лекалам проходила на фоне реальной и пока еще открытой политической борьбы теперь уже реально не между разными политическими течениями, а почти исключительно внутри ВКП(б), что придавало ей в глазах народа особый смысл, понуждая искать в разных лидерах партии носителей собственных представлений о жизни страны и своей собственной судьбе. И вместе с этим в реальном жизненном измерении на страну наступал дотоле неизвестный в ее истории голод, принявший скоро не локальный характер, а охвативший большинство ее регионов.

Разумеется, эти и многие другие процессы документы сборника в полной мере раскрыть не могли. Но в силу специфических задач к тому времени уже мощной структуры по охране безопасности государства и правящей партии они либо содержат их отголоски, либо детально их демонстрируют.

В последнем случае мы имеем в виду прежде всего 1 и 2 разделы публикации. Они показывают то, о чем мало было известно ранее: в Закавказье, в Средней Азии и отчасти на Северном Кавказе и

в 1931 г. шла настоящая война, объединившая антироссийские и антисоветские силы. Она не была войной гражданской для СССР, но оставалась гражданской внутри этих регионов, что и дало советской власти в конце концов, опираясь на одну из сил в этой войне, победить другую.

Третий раздел публикации нам показался бедным по подбору документов, хотя, может быть, и неслучайным, поскольку основной акцент в этих документах сделан на «антисоветской и контрреволюционной деятельности» на промышленных предприятиях страны. Ниже об этом акценте мы поговорим особо в связи с определением достоверности информационных сводок ОГПУ именно в части информации об «антисоветской и контрреволюционной деятельности в СССР» вообще. Здесь же отметим, что сводки ОГПУ о городе и рабочем классе намного разнообразнее и деловитее: в них много внимания уделялось организации и охране труда, заработной плате, продовольственному обеспечению, быту, культпросветработе, ходу строительства промышленных предприятий и т. д. Иначе говоря, в таких сводках зафиксирована просто жизнь города и рабочих, пусть и с неперемными их политическими оценками. Ни один из таких документов в публикацию не включен.

Четвертый раздел в этом смысле в подборе документов более сбалансирован. Но знакомство и с ним производит впечатление только сплошного сопротивления крестьянства политике советской власти в деревне. Но разве не было докладов Лубянки Сталину о ходе выполнения карательных операций против крестьянства, о реальных просчетах в коллективизации и ее грубом администрировании? Были, и очень многие из них опубликованы. Только не в рецензируемой публикации. Последнее обстоятельство составители могут назвать в качестве оправдания своей подборке документов и для этого раздела. Но его принять невозможно – ведь читателю в этом разделе обещана документальная новелла о деревне и крестьянстве, а не только о сопротивлении крестьянства политике советской власти, о достоверности которого мы еще поговорим особо.

Но еще большее недоумение, даже оторопь, вызывает раздел 5 публикации. Среди прочих документов здесь помещена «справка с докладом руководству по делу «Русского ЦК РСДРП» от 26 декабря 1930 г. Справка содержит более чем серьезные обвинения: ее члены создавали в стране «вредительские организации», противодействующие «хозяйственному строительству в СССР» (с. 432–433). В комментарии к этому документу составители указали: «По приговору Специального судебного присутствия Верховного суда СССР от 9 марта 1931 г. все обвиняемые были приговорены

к различным срокам тюремного заключения. Часть из них погибла в ссылках и лагерях, очень немногие вернулись. В 1991 г. все осужденные по делу были реабилитированы» (с. 807). Что значит этот комментарий? Он говорит о том, что в СССР не существовало «Русского ЦК РСДРП» и помещенные о нем в этом разделе документы являются недостоверными.

Пойдем дальше. В этом же разделе помещена «Докладная записка ОГПУ» об окончании следствия по делу «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России» от февраля 1931 г. Этот «Союз», возглавлявшийся академиком, историком С.Ф. Платоновым, был монархической организацией, ставившей «своей целью свержение советской власти при помощи вооруженного восстания и иностранной военной интервенции и установление конституционной монархии во главе с бывшим великим князем Андреем Владимировичем» (с. 458). В отличие от документов, связанных с «Русским ЦК РСДРП», к этому документу нет комментария, даже тогда, когда он был формально необходим к фразе: «Полагаем целесообразным дело “Всенародного союза” рассмотреть на судебном заседании Коллегии ОГПУ» (с. 460). Получается из публикации, что такая организация существовала и хорошо известные наказания ее членов были справедливы, вопреки специально проведенным исследованиям последних двух десятилетий, показавших фальсификацию «Всенародного союза борьбы».

Возникает вопрос: какое отношение имеют опубликованные в сборнике документы о «Русском ЦК РСДРП» и «Всенародном союзе борьбы» к теме пятого раздела, если они по своей природе недостоверны? Ровным счетом никакого. Они были бы хороши в публикации под условным названием «Формы, способы и методы фальсификации ОГПУ политических процессов в СССР». Не больше.

На фоне разделов 3–5 очень содержательным и искренним кажется раздел 6, посвященный ситуации в Красной армии в 1931 г. В документах этого раздела есть многое из того, чего жаждет историк, изучающий реальную историю нашей армии. И нельзя не отдать должное в данном случае ОГПУ – оно сигнализирует о многих негативных явлениях в армии: обморожение красноармейцев во время учений, халатность их командиров, бытовая неустроенность армии, просчеты в боевой подготовке, случившиеся инциденты, дезертирство, настроения красноармейцев и т. д.

О том, под каким строгим оком ОГПУ проходила армейская жизнь, свидетельствует опубликованный в этом разделе документ № 8. Помощник командира 119 полка 40 дивизии ОКДВА по поли-

тической части Кочнев в целях проверки политподготовки бойцов разработал специальный вопросник с альтернативными ответами, из которых его подчиненные должны были выбрать правильный. Среди прочего в ней предлагалось ответить на вопрос о советской власти. Она: «1. Угнетает граждан СССР. 2. Помогает торговцам и богачам. 3. Защищает интересы рабочих и крестьян. 4. Собирает налоги» (с. 502). Кочнев был то ли романтиком, то ли социологом, а то и провокатором. Но в условиях 1931 г. он немедленно стал «контрреволюционером», судьба которого по документам сборника и из-за отсутствия соответствующего комментария остается неизвестной.

Рецензируемая публикация сопровождается целым блоком статей, обобщающих информацию документов сборника: А.Н. Сахарова и Г.Н. Севостьянова («Документальная летопись жизни советских людей»), Ж.-П. Депретто («Краткий анализ документов Лубянки о положении в СССР в 1931 г.»), Ю.Л. Дьякова и Л.П. Колодниковой («Рассекреченные документы ОГПУ о “националистических партиях и организациях” в СССР»), Т.С. Бушуевой («Документы Лубянки об особенностях крестьянского движения в СССР в 1931 г.»), В.С. Христофорова («Историко-археографическое предисловие»). Как видим, среди них нет очень важной и необходимой – о достоверности опубликованных в сборнике документальных источников. Лишь бегло и как-то застенчиво на это намекает в статье Ж.-П. Депретто (с. 27). Во всех остальных статьях информационные сводки воспринимаются как объективные свидетельства происходившего в 1931 г. Правда, в статьях В.С. Христофорова и Ю.Л. Дьякова и Л.П. Колодниковой в ряде случаев мы встретим и оговорки типа «якобы» и кавычки о «вредительстве». Зато в статье Т.С. Бушуевой информационные сводки ОГПУ о положении в деревне воспринимаются как абсолютно достоверные, раскрывающие фантастически организованный крестьянский протест против советской власти. Даже названия разделов этой статьи так или иначе повторяют формулировки информационных сводок ОГПУ: «Процесс антисоветской активности в деревне не затихал», «Перед ОГПУ встали задачи разгрома и изоляции “деревенской контрреволюции”», «Террор (имеется в виду крестьянский. – В. К.) имел ярко выраженный антиколхозный характер», «Контрреволюционные организации и группировки в деревне», «Контрреволюционные организации и группировки ссыльных и беглых кулаков».

Ну конечно же, и в 1931 г., и до этого года и после деревня сопротивлялась коллективизации и раскулачиванию, хотя после нескольких репрессивных волн, начавшихся в 1924 г., активные

и потенциальные участники этого сопротивления были либо высланы, либо осуждены. В 1931 г. в российской деревне царил страх перед властью, страх крестьян за свою личную судьбу и судьбу своих хозяйств. Именно поэтому важно рассмотреть сводки ОГПУ в части существования в деревне «контрреволюционных организаций и группировок».

Но для начала рассмотрим опубликованный в сборнике документ «об антисоветской и контрреволюционной деятельности на промышленных предприятиях». В нем мы видим многочисленные конкретные проявления недовольства положением в стране – высказывания людей из разных регионов, по своей сути похожие друг на друга. Эти данные о настроениях в городе и на предприятиях легко проверяются на достоверность по сохранившимся письмам граждан в редакции газет, журналов, органы советской власти, сводки которых, кстати, поступали в органы ОГПУ. По этой причине сомневаться в достоверности такой информации о высказываниях одиночек нет никаких оснований.

Совсем иначе обстоит дело, когда в этом документе речь идет об организованном сопротивлении советской власти в виде «группировок». Во-первых, из 15 таких группировок, названных и охарактеризованных в документе, только в пяти случаях указывается их численность или персональный состав. Во-вторых, только в пяти случаях упоминаются реальные действия таких группировок, к тому же в ряде случаев вполне житейские.

Для информации рассматриваемого документа характерны еще две его особенности. Большинство фигурантов «группировок» – это либо бывшие члены ВКП(б), либо состоящие в ней, а также почти непременно бывшие троцкисты или склонные к троцкизму лица. Так готовилась очередная кампания по чистке ВКП(б) и повторных арестов.

После всего сказанного о разобранном документе мы можем охарактеризовать его как документальный исторический источник с переменной достоверностью его информации – часть ее, касающаяся индивидуальных проявлений недовольства советской властью в городе, достоверна, другая часть, связанная с организованным сопротивлением политике советской власти, носит сознательно вымышленный характер.

Этот же документальный источник затрагивает и тему деревни и крестьянства. Он сообщает о массовом явлении, связанном с бегством крестьянства из деревни в города, в том числе под прикрытием «фиктивных документов», получаемых за взятки в местных советах по месту жительства. Трактует это явление как один из спо-

собов «проникновения кулака в среду рабочего класса», источник тем не менее достоверно его фиксирует.

Зато дальше информация структурируется в соответствии с отработанными приемами. Источник называет 8 «активных контрреволюционных группировок» из кулаков и раскулаченных. «Группировка» в Москве вела «систематическую контрреволюционную агитацию среди рабочих» (с. 363), «кулацкая группировка» в Пушкино во главе с раскулаченным Родионовым создала «кулацкую артель», которая «организовала забастовку, предъявив явно рваческие требования» (с. 364), группировка «из раскулаченных кулаков и бывших торговцев» во главе с Шаршавиным на строительстве Воскресенского химического комбината «с целью маскировки своих дезорганизующих действий объявила себя ударниками, однако неоднократно предъявляла администрации рваческие требования об увеличении заработной платы и организовали две забастовки» (с. 364), «группировка» на цементном заводе «Красный строитель» в Московской области во главе с раскулаченным Соколовым занималась «систематической антисоветской агитацией среди рабочих» (с. 364) и т. д. Как видим, вполне житейские ситуации документ возводит в ранг политического сопротивления власти пробравшихся в ряды рабочего класса «кулаков».

Документы раздела «Деревня. Крестьянство» включают все те же, что и в предшествующем разделе, информационные сводки, справки, докладные записки. Часть их касается конкретных антисоветских проявлений. Фиксируя факты массовых крестьянских выступлений, физического и имущественного террора со стороны крестьян, распространения листовок в деревне, документы в этой части являются вполне достоверными историческими источниками, пусть и с пристрастной политической оценкой.

И опять же совсем иначе воспринимается информация о «контрреволюционных организациях и группировках в деревне». Опубликованная в сборнике обширная «Докладная записка об антисоветской активности в деревне и итогах агентурно-оперативной работы в 1931 г.» называет не менее 41 такой организации. В ней сообщалось: «В 1931 г. выявлено и ликвидировано значительное количество крупных по численному составу участников контрреволюционных организаций, охватывавших большую территорию, имевших разветвленную сеть своих ячеек и групп в нескольких селах, районах, а в отдельных случаях – пытавшихся увязать контрреволюционные группы и организации нескольких областей...» (с. 416). Однако в отличие от характеристики городских анти-

советских группировок в этом документе деревенские «организации и группировки» поданы несколько иначе – с упором на их количественный состав и структуру, а не только на программные установки. Например, «контрреволюционная бандитско-повстанческая организация “Добровольческая Освободительная Армия”» Северного края и «контрреволюционная повстанческая организация» в Бобринском районе Украинской ССР насчитывали по 60 человек (с. 416), «бандитско-повстанческая организация» с центром в Городнянском уезде УССР состояла из 350 человек, «контрреволюционная повстанческая организация “Зеленая Армия”» в Центральном Черноземном округе включала 139 человек и т. д. (с. 416–417). Откуда столь крупные организации в деревне после ее уже состоявшихся разных форм зачисток? Оказывается, «разнохарактерные антисоветские элементы объединяются на платформе свержения советской власти и установления “народовластия”, не предопределяя характера этого “народовластия”» (с. 417). И, что немаловажно, почти все они вели подготовку вооруженных восстаний.

Итак, перед нами не просто стихийно бурлящая деревня, пусть редко, но выбрасывающая протуберанцы бунтов то по поводу закрытия церквей, то в связи с очередным нажимом вступления в колхозы. Это еще и деревня, самоорганизующаяся на почве вооруженной борьбы с советской властью, деревня, имеющая свои «штабы», «руководящие тройки», «пятерки», «ячейки», «специально изготовленные знамена», средства печати, деньги на приобретение оружия и т. д. (с. 421).

Народная мудрость гласит: «сколько ни говори “халва”, во рту слаще не станет». Эта мудрость рождена мирным ходом жизни. К 1931 г. стране уже 14 лет каждый день вдалбливалась идея о «бывших людях», «кулаках» как врагах советской власти и не менее 10 лет – об «остатках белогвардейщины», желавших реванша. Все они либо уже были ликвидированы, либо выселены, либо отбывали сроки в ссылке и лагерях. Но власти и в 1931 г., и в последующие годы был выгоден жупел опасности, исходящей от них.

Сегодня невозможно просчитать, сколько граждан СССР в 1931 г. верили в этот жупел, а сколько нет. Зато сегодня здравый смысл подсказывает: сопротивление в деревне политике советской власти было огромным, но оно по определению не могло уже носить организованного характера. Все эти «контрреволюционные организации и группировки» были придуманы органами ОГПУ на основе реальных фактов крестьянского открытого выступления или точно выявленных проявлений словесного недовольства.

С учетом всего сказанного нам не кажется бесспорной археографическая сторона рецензируемой публикации. Она вызывает несколько вопросов, имеющих прямое отношение к ее источниковой значимости.

Во-первых, в «Историко-археографическом предисловии» ни слова не говорится о критериях включения в публикацию документальных источников, хотя ее составители, разумеется, их использовали. Первый критерий очевиден – публиковались документы, которые ОГПУ регулярно направляло Сталину и его ближайшему окружению, – этот критерий обозначен в самом названии документальной публикации. Хотя из публикации понять невозможно, какие из включенных в нее документов вообще посылались Сталину: расчеты рассылки, указанные в них, говорят о том, что они вращались только внутри руководящего состава ОГПУ. Более того, документы, опубликованные в разделе 7, как и некоторые в других разделах, вообще не имеют расчета рассылки, направляясь конкретным руководителям ОГПУ. Получается, что составители проигнорировали установленный ими же самими основной критерий отбора документов – те, которые направлялись Сталину. Тогда понятна переменная достоверность многих из них: в своем корпоративном кругу можно было и пофантазировать на тему «контрреволюционных организаций». Если мы ошибаемся в нашем предположении, тогда заметим, что Сталину направлялись сводки и аналитические записки, не только связанные с «контрреволюционными проявлениями», но и по более широкому кругу вопросов – экономических, организационных, советских, партийных, кадровых и т. д. Ни одного такого документа в публикации мы не встретим. Потому-то основные разделы, связанные с жизнью в 1931 г. города и деревни, эту жизнь раскрывают крайне однобоко, сводя ее в этих социальных страдах только к сопротивлению советской власти. Другие критерии отбора документов для читателей публикации остаются неизвестными. Например, раздел 2 («Борьба с бандитизмом») составили ежедневные спецсводки Особого отдела ОГПУ за июль – октябрь 1931 г. Опубликованы спецсводки № 44, 63, 105, 109, 111–115, 117–120, 123. Почему нет остальных? Они не сохранились или по каким-то причинам составители не сочли нужным включить их в публикацию? Ответов мы не находим.

Во-вторых, документальной основой рецензируемой публикации остаются фонды Центрального архива ФСБ. Это значит, что в сборнике публикуются отпуски документов (по терминологии составителей, «заверенные копии»), направлявшихся согласно расчетам рассылок. Какова судьба оригиналов – хотя бы тех, которые

направлялись руководству ОГПУ согласно расчетам рассылок, мы не знаем, а значит, остаются неизвестными резолюции их адресатов. Куда делись эти оригиналы? Они уничтожены? Их не смогли обнаружить? И на эти вопросы мы не находим ответов. Некоторые документальные системы нового и новейшего времени в отношении отдельных документов и документальных комплексов обладают свойством *документального коллапса – запрограммированного и обязательного возвращения их в места создания или их обязательного уничтожения после реализации возложенных на них функций*. Это правило в первую очередь распространялось на партийную документацию высшего уровня ее происхождения и документацию силовых структур, в частности разведки и контрразведки. Например, составители документальной публикации «Секреты Гитлера на столе у Сталина» следующим образом объясняют свойство документального коллапса: «В ходе подготовки к публикации документов данного сборника установлено, что их первые экземпляры в соответствующих архивах, как правило, не сохранились... в то время имела место практика, когда присланные в инстанции записки после ознакомления с ними руководителей СССР и ведомств, возвращались в НКГБ СССР и в интересах конспирации уничтожались, так как в оперативных отделах контрразведки источники информации были известны».

Свойство документального коллапса документальных систем и документальных комплексов – объективное явление, с которым сталкивается археограф при публикации документов нового и новейшего времени. Оно существенно обедняет источниковый потенциал документальной публикации, вынуждая публиковать документы по их отпускам, к счастью, почти в обязательном порядке сохранявшимся в архивах организаций, их создавших.

В-третьих, и по правилам археографии, и по совести хотелось бы в этой публикации видеть комментарии ко многим местам текстов документов, в первую очередь к тем, которые сообщают о «контрреволюционных организациях и группировках». Хотя бы по примеру комментария о «Русском ЦК РСДРП», о котором мы говорили выше. И никто не может сделать такие комментарии, кроме составителей сборника, имеющих возможность проследить судьбу этих организаций и их членов. Отсутствие таких абсолютно необходимых комментариев ставит пользователя публикации в сложное положение, а неподготовленного читателя заставляет поверить в существование этих организаций.

На этом фоне заслуживает высокой оценки именной комментарий с подробными биографическими данными. Его значение

выходит за рамки рецензируемой публикации, поскольку приводимые здесь сведения, особенно о работниках госбезопасности, могут быть использованы и в других изданиях.

Чем заключить наш анализ рецензируемого издания? Вне сомнений, оно содержит ценнейшую информацию об СССР в 1931 г. В принципе, была выбрана вполне обоснованная модель этой публикации – документальное раскрытие положения страны в 1931 г. по семи важнейшим блокам ее состояния в тот год. Но реализация этой модели оказалась противоречивой – ее позитивно можно принять лишь в отношении разделов 1–2 и 7. Остальные разделы лишь частично раскрывают проблематику документальной публикации, находя свое отражение и в недоработках ее археографической составляющей.

Возникает вопрос: почему задуманная и реализованная во многих томах документальной серии «“Совершенно секретно”...» модель этой серии в ее томе 9 оказалась, мягко говоря, уязвимой? Ведь том вышел под грифами Института российской истории РАН, Центрального архива ФСБ Российской Федерации, Научного совета РАН «История международных отношений и внешней политики России», Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций, Комиссии историков России и Финляндии, Академии наук Финляндии и французского Фонда Дома наук о человеке. Если быть откровенным, объяснение археографической неудачи девятого тома серии скрывается в исключительно корпоративной организации ее подготовки и издания.

В свое время мы писали о том, что в СССР существовало не менее 14 рубежей экспертизы научных трудов, включая документальные публикации даже периода феодализма⁵. Каждый из этих рубежей носил исключительно идеологический характер, тормозя получение нового научного знания. Сегодня таких рубежей не существует. Но вместе с обороной «идеологической чистоты» научных трудов, включая документальные публикации, разрушилась их экспертиза на научную пригодность. Сообщество пользователей рецензируемой документальной публикации, несмотря на солидные грифы ее участников, на самом деле получило продукт корпоративного производства, не во всем, как показано выше, оказавшийся удачным.

Итак, мы рассмотрели завершающие тома трех серийных документальных публикаций по истории советской деревни, условно говоря, межвоенного периода в истории России и СССР. Вместе с многотомной документальной публикацией «Трагедия советской деревни» они содержат, несмотря на их неравноценный

археографический уровень, важные свидетельства о модернизации сельского хозяйства страны, его переводе на коллективные методы производства сельхозпродуктов и организации крестьянской жизни. В понимании этой радикальной трансформации советской деревни огромная роль принадлежит сохранившимся документальным комплексам советских и партийных структур, а также фондам охраны безопасности и порядка СССР, введенным благодаря рассмотренным документальным публикациям в научный оборот. Впереди – следующий шаг: документальное освещение истории советской деревни в годы Великой Отечественной войны, а потом и ее хаотических преобразований в послевоенный период, призванных освободиться от сталинских методов хозяйствования в деревне. Хватит ли воли, желания и сил сегодня сделать этот шаг, чтобы узнать военную и послевоенную цену сталинской модернизации советской деревни и ее последствий для сегодняшней жизни России?

Примечания

- ¹ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: В 4 т. Т. 4. 1935–1939. М., 2012. Здесь и далее ссылки на страницы разбираемых публикаций даются в тексте статьи.
- ² Подробнее см.: *Козлов В.П.* Операции «Переселение», «Выселение», «Изъятие» в тульской деревне 20-х – 30-х годов XX в. // Мир глазами историка: Памяти академика Юрия Александровича Полякова. М., 2014. С. 253–280.
- ³ Голод в СССР. 1929–1934. Т. 1. 1929 – июль 1932: В 2 кн. М., 2011; Т. 2. Июль 1932 – июль 1933. М., 2012; Т. 3. Лето 1933–1934. М., 2013.
- ⁴ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 9. 1931 г. М., 2013.
- ⁵ Разговор двух историков (Е.Н. Кушева – Б.А. Романов. Переписка 1940–1957 годов) // Новая и новейшая история. 2011. № 1. С. 121–125.

Н.И. Хими́на

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ РОССИИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ СЛОВАРЯ-СПРАВОЧНИКА

В статье рассмотрены историографические и источниковедческие проблемы подготовки фундаментального словаря-справочника, посвященного истории функционирования учреждений Российского государства XV в. – февраля 1917 г., развитию его аппарата управления на всех уровнях власти, эволюции и порядку чиновничества, истории возникновения, существования и эволюции видов делопроизводственной документации высших, центральных и местных учреждений России. Отдельная книга словаря посвящена рассмотрению основных видов документации советского периода.

Ключевые слова: Россия, государственные учреждения, эволюция, виды и разновидности документов, формуляр, источники.

ВНИИДАД завершил подготовку Словаря-справочника «Государственность России» – широкомасштабного исследования, имеющего целью выявление и обобщение всей имеющейся информации по функционированию учреждений Российского государства XV в. – февраля 1917 г., развитию его аппарата управления на всех уровнях власти, эволюции и порядку чиновничества, отраженных в различных видах и разновидностях документации¹.

Пятая книга словаря-справочника впервые дает в систематизированном виде сведения по истории российских должностей, чинов, званий и титулов, а также церковных санов существовавших на территории России конфессий с конца XV в. (со времени возникновения единого Российского государства) до Февральской революции 1917 г.²

В словаре-справочнике представлена информация об организованной совокупности должностных лиц, работавших в государственных учреждениях и их наиболее важных структурных частях (вошедших в первую–четвертую книги словаря-справочника «Государственность России»), имевших особое значение в управлении государством, относившихся к трем системам государственного управления и функционировавших на протяжении столетий отечественной истории: приказной (XVI–XVII вв.), коллежской (XVIII в.), министерской (XIX – начало XX в.).

В словаре отражены должности, чины, функционировавшие во всех органах государственной власти и управления, включая высшие, центральные, местные, в том числе губернские, провинциальные, уездные, окружные, а также волостные и сельские. Дооктябрьский опыт функционирования и развития государственного аппарата России многогранен, включены должности трех родов служб – военной, гражданской и придворной.

Шестая книга словаря-справочника посвящена истории возникновения, существования и эволюции видов делопроизводственной документации высших, центральных и местных учреждений России в период с конца XV в. по февраль 1917 г.³ Учитывался весь процесс складывания и развития системы делопроизводственной документации, присущий централизованному Российскому государству до падения монархии в феврале 1917 г.

Возникновение делопроизводства связано с созданием первых государственных учреждений Русского государства – приказов, особенностью которых было отсутствие жесткого регулирования их делопроизводственной деятельности. На основании делопроизводственной практики в XVI–XVII вв. складывались конкретные виды документов, имевшие определенный формуляр, в результате чего были выработаны навыки упорядоченной работы с документами и определенные формы документов в зависимости от роли и ранга учреждения и его функционального назначения.

В первой четверти XVIII в. в процессе формирования системы государственных учреждений появились новые виды документации и были заложены основы делопроизводства. Генеральным регламентом 1720 г. определены основы делопроизводства и, в частности, виды и порядок составления документов в высших государственных учреждениях Российской империи, в центральных учреждениях, а также в местных губернских, уездных, городских и др. учреждениях.

Дальнейшее развитие системы документирования происходило в начале XIX в. и связано с реформой государственного аппарата.

В связи с образованием в 1802 г. министерств вместо коллегий создание в 1810 г. Государственного совета во многом принципиально изменило характер делопроизводства. С этого времени законодательством были регламентированы не только деятельность учреждений, но и их делопроизводство, установлены иерархия видов документов учреждений, формуляр, порядок составления и подписания документов.

Образование в соответствии с реформами 1860–1870-х гг. новых центральных государственных учреждений, в частности военных и судебных, а также учреждений местного самоуправления – земских, городских и др. – повлияло на их делопроизводство и привело к возникновению новых видов документации.

В конце XIX в. делопроизводство России превратилось в отлаженный, четко работающий механизм, и к началу XX в. каждое ведомство из-за отсутствия общегосударственных установлений по делопроизводству продолжало вести собственные разработки в этом направлении.

Все эти особенности нашли отражение в словарных статьях шестой книги словаря-справочника «Государственность России». В работе над справочником принимали участие также ведущие специалисты федеральных государственных архивов.

Написание словарных статей осуществлялось на основе изучения систем делопроизводства и официальной документации в России с конца XV в. до февраля 1917 г., проводился системный и комплексный анализ весьма широкого круга источников и литературы. Авторами тщательно изучались законодательные и нормативные акты Российского государства, центральных государственных учреждений России, исследовательская литература и справочные издания, а также ведомственные документы (правила, инструкции).

В ходе подготовки словаря-справочника изучались законодательные материалы, прежде всего «Судебники» 1547, 1550, 1589 гг., «Соборное уложение» 1649 г., три издания Полного собрания законов Российской империи (ПСЗ), выдержавший ряд изданий Свод законов Российской империи (СЗРИ), широкий круг исторической и иной литературы, а также, что особенно характерно именно для шестой книги, публикации актового материала («Акты исторические...», «Акты юридические...» и др. аналогичные издания, вышедшие из печати в XIX–XX вв.).

Шестая книга данного проекта предусматривает изучение истории возникновения, существования и эволюции видов делопроизводственной документации высших, центральных и местных

учреждений России в период с конца XV в. по февраль 1917 г. Отличительной особенностью словаря-справочника является широкий охват всех видов и разновидностей документов, в том числе специальной документации, создававшейся в каждой отрасли управления: картографическая, бухгалтерская, таможенная, дипломатическая, статистического учета, например ревизские сказки, а также военная и военно-морская, судебная, коммерческая документация, частноправовые акты, многие из которых недостаточно отражены в исторической литературе.

В словарь-справочник включены также словарные статьи, посвященные уникальным, единственным в своем роде документам – «Жалованная грамота дворянству» (1785), «Табель о рангах» (1722), «Генеральный регламент» (1720), а также в качестве иллюстрации и дополнения к статье «Уставная грамота» приведены статьи «Белозерская Уставная грамота» (1488) и «Двинская Уставная грамота» (1397/98).

Подобное столь широкое исследование осуществлено впервые не только в отечественной, но и мировой практике и по существу не имеет аналогов, сколько-нибудь близких к нему по охвату проблемы и научному уровню.

В 2014 г. ВНИИДАД завершил подготовку фундаментального словаря-справочника «Виды и разновидности документов советского периода (1917–1991)», явившегося результатом крупного научного проекта по государственности России, изучение которой невозможно без знания состава и динамики развития основных систем документации и процессов документирования важнейших направлений деятельности Российского государства⁴.

Определяющее значение имели общие социальные условия создания определенных видов и разновидностей документов, коммуникативная среда их распространения и функционирования в обществе и государственном управлении, а также способы фиксации информации на определенных носителях в виде понятий, интеллектуальных продуктов и систем кодирования. Поэтому в словаре представлены три ключевые направления изучения документирования деятельности советского периода: государство, личность и изменение научных и технических коммуникаций. В статьях справочника показано, как осуществлялась государственная управленческая деятельность на высшем и среднем уровнях, как отражался в документах жизненный путь советского человека от рождения до смерти, как развивалась научно-техническая документация.

ВНИИДАД, как единственное в России общепрофильное научно-исследовательское учреждение архивной отрасли, имеющее

предшествующий опыт подготовки справочных изданий по досоветской государственности, впервые в мировой и отечественной практике подготовил словарь-справочник энциклопедического уровня по основным видам документации советского периода.

Актуальность данной работы обусловлена недостаточной изученностью процессов эволюции видов и разновидностей документов советской эпохи, следующих за изменениями в структуре государственного аппарата, а также расширением сфер документирования новых направлений государственного строительства за весь советский период.

Свойства документов как фиксаторов определенной целевой информации позволяют использовать их, с некоторыми изменениями, в документировании аналогичных процессов в различные периоды государственного строительства⁵. Способность же документа как формализованного носителя целенаправленной информации отражать специфику эпохи делает его ценным историческим источником.

Из всего имеющегося множества документов советского периода в словарь-справочник были включены лишь те виды и разновидности документов, которые относились к документированию управленческой деятельности органов государственной власти, высших и центральных государственных учреждений, документы о жизнедеятельности человека в его официальных взаимоотношениях с государством, а также виды и разновидности НТД, отражающие разные стороны научно-технического прогресса, быстрые темпы развития которого характеризуют XX в. Помимо документов, создававшихся в процессе деятельности государственных учреждений, в словарь-справочник были включены также документы, отражающие управленческую деятельность таких формально негосударственных организаций, как КПСС и ВЛКСМ, которые являлись основой государственного аппарата управления в результате его сращивания с партийным аппаратом. Данный подход позволяет проследить процесс принятия управленческих решений по широкому кругу вопросов внутренней политики советского государства на всех уровнях партийного и государственного управления в их взаимосвязи. Поскольку процесс документирования отражал взаимоотношения государства и личности, подлежали рассмотрению те виды документов, которые индивид вольно или невольно должен был использовать для этого информационного обмена. Например, взаимоотношения с официальными учреждениями могут рассматриваться как выражение определенных индивидуальных поведенческих установок, реализация которых вписана, однако, в

те стандарты и формы информационного обмена, которые определены государством и зафиксированы в документе.

Авторами-составителями использовались не только опубликованные источники, но и архивные документы, отложившиеся в фондах федеральных государственных архивов, а также в фондах государственных архивов субъектов РФ.

Эволюция видов и разновидностей делопроизводственной документации представлена в литературе недостаточно, о чем свидетельствует историография вопроса. До сих пор отсутствует обобщающая классификация видов и разновидностей документов советского периода. Часть ранее изданных работ была посвящена истории делопроизводства данного периода. Так, процессам становления и эволюции системы делопроизводства в СССР на начальном этапе и до середины 1950-х гг. посвящено учебное пособие К.Г. Митяева⁶. В совместном учебном пособии Я.З. Лившица и В.А. Цикулина⁷ основное внимание было уделено проблемам рационализации и унификации системы делопроизводства в СССР в 1950–1970-е гг. Особую группу исследований по проблематике составляют работы А.В. Елпатьевского⁸, посвященные главным образом документам советского периода как источникам в области историко-биографических и генеалогических исследований. В работах А.С. Красавина, А.Н. Соковой, В.Ф. Янковой и других⁹ рассматриваются проблемы унификации системы документационного обеспечения управления в СССР в 1970–1980-е гг. В 1990-е – начале 2000-х гг. появился ряд исследований по вопросам обеспечения сохранности, комплектования, использования видового состава документов, содержащих биографическую и генеалогическую информацию применительно к задачам архивных учреждений¹⁰.

Отдельную группу составляют работы А.А. Кузина и Н.Г. Филиппова по изучению документирования научно-технических разработок за период с 1917 до конца 1960-х гг.¹¹ Проблемам формирования картографических документов советского периода посвящено научно-справочное пособие 1989 г., подготовленное С.И. Сотниковой¹². Вопросы патентной документации рассмотрены в методических рекомендациях по экспертизе ценности и отбору на государственное хранение патентной документации¹³. В дальнейшем вопросы видового состава научно-технических документов, их назначения, а также регламентации формирования и использования за период до 1991 г. были отражены в научно-исследовательских работах ВНИИДАД 1990–2000 гг.¹⁴

Словарь-справочник «Виды и разновидности документов советского периода (1917–1991)» как фундаментальное энцикло-

педическое издание призван подытожить, обобщить и развить все сделанное до сих пор в области научного исследования вышеназванных направлений.

Первая попытка нормативной регламентации единых принципов организации документооборота была сделана Институтом техники управления в проекте «Общие правила документации и документооборота» (1931)¹⁵. С целью унификации делопроизводства с конца 1950-х гг. осуществлялась разработка Единой государственной системы делопроизводства (ЕГСД). На основании этого Госкомитет стандартов СМ СССР утвердил два ГОСТа на управленческие документы, содержащие общие требования к порядку расположения и составу реквизитов организационно-распорядительных документов, а также требования к бланкам. Непосредственное участие в разработке двух этих документов, так же как и последующих, принимал ВНИИДАД. В сентябре 1973 г. «Основные положения» ЕГСД были утверждены Госкомитетом СМ СССР по науке и технике и рекомендованы для использования в государственном аппарате в целях совершенствования делопроизводства. В 1975 г. Госкомитетом стандартов при СМ СССР был утвержден ГОСТ 6.15.1-75 «Унифицированные системы документации. Система организационно-распорядительной документации. Основные положения», который содержал принципы формирования системы, определял дополнительные реквизиты с целью обработки документов средствами вычислительной техники и требования к унификации текстов, предназначенные для машинной обработки. Развивавшиеся в 1980-е гг. процессы информатизации делопроизводства нашли отражение в утвержденной постановлением Совмина СССР в 1988 г. «Единой государственной системе документационного обеспечения управления» (ЕГСДОУ), заменившей ЕГСД.

Научно-техническое документирование отдельных видов работ в 1920-е гг. осуществлялось в соответствии с утвержденными постановлениями Правительства в области проектирования объектов капитального строительства: Постановлением СНК РСФСР от 20 апр. 1920 г. «О порядке утверждения проектов по строительству промышленных сооружений»¹⁶; Постановлением СНК СССР «О мерах к упорядочению капитального строительства промышленности и электростроительства» от 1 июня 1928 г., впервые установившим состав проекта¹⁷; Постановлением СТО СССР от 26 ноября 1931 г. «О мероприятиях по упорядочению проектирования капитального строительства промышленности»¹⁸; в области патентного дела – Постановлением ЦИК СССР и СНК СССР от 12 сентября 1924 г. «О патентах на изобретения»¹⁹, уста-

новившим порядок их получения, а также порядок оформления создаваемой при этом патентной документации и др. Первыми стандартами, установившими видовой состав конструкторских документов в области машиностроения и правила их оформления, были отраслевые стандарты, утвержденные Комитетом по стандартизации при СТО 30 ноября 1928 г. (ОСТ 350 – ОСТ 358), носившие рекомендательный характер²⁰. В 1950 г. Комитетом была утверждена и введена в действие с 1 июля 1951 г. первая система госстандартов «Системы чертежного хозяйства», регламентировавшая документирование научно-технических разработок²¹, затем в 1968 г. была разработана Единая система конструкторской документации, стандарты которой, введенные с 1 января 1971 г.²², полностью заменили ранее существовавшие.

Унификация научной документации произошла только в 1974 г., когда был введен ГОСТ 19600-74 «Отчет о научно-исследовательской работе». Общие требования и правила оформления утверждены Постановлением Госкомитета стандартов СМ СССР от 18 марта 1974 г. № 608²³. В 1981 г. стандарт был заменен на ГОСТ 7.32-81, разработанный в рамках Системы стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу (СИБИД), который в дальнейшем заменил ГОСТ 7.32-91, утвержденный и введенный в действие Госкомитетом СССР по управлению качеством продукции и стандартам от 26 февраля 1991 г. № 175 в рамках СИБИД²⁴. Введение единых правил выполнения и оформления технологических документов было осуществлено только с введением в 1974 г. стандартов Единой системы технологической документации (ЕСТД)²⁵. Разработка проектной документации для строительства осуществлялась в дальнейшем согласно инструкциям, регламентирующим видовой состав проектных документов; требования к их формированию и оформлению содержали стандарты Системы проектной документации для строительства, разработанные и введенные в 1970-е гг.

В словаре-справочнике рассматриваются возникновение, формирование и эволюция видов и разновидностей управленческой документации в период существования Советского государства (РСФСР и СССР) с октября 1917 по декабрь 1991 г. Управленческая документация союзных республик в период с 1924 по 1991 г. рассматривается в данном издании на примере РСФСР.

Управленческие документы отражают в специфической форме как структуру, так и стадии и циклы управления и в то же время сами оказывают серьезное воздействие на сферу управления государством. Управленческая документация представлена прежде

всего организационно-распорядительной документацией (ОРД), образующейся в результате выполнения высшими и центральными государственными учреждениями функций руководства и определяющей юридическую сторону их деятельности; протокольной документацией как составляющей ОРД, отражающей реальную работу коллегиальных органов. В составе управленческой документации рассмотрена также нормативная документация, главным образом виды и разновидности документов, юридически закрепляющие цели, задачи, функции и организационное устройство государственных учреждений, их структурных подразделений или порядок, условия осуществления различных видов работ, прежде всего уставные документы. Отдельную группу нормативных документов составляют уставы таких научных учреждений, как Академия наук СССР и Коммунистическая академия, а также типовые уставы научно-исследовательских институтов.

Провозглашение Советского государства и создание государственного аппарата после Октября 1917 г. сопровождалось складыванием и нового порядка документирования его деятельности. Уже в первых декретах советской власти регламентировались вопросы оформления документов. 30 октября 1917 г. СНК издал декрет «О порядке утверждения и опубликования законов»²⁶. 18 ноября 1918 г. он был дополнен декретом «О времени вступления в силу узаконений и распоряжений правительства»²⁷. Эти декреты устанавливали порядок внесения законопроектов, их утверждения, подписания, опубликования и вступления в силу законодательных актов. Большое значение в плане создания формуляра для управленческих документов имело постановление СНК от 2 марта 1918 г. «О форме бланков государственных учреждений», в котором были перечислены обязательные реквизиты бланков документов²⁸. Для оформления документов и определения их статуса большое значение имело издание 6 июля 1922 г. декрета ВЦИК И СНК «О порядке пользования печатями с государственным гербом»²⁹. 23 ноября 1922 г. он был дополнен декретом «Об изменении постановления о праве пользования печатями с государственным гербом»³⁰. Эти декреты определяли учреждения и организации, получающие право пользоваться гербовыми печатями.

Среди основополагающих законодательных актов, определивших основы политической системы Советского государства, следует выделить Конституции РСФСР и СССР. В статьях, посвященных им, отражена специфика системы государственного управления на разных этапах советской государственности – 1918, 1924, 1936, 1977.

В состав словаря-справочника включены статьи об основополагающих юридических документах Советского государства – Закон «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик», «Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик». Также были включены статьи о законодательных актах, отразивших государственную собственность на землю и другие природные ресурсы: «Декрет о земле» (1917), «Закон о социализации земли» (1918), «Земельный кодекс РСФСР» (1922, 1970), «Основы земельного законодательства Союза ССР и союзных республик», «Общие начала землепользования и землеустройства». В словарь-справочник была включена статья «Гражданский кодекс» как законодательный акт, наиболее всесторонне отражающий взаимоотношения личности (гражданина) и государства и ставший основой для дальнейшего развития законодательства в различных областях социальной жизни общества. Близкими к законодательным актам являлись такие документы, как Декларации, издававшиеся по конкретным вопросам внутренней или внешней политики. Наиболее значимыми являлись «Декларация прав народов России» 1917 г., «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» 1918 г., «Декларация об образовании СССР» 1922 г. Среди управленческих документов первых лет существования Советского государства были документы Дальневосточной Республики, выделенной по военно-дипломатическим причинам из состава РСФСР в 1920–1922 гг. в формально независимое государство.

До 1936 г. документы законодательного и распорядительного характера не имели четкого различия по юридическому статусу и субъектам их принятия. Это относится прежде всего к декретам, которые были как законодательными, так и распорядительными документами. Постановления и распоряжения правительства являлись общегосударственными актами, обладавшими высшей юридической силой в сравнении с актами других органов управления. Приказы и инструкции, согласно Конституции 1936 г., издавали министерства и специальные ведомства, руководившие отдельными отраслями государственного управления. Местные Советы депутатов трудящихся (по Конституции 1977 г. – Советы народных депутатов) издавали решения, принимавшиеся на сессиях. Исполнительные комитеты местных Советов издавали решения и распоряжения. В 1989–1991 гг., в связи с изменениями политической системы страны, появляются новые виды ОРД – указ Президента СССР, указ Президента РСФСР; постановление Съезда народных депутатов СССР, постановление Съезда народ-

ных депутатов РСФСР и др. «Соглашение о создании Содружества Независимых Государств», подписанное руководителями РСФСР, Украины и Белоруссии 8 декабря 1991 г., констатировало прекращение существования СССР как единого государства.

Широкое распространение в советский период приобрели различные виды актов, а также такие виды нормативной документации, как положения и инструкции.

Основу экономической системы СССР составляло плановое хозяйство, что определило необходимость включения в словарь-справочник группы статей, отражающих эту специфику. Прежде всего, это долгосрочные общегосударственные плановые документы советского периода и директивы к ним, которые выполняли одновременно и распорядительные функции.

Включение в состав словаря-справочника документов, отражавших жизнедеятельность человека, определялось их научной и социальной значимостью и тем исключительным интересом, который наблюдается в современный период становления гражданского общества, к реализации конституционных прав граждан на информацию, в том числе персонифицированную. В советский период эти документы относились к числу ограниченно востребованных. Объективно это было связано с тем, что на протяжении многих десятилетий жизнь рядовых людей не представляла какого-либо содержательного значения для советской науки, исследовавшей масштабные явления: классы, народы, государства, биографии отдельных исторических деятелей. Сказывалось и то, что доступ к ним был затруднен. Только в 1990-е гг. в условиях демократических преобразований право граждан на информацию получило конституционное закрепление³¹ и ныне регулируется Конституцией РФ, Федеральным законом РФ от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации», Федеральным законом РФ от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и др.³²

Выявлению и отбору для включения в словарь-справочник подлежали документы, создававшиеся в процессе целенаправленного официального документирования социального-правовых отношений личности (гражданина) и государства (общества) в области: гражданского состояния; образования (среднего, профессионально-технического, среднего специального, высшего; военного образования; партийного и комсомольского образования); присуждения ученых степеней и ученых званий; служебно-трудовых и связанных с ними иных отношений (трудовой деятельности; военной службы; наградений; творческой деятельности; пенсионного обеспечения;

увековечения памяти; социального и имущественного положения); гражданства; паспортизации и регистрации населения; учета отдельных групп населения; нотариальных действий; медицинской и социальной помощи; опекунства, патронирования, усыновления; уголовно-процессуальных действий, политических репрессий; общественно-политической деятельности. В словаре-справочнике они представлены как распорядительными, так и протокольными документами официального происхождения; документами судебно-следственного и надзорного производства; учетными документами, в том числе партийного и комсомольского учета, статистического учета; документами по личному составу, личными документами (к последним двум группам относились и документы, создававшиеся, в том числе, в военных организациях).

Многовариантность, нестабильность и функциональный параллелизм в государственном механизме, наблюдаемые в советский период (в особенности до середины 1950-х гг.), получили свое отражение в видовом составе документов, образовавшихся в процессе жизнедеятельности человека. Главной особенностью этих документов являлось то, что большая их часть не вводилась государственными или ведомственными актами, не имела устойчивого формуляра и типового набора реквизитов. При этом динамичность их развития предопределила достаточно ограниченный хронологический период существования некоторых видов документов.

Трудность при написании словарных статей на документы КПСС и ВЛКСМ, содержащих информацию о жизнедеятельности человека, заключалась в том, что нормативные акты о делопроизводстве и формах этих документов не входили даже в число подзаконных актов и не подлежали открытой публикации. Привлекались архивные документы РГАСПИ и региональных архивов, хранящих документы бывших партийных архивов. В совокупности документы, отражающие жизнедеятельность человека, являются важным источником по социальной истории России 1917–1991 гг.

В словарь-справочник вошли статьи о видах и разновидностях основных научно-технических документов, отражающих процесс и результаты научно-технических разработок на разных этапах и стадиях их проведения, а также на этапе внедрения полученных результатов в производство и их эксплуатации. Состав каждого вида НТД, оформление документов, стадии и этапы научно-технических разработок регламентировались в советский период правовыми и нормативными актами: кодексами, постановлениями, отраслевыми и государственными стандартами, руководящими материалами, инструкциями и др.

Научно-техническая документация советского периода представлена исходными документами, разработка которых предшествует началу работы по каждой научно-технической проблеме, объекту и проекту, поскольку содержит обоснование проведения научно-технических разработок, сведения о разработке продукции, предъявляемых к ней требованиях; научными разработками, образующимися в результате теоретического и практического решения научных и научно-технических проблем; конструкторскими документами, содержащими данные, необходимые для изготовления, контроля, приемки, поставки, эксплуатации и ремонта изделий; технологическими, определяющими технологический процесс добычи и переработки полезных ископаемых и других ресурсов, производства продукции; проектными документами для строительства; документами по созданию автоматизированных систем (АС); картографическими, содержащими информацию об особенностях пространственного размещения, состояния и взаимосвязях различных природных и общественных решений, а также патентными документами, содержащими сведения об охраняемых законом результатах интеллектуальной деятельности.

Характерной чертой НТД является связь между отдельными ее видами (НД, КД, ПД и т. д.), а также с управленческой документацией, поскольку решения о проведении научно-технических разработок, их приемке, испытаниях и т. д. формируются в ее составе.

Особое значение при написании статей словаря-справочника «Виды и разновидности документов советского периода (1917–1991)» уделялось формуляру документов и его изменению, поскольку элементы формуляра того или иного документа – это изначально запланированная информация, обусловленная целевым назначением документа, а содержание самих элементов формуляра является отражением существующего социального уровня и общепринятых представлений относительно назначения и сущности того или иного документа. Структура формуляра, а также регламентация ведения документов позволяют проследить как характер и состав документной системы того или иного периода, так и ее соответствие управленческим задачам.

Подготовленный словарь-справочник «Виды и разновидности документов советского периода (1917–1991)» – это издание, призванное повысить историческое, государственное и правовое сознание членов современного российского общества, а также способствовать объективности отражения исторического процесса развития российской государственности. Он может рассматриваться как пособие для архивистов, историков, юристов, а также как учебное

пособие для студентов и аспирантов. Справочно-информационная ценность издания будет оценена учеными, не только историками, но также правоведами, политологами и другими специалистами, изучающими социальные процессы XX в.

Примечания

- ¹ Государственность России: Словарь-справочник. Государственные и церковные учреждения, сословные органы и орган местного самоуправления, единицы административно-территориального, церковного и ведомственного деления (конец XV века – февраль 1917 года). Кн. 1 (А – Г). М., 1996; Кн. 2 (Д – К). М., 1999; Кн. 3 (Л – П). М., 2001; Кн. 4 (Р – Я). М., 2001; Кн. 6. Документация государственных и церковных учреждений, сословных органов, органов местного управления и частнопровольные акты: конец XV века – февраль 1917 года. Ч. 1 (А – Л). М., 2009; Ч. 2 (М – Я). М., 2009.
- ² Там же. Кн. 5. Должности, чины, звания, титулы и церковные саны России. Конец XV века – февраль 1917 года. Ч. 1 (А – Л). М., 2005; Ч. 2 (М – Я). М., 2005.
- ³ Там же. Кн. 6. Ч. 1; Ч. 2.
- ⁴ Подготовка словаря-справочника осуществлялась при поддержке ФЦП «Культура России (2012–2018 гг.)» в рамках государственного контракта на 2013–2014 гг.
- ⁵ *Елпатьевский А.В.* Документирование прохождения государственной службы в России XVIII – начала XX веков // Тр. ВНИИДАД. М., 1974. Т. 5. Ч. 1. С. 200–205.
- ⁶ *Митяев К.Г.* История и организация делопроизводства в СССР. М., 1959.
- ⁷ *Лившиц Я.З., Цикулин В.А.* История делопроизводства в СССР. М., 1974.
- ⁸ *Елпатьевский А.В.* О документальных источниках современных историко-биографических и генеалогических исследований // Археограф. ежегодник за 1971. М., 1972; *Он же.* Краткая историография проблемы документов по личному составу последних лет // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе: док. и сообщ. на 4-й Всерос. конф., г. Москва, 24–25 апр. 2002 г. / ВНИИДАД. М., 2002.
- ⁹ *Красавин А.С.* Проблемы документационного обеспечения управления // Унификация систем документации: история, современное состояние, перспективы: Сб. тр. М., 1989; *Сокова А.Н., Янковая В.Ф. и др.* Основные теоретические проблемы унификации систем документации. М., 1986; *Янковая В.Ф.* Оптимизация текстов управленческих документов в историческом аспекте // Документирование управленческой деятельности: Сб. науч. тр. М., 1986.
- ¹⁰ *Гапонова А.В.* К вопросу об использовании личных дел // Вестн. архивиста. 2004. № 2 (80). С. 165–167; *Татиевская Л.Е.* Генеалогическая информация в документах РГАЭ // Отечеств. арх. 1993. № 4. С. 101–102.

- 11 Кузин А.А., Филиппов Н.Г. Техническое документирование: Учеб. пособие. М., 1973.
- 12 Картографические документы государственных архивов / Под ред. О.М. Медушевской. М., 1989.
- 13 Экспертиза ценности и отбор на государственное хранение патентной документации. Методические рекомендации. М., 1995; Экспертиза ценности и отбор на государственное хранение заявок на открытия и изобретения, промышленные образцы и товарные знаки. Методические рекомендации. М., 1991.
- 14 Основные правила работы с научно-технической документацией в организациях и на предприятиях. М., 1991; Порядок отбора и приема на архивное хранение документов, созданных средствами вычислительной техники. Основные положения. М., 1995.
- 15 Общие правила документации и документооборота. Проект. М.; Л., 1931. 116 с.
- 16 СУ. 1920. № 29. Ст. 144.
- 17 СЗ СССР. 1928. № 36. Ст. 335.
- 18 Там же. 1931. № 69. Ст. 465.
- 19 Там же. 1924. № 9. Ст. 97.
- 20 Чертежи в машиностроении. Сб. стандартов. М., 1935.
- 21 Чертежи в машиностроении. Moscow, 1953.
- 22 Единая система конструкторской документации. Основные положения. М., 1983.
- 23 Отчет о научно-исследовательской работе. Структура и правила оформления. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. М., 1974.
- 24 Отчет о научно-исследовательской работе. Структура и правила оформления. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. М., 1991.
- 25 Единая система технологической документации. Сб. стандартов. М., 2001.
- 26 СУ. 1917. № 1. Ст. 12.
- 27 Там же. № 3. Ст. 40.
- 28 Там же. 1918. № 29. Ст. 309.
- 29 Там же. 1922. № 44. Ст. 532.
- 30 Там же. № 79. Ст. 987.
- 31 Конституция Российской Федерации: принята Всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. М., 1994. Ст. 23, 29.
- 32 Комментарий к Конституции Российской Федерации. М., 1996. С. 85–91; СЗ РФ. 2004. № 43. Ст. 4169. Ст. 3; СЗ РФ. 2006. № 31. Ч. 1. Ст. 3448.

В фондах отечественных и зарубежных архивов

М.О. Болотина

ИСТОРИЯ ЛИЧНОГО ФОНДА АБАМЕЛЕК-ЛАЗАРЕВЫХ (1731–1920) В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ ДРЕВНИХ АКТОВ

Статья посвящена изучению истории формирования личного фонда князей Абамелек-Лазаревых. Особое внимание уделяется анализу перемещения материалов Абамелек-Лазаревых в 1930-х годах в рамках определения профилей архивных учреждений и их судьбе в эвакуации в годы Великой Отечественной войны, а также усилиям архивистов по сохранению уникальных исторических документов. Проанализировав документы дела фонда и материалов, выявленных в делах ф. 1498 «Канцелярия ЦГАДА», автор провела реконструкцию основных этапов складывания и научной обработки документов архивного фонда.

Ключевые слова: Абамелек-Лазаревы, архивоведение, личные фонды, ГАФКЭ, ЦГАДА, Великая Отечественная война, научное описание документов.

Личные фонды привлекают внимание исследователей не только информацией о фактах и событиях эпохи, о жизни и деятельности людей на разных исторических этапах, но и возможностью более глубоко изучать конкретные человеческие судьбы. Личные фонды в архивах – своеобразные родовые коллекции, которые формировались под влиянием их владельцев, отличающиеся поливидовым характером материалов. Состав этих фондов зависит от сферы деятельности, экономического и социального положения фондообразователей, их места в государственном аппарате. Определенное влияние оказало существовавшие ранее представления о культурной и исторической значимости личных архивов (фондов), степень их изученности, социально-политическая обстановка,

практическая деятельность историков и архивистов. До настоящего времени вопросы формирования, бытования и научной обработки личных фондов еще недостаточно изучены и сохраняют свою актуальность.

После революции 1917 г. многие дворянские родовые архивы постигла общая судьба. Декрет от 1 июня 1918 г. не касался фондов общественных организаций, частных предприятий, усадебных, церковных, дворцовых собраний, а также личных документов известных представителей науки и искусства. Для концентрации этих материалов в Москве 20 января 1919 г. было создано Хранилище частных архивов (Хранчасар), руководителями которого были назначены А.М. Фокин и П.С. Шереметев¹. Главным управлением архивным делом (ГУАД) в мае 1919 г. было опубликовано обращение к владельцам хозяйственных, служебных и семейных документальных коллекций с требованием передавать их в Хранчасар, а сотрудники этого архивохранилища специально разработали программу собирания и обработки данного вида информационных массивов. Одновременно с этим в 1919 г. сотрудники Хранчасара приступили к созданию перечня всех известных в дореволюционной России усадеб, в которых хранились родовые архивы².

Параллельно с собирательской деятельностью архивисты решали вопрос о принципах комплектования и организации хранения частных архивов. Мнения были кардинально противоположные. В РГАДА сохранились доклад П.С. Шереметева, с которым он выступил на совещании управляющих архивами весной 1919 г., а также составленная на его основе докладная записка руководителя Хранчасара А.М. Фокина. Шереметев отмечал важность сохранения частных архивов как собраний, отражающих «подлинную жизнь в горячих следах переписки, в области хозяйственных распоряжений»³. Он отмечал значимость родовых архивов для развития исторической науки, изучения помещичьего быта, архитектуры и других сторон жизни дворянского общества. Шереметев указывал на сложность собирания частных архивов, необходимость составления планов командировок архивистов на места с целью поиска и вывоза документов для их спасения и передачи на государственное хранение.

В своем докладе А.М. Фокин согласился с мнением Шереметева о трудности централизации усадебных архивов. Признавая историческую ценность частных собраний, Фокин выступал категорически против того, чтобы их выявлением и собиранием занимались архивисты. В своем докладе он заявил: «Собирать частные архивы, особенно усадебные, между прочим – нельзя. Причин здесь целый

ряд: условия существования их совершенно отличны с архивами учреждений и трудность задачи требует любительского интереса»⁴. Он предлагал поручить эту задачу специально созданной на базе Хранчасара организации.

Преобладала точка зрения о совместном хранении личных фондов и фондов государственных учреждений. В 1921 г. Хранчасар был ликвидирован, а его документы были включены в созданную в том же году IX (историко-культурную) секцию Единого государственного архивного фонда (ЕГАФ)⁵.

В ходе собирания архивистами родовых дворянских фондов сложилась ситуация, когда материалы одного рода были разделены между разными архивохранилищами. Так, можно назвать фонды князей Кочубеев, Бобринских, Волконских, Шереметевых и Абамелек-Лазаревых. Рассмотрим, как складывалась история подобного фонда на примере фонда Абамелек-Лазаревых в РГАДА. Складывание родового архива прошло те же этапы, как и формирование многих других семейных собраний, хранящихся в различных архивохранилищах, музеях и библиотеках. Члены семьи собирали свои личные документы для использования в служебной деятельности и доказательства своих прав и привилегий, хозяйственные бумаги – для управления имениями, фотографии – для того, чтобы память о предках сохранялась у будущих поколений.

Основными источниками для реконструкции истории поступления фонда, перемещения тех или иных документов, его научной обработки, использования являются внутренние учетные архивные документы. Важнейшим является дело фонда – «комплекс документов по истории источника комплектования (фондообразователя) и архивного фонда, ведущийся на каждый архивный фонд, объединенный архивный фонд и архивную коллекцию»⁶. В деле фонда Абамелек-Лазаревых сохранилась историческая справка о фондообразователе и краткая характеристика документов фонда, а также сведения о ходе описания документов фонда при их поступлении в архив, проверки наличия и состояния материалов и другие справочные данные о фонде. В каждом архиве, так же как и в другом учреждении, имеется свой архив, в котором отложились материалы по комплектованию, созданию научно-справочного аппарата, и, обратившись к документам архивного фонда № 1498 «Канцелярия ЦГАДА», мы смогли выявить важную информацию о судьбе документов фонда Абамелек-Лазаревых на различных исторических этапах.

В связи с прекращением деятельности Лазаревского института восточных языков его архив в составе семи шкафов 23 декабря

1921 г. был сдан Каржем Микаэляном на хранение в IV секцию Центрархива⁷. Можно предположить, что часть материалов, связанных с историей Лазаревского института и входящих в настоящее время в фонд № 1252, поступила в составе архива учебного заведения. В сохранившихся в РГАДА многочисленных документах о собирательской деятельности архивистов в 1920-х годах, а также списках родовых архивов, которые планировалось вывезти в хранилище, сведений о собрании Абамелек-Лазаревых нами не обнаружено.

Основная часть фонда князей Абамелек-Лазаревых поступила в Государственный архив феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ, ныне РГАДА) в 1934 г. Согласно распоряжению Центрального архивного управления от 4 февраля 1934 г. ГАФКЭ следовало организовать работу по организации перевоза из Ленинградского отделения Центрального исторического архива в Москву ряда личных фондов, в том числе Абамелек-Лазаревых под № 600 в составе 453 связок⁸. Центральный исторический архив с отделениями в Москве и Ленинграде был создан в 1925 г. после ликвидации секционного деления ЕГАФ. Передача материалов Абамелек-Лазаревых проходила в рамках определения профилей архивных учреждений и перегруппировки материалов. К сожалению, в документах о передаче части материалов в ГАФКЭ не аргументируется их перемещение, что вызывает ряд вопросов, особенно в связи с тем, что 4908 единиц хранения за 1717–1918 гг. были оставлены в Ленинграде и в настоящее время составляют фонд № 880 «Абамелек-Лазаревы, князья» Российского государственного исторического архива⁹.

Обработка архивных материалов личного собрания Абамелек-Лазаревых была включена в план работ ГАФКЭ на 1935 г.¹⁰ Согласно учетной карточке, составленной 29 мая 1935 г. в ГАФКЭ, в родовом фонде, которому был присвоен инвентарный № 257 (ранее числился за № 3398), значилось 975 единиц хранения и 832 килограмма россыпи за 1527–1918 гг. По мнению составителя, это могло составлять 200 единиц хранения¹¹. В карточке указывается на наличие описи к части фонда. В 1939 г. фонд «Абамелек-Лазаревы» в составе 375 единиц хранения был включен в перечень архивных фондов ГАФКЭ, подлежащих ревизии. Исходя из этого, можно предположить, что за 1935–1939 гг. из материалов родового архива была разобрана только часть, из которой были сформированы 375 дел¹². В настоящее время их можно определить по старым папкам, в которых они хранятся. В 1940 г. фонд Абамелек-Лазаревых под № 6 значится в списке неразобранных фондов ГАФКЭ отдела фамильных и личных фондов; неразобранными оставались 81 связ-

ка документов¹³. В том же 1940 году согласно списку актов ревизии фондов в родовом фонде числилось уже 405 единиц хранения, отдельно было отмечено, что ревизия проводилась на часть фонда¹⁴.

В марте 1941 г. ГАФКЭ был преобразован в Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). Плановую работу по разборке и описанию архивных материалов нарушила Великая Отечественная война. 5 июля 1941 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли секретное постановление об эвакуации архивов, согласно которому материалы ЦГАДА, в том числе и фонд Абамелек-Лазаревых, были эвакуированы в Орск. В 1942 г. родовой архив числился в поместно-вотчинном отделе в количестве 340 единиц хранения и 34 связок за 1721–1867 гг.¹⁵

Документы ЦГАДА были размещены в подвальном помещении здания городского отдела Народного комиссариата внутренних дел города Орска, и весной 1942 г., когда началось таяние снега и затопление подвальных помещений в городе, документы архива оказались под угрозой гибели. 20 мая архивисты написали своему начальнику В.Ф. Никитину докладную записку об опасности, угрожавшей материалам. Они писали, что часть материалов в период наводнения была вынесена из гаража и временно сложена в рабочих комнатах городского отдела милиции г. Орска; другая часть, в размере 10 вагонов, – в городском универсальном магазине. Сотрудники ЦГАДА сообщали, что руководители района требуют освободить эти помещения и вернуть документы обратно в подвал. «Мы этому противимся всеми мерами, – писали архивисты, – так как в подвалах стоит страшная сырость»¹⁶.

Спустя три дня, 23 мая 1942 г., специально созданная из архивных сотрудников комиссия осмотрела подвальное помещение и нашла его совершенно непригодным для хранения документальных материалов, так как во время наводнения подпочвенных вод в нем наблюдалась повышенная влажность воздуха. Согласно составленному акту повышенная влажность могла оказать губительное влияние на сохранность архивных материалов, вплоть до заражения их спорами плесневого грибка и «затухания текстов». Особо архивисты указывали на необходимость приложить все усилия для сохранения документов ЦГАДА и писали, что они имеют «мировую известность, являются уникальными по своему значению в силу того, что это единственные в нашей стране сохранившиеся до настоящего времени памятники по истории Русского государства в XIII–XVIII вв. Гибель или порча хотя бы части этого документального прошлого нашей родины означала бы непоправимый удар будущему развитию исторической науки в СССР»¹⁷. В заключение

акта члены комиссии указали на полную непригодность подвального помещения, предполагаемого для размещения документальных материалов ЦГАДА.

В 1944 г., после реэвакуации ЦГАДА в Москву, туда из Центрального государственного исторического архива в Ленинграде было передано еще 453 связки документов фонда Абамелек-Лазаревых за 1770–1917 гг. Согласно справке о состоянии фондов поместно-вотчинного отдела ЦГАДА, составленной 6 марта 1945 г., в родовом фонде из 2052 единиц хранения оставались неописанными 1077 единиц хранения и 242 килограмма россыпи¹⁸. К началу третьего квартала ситуация с разбором фонда Абамелек-Лазаревых изменилась: в россыпи уже числилось 150 килограмм, систематизированными значились 1000 единиц хранения, составлено заголовков – 1000, инвентаризация – 1000¹⁹. Мы видим небольшое расхождение в количестве описанных документов. Так, по свидетельству сохранившегося в Деле фонда Акта проверки наличия и состояния документальных материалов ЦГАДА к 1945 г. в опись № 1 было включено 975 единиц хранения²⁰.

По результатам проверки наличия и состояния единиц хранения, проведенной студентами-практикантами МГИАИ Кружковой, Булгаковым, Васиной, Тимошковой, Орловым и другими студентами 3-го курса 30 марта 1945 г., было установлено, что отсутствует значительное количество дел²¹. Это объяснялось тем, что к тому моменту еще не все материалы архива, вернувшиеся после реэвакуации, были проверены по фондам. Проверка также показала, что дела не закартонированы и частично не пронумерованы, а также, что 90% всех единиц хранения требуют ремонта и смены обложек.

Значительная работа по разборке документальных материалов фонда Абамелек-Лазаревых и их научному описанию была проведена в 1950-е годы. В 1951 г. к работе над фондом приступил старший научный сотрудник поместно-вотчинного отдела Флор Акимович Останкович (работал в архиве в 1940–1955 гг.), в течение года он занимался обработкой как сформированных описанных и неописанных дел, так и россыпи (120 килограммов)²². В результате научный сотрудник провел большую работу по разборке, систематизации, формированию, описанию и подкладке единиц хранения и к марту 1953 г. по результатам своей работы составил краткую справку о фонде. В ней указывался объем фонда в числе 4664 единиц хранения за 1545–1918 гг., а также давалась характеристика состава фонда, получившего порядковый № 1252, по группам²³. К этому времени архивист составил опись, включающую в себя две части. По описи № 1 в части I значится 1612 единиц хранения, в

число которых входит 18 литерных номеров²⁴. Вторая часть описи включает единицы хранения № 1676–4645 – всего 2985 дел, в том числе 22 литерных.

В июле 1953 г. была произведена проверка работы Останковича по научно-технической обработке фонда Абамелек-Лазаревых, в ходе которой было установлено, что фонд полностью обработан и окончательно оформлен. По результатам проверки работы архивиста комиссия постановила, что формирование единиц хранения в основном произведено правильно, но в некоторых случаях присутствует излишнее мельчение (например, несколько дел, содержащих входные и членские билеты различных обществ, можно было бы объединить). В описании фотоснимков (№ 1536, 1537, 1538, 1539, 1540, 1541, 1542, 1543 – раздельное описание; № 1505 – групповое) были применены как раздельный, так и групповой методы описания²⁵.

Особых замечаний, относящихся к описанию единиц хранения и составлению заголовков дел, у комиссии не возникло, однако в ряде заголовков необходимо было уточнить географические данные. Был сделан вывод о том, что заголовки составлены подробно и в целом верно раскрывают содержание дел, а также соответствуют предъявляемым к научному описанию документов требованиям.

Выработанная Останковичем схема систематизации дел в описи была признана комиссией удачной и продуманной, однако единственное возражение состояло в том, что «в подгруппах раздела хозяйственных дел по Петербургской конторе нужно было бы выделить подгруппу дел общего характера (т. е. дел не по одному какому-нибудь имению, а по ряду имений одновременно)»²⁶. Замечание комиссии связано с тем, что в фонде содержалось большое количество дел, которые не укладывались в принятую схему и были в основном сосредоточены в группе дел по Пермскому имению.

Члены группы контроля отметили, что «товарищем Останковичем была проделана большая кропотливая работа, требовавшая больших знаний и опыта в обработке личных фондов»²⁷.

В результате подведения итогов проверки наличия документальных материалов, состоявшейся в 1953 г., по фонду Абамелек-Лазаревых была составлена новая опись № 2 на неразобранные материалы фонда, представляющие собой чертежи, планы и карты. В связи с этим из части II описи № 1 были изъяты единицы хранения № 4612а–4619а и перенесены в опись № 2 под № 176–178, 182–184, 186–187, что изменило нумерацию единиц хранения в описи № 1²⁸. Позднее сотрудниками архива была создана переводная таблица номеров единиц хранения по описи № 1.

В ходе обработки фонда старший научный сотрудник Останкович выявил дела, не относящиеся к фонду, поэтому 23 февраля 1955 г. специальным Актом была оформлена передача 78 единиц хранения в фонд Деляновых, хранящийся в Центральном государственном историческом архиве Москвы (с 1993 г. – ЦИАМ).

В феврале 1962 г. фонд Абамелек-Лазаревых пополнился одной единицей хранения, переданной из Государственного исторического архива Московской области на основании распоряжения Архивного управления МВД РСФСР от 17 октября 1960 г.²⁹

В результате проведенного исследования можно говорить о том, что родовой фонд князей Абамелек-Лазаревых в первые годы после революции 1917 г. попал под действие разработанной сотрудниками Хранчасара программы собирания и обработки служебных, хозяйственных и семейных коллекций. Документы по истории Лазаревского института восточных языков, которые хранились при учебном заведении, были сданы на хранение в Центрархив в 1921 г. В 1934 г. на хранение в ЦГАДА поступила основная часть фонда Абамелек-Лазаревых, в том числе и документальные материалы из Ленинградского отделения Центрального исторического архива. Спустя год начались его обработка и научное описание; значительный вклад в этот процесс был сделан в 1950-е годы старшим научным сотрудником поместно-вотчинного отдела Ф.А. Останковичем. Архивист выполнил основные виды архивных работ и уже к 1953 г. составил краткую справку о фонде, а также опись, которая продолжает использоваться в РГАДА в настоящее время.

Перспективным представляется изучение формирования личных фондов Абамелек-Лазаревых и членов их семьи в ГА РФ, РГИА, Государственном архиве Пермской области (ГАПО), Государственном архиве Калужской области (ГАКО) и др. и реконструкция и изучение родового архива как единого комплекса документальных источников одной семьи.

Примечания

- ¹ См.: *Быкова Л.А.* Хранилище частных архивов (Хранчасар) в Москве, 1919 г. // Археографический ежегодник за 1993 г. М.: Наука, 1995. С. 289–308.
- ² См.: *Хорхордина Т.И., Волкова Т.С.* Российские архивы: история и современность: Учебник / Отв. ред. В.В. Минаев. М.: РГГУ, 2012. С. 59–60.
- ³ См.: РГАДА. Ф. 1498. Канцелярия ЦГАДА. Оп. 1. 1919 г. Д. 2а. Л. 2.
- ⁴ Там же. Д. 7. Л. 2.
- ⁵ См.: *Хорхордина Т.И., Волкова Т.С.* Указ. соч. С. 60.

- 6 Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда РФ и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук / М-во культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации, Федер. арх. агентство, ВНИИДАД. М., 2007. С. 62.
- 7 См.: РГАДА. Ф. 1498. Оп. 1. 1922 г. Д. 8а. Л. 26.
- 8 Там же. 1933 г. Д. 15. Л. 3.
- 9 См.: Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде. Л., 1956. С. 363–364.
- 10 См.: РГАДА. Ф. 1498. Оп. 1. 1935 г. Д. 6. Л. 1.
- 11 См.: РГАДА. Ф. 1252. Дело фонда. Л. 9, 9 об.
- 12 См.: РГАДА. Ф. 1498. Оп. 1. 1939 г. Д. 10. Л. 4; Д. 29. Л. 3.
- 13 Там же. 1940 г. Д. 11. Л. 1.
- 14 Там же. Д. 12. Л. 1.
- 15 Там же. 1942 г. Д. 8. Л. 6.
- 16 Там же. Д. 9. Л. 5.
- 17 Там же. Д. 8. Л. 14.
- 18 Там же. 1945 г. Д. 7. Л. 11.
- 19 Там же. Л. 12.
- 20 См.: РГАДА. Ф. 1252. Дело фонда. Л. 16.
- 21 Там же. Л. 16 об.
- 22 Там же.
- 23 Там же. Л. 1–8.
- 24 См.: РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Ч. 1. Л. 141.
- 25 См.: РГАДА. Ф. 1252. Дело фонда. Л. 19.
- 26 Там же. Л. 20.
- 27 Там же. Л. 21.
- 28 См.: РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Ч. 2. Л. 1–1 об.
- 29 См.: РГАДА. Ф. 1252. Дело фонда. Л. 49.

В.Г. Чичерюкин-Мейнгардт

ДОКУМЕНТЫ ЖЕРТВ КАТЫНИ В ФОНДАХ РГВИА

Статья посвящена документам бывшего офицера Бориса Фурнье, родившегося в Петербурге в 1891 г. Он сражался против Германии и Австрии, будучи офицером Кексгольмского полка. После распада Российской империи эмигрировал в Польшу. В 1939 г. арестован НКВД. В 1940 г. казнен в Катыни.

Ключевые слова: Польша, Борис Фурнье, РГВИА, лейб-гвардии Кексгольмский полк, война 1914–1918 гг., революция 1917 г., Катынь.

Общеизвестным является факт, что после распада российской государственности в 1917–1918 гг. бывшие офицеры и генералы русской армии сыграли заметную роль в создании и становлении вооруженных сил новообразованных государств, возникших после этой геополитической катастрофы.

В распоряжении главы польского государства, возродившегося осенью 1918 г., маршала Ю. Пилсудского были кадры польского легиона, воевавшего против русских войск на Восточном фронте в составе австро-венгерской армии в 1914–1918 гг. В конце 1918 г. в польскую армию вступали бывшие российские подданные польского происхождения, служившие в армии и на флоте Российской империи.

Значительная часть этих бывших российских подданных, проживавших или служивших на восточных территориях II Речи Посполитой, в 1939–1940 гг. подверглись репрессиям со стороны сталинского режима. Наричательным за последние 20 лет стало название населенного пункта Катынь, расположенного примерно в 40 минутах езды от Смоленска в сторону Витебска.

В августе 2014 г., будучи проездом в Смоленске, я совершил поездку в Катынь, где посетил мемориал на месте захоронений расстрелянных польских офицеров. Он представляет собой холм, увенчанный высоким католическим крестом. Вертикальные стены символического холма по периметру выложены металлическими плитами – символическими надгробиями с именами. Указаны имена, воинские чины и место рождения. Дата и место смерти у всех – Катынь, 1940 год.

Меня заинтересовало, откуда родом были эти польские офицеры. Наряду с городами польскими, включая Варшаву, белорусскими раз или два встретилось название бывшей столицы Российской империи – Петербург. Присмотревшись внимательнее, я прочитал фамилию капитана польской армии. Она читалась как Фурнье, или Фюрнье – Fournier. Явно не славянская, не германская и не еврейская. Несмотря на весь трагизм этого места, у меня в памяти всплыла не совсем уместная ассоциация с этой фамилией.

Будучи старшеклассником, во второй половине 1970-х годов от своих одноклассников я услышал имя «короля рока ужасов» американца Элиса Купера. Позже я узнал, что настоящее имя певца Винсент Фурнье. Среди его предков были французские протестанты-гугеноты, эмигрировавшие в XVIII столетии из Франции в Северную Америку. Следовательно, подумал я, предки этого польского офицера эмигрировали в Россию из Франции.

На символической надгробной плите годом рождения петербуржца Бориса Фурнье был указан 1891-й. Значит, подумалось мне, с большой долей вероятности можно предположить, что он до 1917 г. мог быть офицером русской императорской армии. Поэтому, вернувшись в Москву, я обратился к фондам 409 и 400 Российского государственного военно-исторического архива – РГВИА, где сосредоточены коллекции послужных списков офицеров армии Российской империи с XVIII до 1917 г. Иногда встречаются послужные списки, заканчивающиеся 1918 г.

Действительно, в РГВИА оказался в наличии формуляр Бориса Фурнье. Прочитав заголовок на титульном листе, я пережил легкое потрясение. На 1917 г. Б. Фурнье был офицером лейб-гвардии Кексгольмского полка. Это название я запомнил с детских лет. В ноябрьском номере популярного детского журнала «Музилка» за 1967 или 1968 г. был напечатан рассказ «Часы и карта Октября». К нему соответственно прилагались карта Петрограда и хронология. В частности, упоминалось о том, что на сторону Военно-революционного комитета перешел лейб-гвардии Кексгольмский полк.

Название этой воинской части вызвало в памяти цепочку имен офицеров-кексгольмцев: Адамович, Витковский, Гунцадзе. Следовательно, подумалось мне, их жизненные пути пересекались прямо или косвенно с Фурнье.

Итак, согласно архивным документам Борис Владимирович Фурнье родился в Петербурге 4 декабря 1891 г. в семье потомственного дворянина. Отчество Владимирович говорит в пользу того, что он был российским подданным как минимум во втором поколении¹.

Общее образование молодой петербуржец получил в Москве, в Комиссаровском техническом училище². Это училище находилось в центре Москвы, вблизи нынешней площади Маяковского. Училище, говоря современным языком, готовило специалистов со средним специальным (техническим) образованием для службы в технических должностях на промышленных предприятиях.

Исходя из того, что военное училище он закончил в Северной столице – четырехмесячный курс наук во Владимирском военном училище, можно предположить, что, закончив гражданское учебное заведение в Москве, он вернулся в Петербург. Срок начала и окончания курса во Владимирском училище наводит на мысль о том, что Борис Фурнье на военную службу поступил добровольцем, с началом войны между Россией и Германией. 1 декабря 1914 г. он был произведен в прапорщики лейб-гвардии Кексгольмского полка. Тогда же убыл в запасной батальон³. 17 марта 1915 г. прапорщик Фурнье отправлен в действующую армию. Прибыл и зачислен младшим офицером в седьмую роту⁴.

Остановимся на событиях, предшествовавших прибытию нового офицера в полк. В августе 1914 г. лейб-гвардии Кексгольмский полк принял участие в Восточно-прусской операции в составе 2-й армии генерала от кавалерии А.В. Самсонова. Он участвовал в сражении у Сольдау.

Как писал московский историк Ю. Трамбицкий, «попав в окружение наряду с другими частями 2-й армии генерала Самсонова, лейб-гвардии Кексгольмский полк сумел прорваться, хотя и ценой больших потерь: погиб командир полка генерал-майор А.М. Малиновский, пропал без вести подпоручик 7-й роты К.Г. Анучин, у которого находилось знамя полка; после выхода из окружения в строю оставалось всего 6 офицеров и 192 нижних чина. В этих боях кексгольмцы приняли на себя всю тяжесть арьергардных боев, замедлив и упорядочив отход левого фланга 2-й армии»⁵.

После гибели генерала Малиновского полк возглавил генерал-майор Б.В. Адамович (1870–1936). Его имя было хорошо знакомо

кексгольмцам. Еще в конце XIX в. он написал трехтомную историю полка. В течение нескольких лет он был начальником Виленского военного училища⁶.

Тяжелые потери понесли кексгольмцы и в осенних боях 1914 г. под Лодзью. Тем не менее Лодзинское сражение в целом закончилось успешно для русских войск, а сам генерал Адамович был представлен к награждению георгиевским оружием⁷.

Следовательно, прибыв в расположение полка, прапорщик Фурнье должен был представиться своему командиру – генералу Адамовичу.

1915 год вошел в историю войны 1914–1918 гг. как «год великого отступления». В летних боях принимали участие и кексгольмцы. В одном из боев, у деревни Олтуш 11 августа 1915 г., прапорщик Фурнье был ранен и эвакуирован в тыл⁸.

Следующий год войны вошел в историю как год Луцкого, или Брусиловского прорыва. В июле 1916 г. завязались бои на Ковельском направлении.

«Особой армии, сформированной накануне наступления (войска гвардии, I-й, XXX-й армейские корпуса и V-й кавалерийский корпус, командующий армией генерал-адъютант, генерал от кавалерии В.М. Безобразов), директивой командующего армиями юго-западного фронта генерал-адъютанта, генерала от кавалерии А.А. Брусилова ставилась задача овладения г. Ковелем с юга. Задачей II-го гвардейского корпуса, куда входила 3-я гвардейская пехотная дивизия, было – прорвать фронт противника в районе дер. Трыстень и развивать прорыв вглубь, наступая правым флангом в направлении на Озеряны. 3-й гвардейский пехотной дивизии (начальник – генерал-лейтенант В.В. Чернавин) было приказано прорвать противника на фронте от юго-восточного угла д. Трыстень до кол. Курган исключительно и, наступая правым флангом 39 корпуса, овладеть высотами к западу от Трыстень, имея целью быстрое развитие удара на кол. Остров волос(овский) в тыл противнику, стоящему перед I-м гвардейским корпусом»⁹.

Бои у деревни Трастынь, по мнению историков, стали вторыми по значимости для кексгольмцев, после боев у Сольдау. Им посвящена книга историографа кексгольмцев Б.В. Адамовича, к тому времени генерал-лейтенанта, директора первого русского кадетского корпуса в королевстве Югославии.

Взаимодействуя с лейб-гвардии волынским и литовским полками, кексгольмцы выполнили поставленную задачу. Они прорвали оборону противника, захватили трофеи и пленных. Но при этом понесли тяжелые потери.

Из рапорта командующего лейб-гвардии Кексгольмского полка полковника барона И.Н. Штакельберга: «В этом бою полк потерял офицеров: убитыми – 11, ранеными и контужеными – 17; нижние чины убитыми и ранеными – 2021»¹⁰.

Одним из них был подпоручик Борис Фурнье. Ранение было серьезным, поскольку он был ранен и эвакуирован в тыл 15 июля 1916 г. По распоряжению гвардейских запасных частей прибыл и зачислен в списки запасного батальона лейб-гвардии Кексгольмского полка младшим офицером роты 8 октября 1916 г.¹¹ 1 декабря 1916 г. штабс-капитан Фурнье прибыл в полк и был назначен начальником траншейной команды¹².

В годы войны за боевые отличия был награжден орденами Св. Анны 4 ст. с надписью «за храбрость», 3 ст. с мечами и бантом, 2 ст. с мечами, Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом, 2 ст. с мечами и Св. Владимира 4 ст. с мечами и георгиевским оружием¹³. Орденом Св. Владимира он был награжден в сентябре 1917 г., а в чин капитана со старшинством был произведен 9 октября 1917 г.¹⁴

Сейчас уже вряд ли удастся узнать, с какими чувствами он встретил известие о Февральской революции в Петрограде. Поскольку среди его предков были поляки и он себя ощущал поляком, меры Временного правительства по уравниванию в правах великороссов и прочих российских граждан не могли не встретить в его душе положительного отклика. Вероятно, в связи с новыми веяниями в сфере отношений государства и религиозных конфессий следует рассматривать следующий шаг офицера-кексгольца. Летом 1917 г. он перешел из православия в католичество¹⁵.

Уже осенью 1917 г. офицеры-кексгольмцы в связи с усиливающимся развалом вооруженных сил Российской республики стали покидать свой полк. В Белом движении приняли участие В.К. Витковский, чьей подписью заверен документ Б.В. Фурнье, хранящийся в РГВИА, генерал Адамович, барон Штакельберг и ряд других.

Летом 1918 г. бывший гвардейский капитан Фурнье проживал на территории «незалежной» и «самостийной» Украины в районе Винницы.

В РГВИА в деле капитана Фурнье имеется формуляр, заполненный им на имя Винницкого уездного воинского начальника от 2 августа 1918 г. за № 2622. В анкете перечисляются ранения и боевые награды. Интересно то, что в ответ на вопрос, числит ли себя гражданином Украины, дается ответ «нет»¹⁶.

Здесь в отличие от красного Петрограда можно было чувствовать себя в относительной безопасности под сенью германских и австрийских штыков. Что его привело в те края, неизвестно.

Но уже спустя год 1-й Сводно-гвардейский батальон 2-го Сводно-гвардейского полка Вооруженных сил Юга России – ВСЮР, в составе которого были две роты кексгольмцев, освободил Киев от большевиков. И если в 1919 г. Фурнье проживал в тех же краях, то он мог встретить своих однополчан и присоединиться к ним. Тем более что два его родных брата Евгений и Владимир в годы Гражданской войны воевали против красных в рядах Северной армии под командованием генерал-лейтенанта Е.К. Миллера¹⁷.

Возможно, что еще в конце 1918 г. бывший офицер-кексгольмец уехал на родину своих предков – в Польшу.

В польском издании Борис Фурнье проходит как майор польской армии и кавалер ордена «Виртути Милитари» – высшей польской воинской награды¹⁸. Из этого факта можно сделать вывод о том, что он заслужил его за участие в советско-польской войне в 1920 г. Значит, к тому времени, т. е. к 1920 г., он уже был польским гражданином и поступил на службу в Войско польское.

Интересно отметить следующее обстоятельство. Командир лейб-гвардии Кексгольмского полка в кампании 1916 г., генерал-майор Н.И. Штакельберг (1871–1956) после эвакуации русской армии из Крыма некоторое время находился в Константинополе. «С разрешения генерала Врангеля переехал в Польшу, где поселился в небольшом наследственном имении. Состоял в полковом объединении лейб-гвардии Кексгольмского полка, возглавляя его варшавскую группу»¹⁹. Офицеры гвардейских полков в вынужденной эмиграции отличались спайкой и стремлением поддерживать свои полковые ячейки. Очень вероятно, что Б.В. Фурнье, даже если и не состоял в своем полковом объединении, мог поддерживать отношения со своим бывшим командиром.

Серьезной проблемой была адаптация к новым условиям. У многих бывших русских офицеров, рассеявшихся по всему миру, это вызывало большие затруднения. Б.В. Фурнье в этом отношении, наверное, было легче, поскольку он обладал гражданской специальностью, полученной в Комиссаровском техническом училище.

Вероятно, с началом войны Третьего рейха против II Речи Посполитой он мог быть призван из запаса и попал в плен к красным. А если его не успели призвать на военную службу или от нее он был освобожден по состоянию здоровья, то его могли арестовать сотрудники НКВД. Ведь для сотрудников ВЧК–ОГПУ–НКВД бывший царский гвардейский офицер был классовым врагом в

силу своей биографии. К службе в русской императорской гвардии добавлялось дворянское происхождение, а также знакомство с генералом В.К. Витковским в 1916–1917 гг., ставшим видным участником Гражданской войны на юге России. В предвоенные годы генерал Витковский одно время возглавлял I (французский) отдел Русского Обще-Воинского союза – РОВС. Вплоть до 1940-х годов РОВС рассматривался советскими руководителями как опасная русская эмигрантская организация. И даже если в Гражданской войне Борис Фурнье не принимал участия в Белой борьбе, то всех вышеперечисленных фактов его биографии, с точки зрения советской власти, было достаточно, чтобы вынести свой вердикт. Печальный итог известен – Катюнь. За прошедшие десятилетия это название стало нарицательным. Под ним подразумеваются массовые расстрелы польских граждан НКВД не только под Смоленском, но и в Твери и под Харьковом.

Вместе с петербуржцем Б.В. Фурнье в Катюнь были расстреляны отставные польские генералы уроженцы Гродно Б.К. Богатыревич и Могилевщины Л.Л. Билевич, до 1917 г. служившие в русской армии. Под Харьковом был расстрелян генерал К.К. Плисовский – руководитель обороны Брестской крепости в сентябре 1939 г., в прошлом лихой ахтырский гусар.

Их документы также хранятся в РГВИА.

Примечания

¹ РГВИА. Ф. 409. Д. 365-825.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ *Трамбицкий Ю.* Штурм деревни Трастынь лейб-гвардии Кексгольмским полком 15 июля 1916 г. // Военная быль. 1998. № 10 (139). С. 12–13.

⁶ *Трамбицкий Ю.А.* Кексгольмец // Воен.-ист. журн. 1991. № 7. С. 82.

⁷ Там же. С. 83.

⁸ *Трамбицкий Ю.* Штурм деревни Трастынь... С. 14.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ РГВИА. Ф. 409. Д. 365-825.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ *Szcześniak L.A.* Katyń. Lista ofiar i zaginionych jeńców obozów Kozielsk, Ostaszków, Starobelsk, wstępni opracowanie. Warszawa, 1989. S. 52.
- ¹⁸ Сообщил С.В. Волков (Москва).
- ¹⁹ *Рутыч Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России (материалы к истории белого движения). М., 1997. С. 279.

Н.В. Банникова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
БРИТАНСКОГО ЖУРНАЛИСТА
ДЖОРДЖА ДОБСОНА ВО ВРЕМЯ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ
(по материалам Национального архива
Великобритании)

В данной статье автор рассматривает документы из Национального архива Великобритании, раскрывающие некоторые факты из биографии британского журналиста Джорджа Добсона, который жил и работал в России в период с 1874 по 1920 г. В частности, рассказывается о его деятельности во время Гражданской войны на юге России.

Ключевые слова: Россия, Великобритания, большевики, Константинополь, Одесса, советская власть, Верховный комиссар, британское посольство, эвакуация, консульство, консул.

После Октябрьской революции 1917 г. Антанта, союз Великобритании, Франции, России, оформившийся в 1904–1907 гг. и объединивший в ходе Первой мировой войны против германской коалиции более 20 государств, организовала вооруженную интервенцию против Советской России. 23 декабря 1917 г. Великобритания и Франция подписали соглашение, имеющее общей целью определять дальнейшую политику на юге России. В марте 1918 г. интервенция Антанты началась. Великобритания настаивала на создании в России британских консульств.

Осенью 1919 г. в министерстве иностранных дел Великобритании решено было создать вице-консульства в Харькове и Севастополе.

1 октября 1919 г. письмом из министерства финансов¹ было одобрено предложение министерства иностранных дел назначить двоих из пяти временных штатных вице-консулов в Харьков и Севастополь. Вице-консулом в Харьков был направлен Джордж Добсон.

Добсон долгое время жил и работал в России. Родился он в Лондоне в 1854 г., а в Санкт-Петербурге впервые появился в 1874 г., приехав туда помогать Юджину Скайлеру, в то время секретарю американского посольства в России, писать книгу «Туркестан. Записки о путешествии в Российский Туркестан, Коканд, Бухару и Кульджу»². Позже Добсон выполнял обязанности заместителя генерального консула Соединенных Штатов³.

В 1876 г. полковник Фредерик Уэлсли, племянник знаменитого полководца, герцога А.У. Веллингтона, который служил военным атташе в британском посольстве в Санкт-Петербурге, представил Добсона руководству газеты «Таймс».

В октябре 1876 г. управляющий газетой «Таймс» Д.К. Мак-Дональд сообщал К. Абелю, берлинскому корреспонденту «Таймс»: «У нас есть новый корреспондент в Санкт-Петербурге, по имени Джордж Добсон, найти которого можно в Американском посольстве»⁴.

Во время Русско-турецкой войны Добсон отправился в действующую армию. Сначала он находился при цесаревиче Александре (будущем императоре Александре III), командовавшем Восточным отрядом, присутствовал при осаде Плевны вместе с корреспондентом газеты «Дейли Ньюз» А. Форбсом и журналистом Я.А. МакГаханом, готовившим военные сводки для ряда американских и английских газет. Здесь, под Плевной, у редута около деревни Гривица, Добсон был несколько раз под вражеским огнем. Под Плевной Добсон познакомился с генералом М.Д. Скобелевым. За участие в кампании 1877–1878 гг. он был награжден румынским орденом и русскими медалями⁵.

После заключения Сан-Стефанского мирного договора в 1878 г. Джордж Добсон вновь приступил к своим обязанностям в Санкт-Петербурге.

Весной 1888 г. Добсон пересек Закаспийскую пустыню по только что построенной российской железной дороге и стал первым англичанином, проделавшим железнодорожное путешествие от Узун-Ада до Бухары, Мерва и Самарканда. Во время поездки Добсон отправлял в «Таймс» подробные «отчеты» об увиденном⁶, а осенью того же года в газете были опубликованы его письма из путешествия⁷. Его публикации в «Таймс», дополненные дневниковыми записями с подробным описанием Закаспийской области, легли в основу книги «Железнодорожный прорыв России в Среднюю Азию» (Russia's Railway Advance into Central Asia). Она вышла в Лондоне в издательстве У.Г. Аллена и К^о весной 1890 г.

В 1891 г., когда корреспондент «Таймс» в Берлине Чарльз Лоу был уволен, Добсон вызвался на год заполнить этот пробел, не вполне осознавая, какая нагрузка его ожидает и с какими трудностями придется столкнуться, отправляя корреспонденцию из двух стран – России и Германии.

Приблизительно в 1900 г., как пишет сам Добсон в своих дневниковых записях, он начал страдать бессонницей⁸ и нуждался в отдыхе. Руководство газеты отправило его в длительный отпуск⁹. В это время (1901 г.) из Берлина был командирован мистер Д. Брехем продолжать работу в Санкт-Петербурге.

После окончания отпуска, в 1903 г., он снова был в Лондоне и пытался убедить управляющего директора «Таймс» Моберли Бэлла в том, что полностью здоров и готов продолжить работу в Санкт-Петербурге. К тому времени пост корреспондента в России был снова свободен – российское правительство было очень недовольно независимостью Брехема, и 28 мая 1903 г. ему было приказано покинуть Россию в 24 часа. Руководство «Таймс» решило, что слишком хлопотно иметь в России собственного корреспондента, и Добсону отказали.

После своего разрыва с газетой Джордж не уехал из России и остался в Санкт-Петербурге. По приглашению князя М.И. Хилкова, с которым он познакомился во время путешествия 1888 г., Добсон стал частным секретарем высокопоставленного чиновника.

С 1904 по 1905 г. Добсон жил в Лондоне, где представлял Российское объединенное агентство печати, одновременно являясь российским корреспондентом агентства Рейтер, «Дейли Телеграф» и других британских газет. Вернувшись в Санкт-Петербург после закрытия агентства, он был приглашен в британское консульство секретарем, основной его обязанностью было заниматься корреспонденцией. В штате британского консульства Добсон проработал около 10 лет: секретарем, штатным консулом, действующим вице-консулом¹⁰.

В 1910 г. в Лондоне вышла его новая книга под названием «Санкт-Петербург», в которой он описывал архитектуру города, рассказывал об истории его образования и современной жизни. Иллюстрации к книге были исполнены известным британским художником Ф. де Ханеном. В 1911 г. был издан перевод Джорджа Добсона книги Е. Федорова «Подготовка финляндской революции 1889–1905 гг.». Книга «Санкт-Петербург» была переиздана в составе сборника «Россия», вышедшего в Лондоне в 1913 г.¹¹

Во время Первой мировой войны Джордж Добсон сотрудничал в качестве переводчика в Чрезвычайной следственной комиссии по

расследованию нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками¹². В 1917 г. Добсон вернулся в газету по просьбе лорда Нордклиффа, в то время владельца «Таймс», который приложил немало усилий, чтобы утерявшая к тому времени популярность газета превратилась в новую и современную. Джордж возглавил Петроградское отделение «Таймс» и одновременно работал ее корреспондентом.

Когда к власти в России пришли большевики, британское посольство отказалось поддерживать с новым правительством официальные отношения. В затруднительных ситуациях британцы прибегали к личной дипломатии. В решении одной из таких ситуаций принял участие Добсон, отправившись на прием к Л.Д. Троцкому в Смольный, дабы обсудить условия возвращения на родину британских подданных в обмен на освобождение большевика Г.В. Чичерина, будущего наркома иностранных дел, задержанного в Лондоне 22 августа 1917 г. и находившегося в Брикстонской тюрьме¹³.

31 августа 1918 г. вооруженные чекисты ворвались в британское посольство, где в перестрелке погиб помощник военно-морского атташе Великобритании в Петрограде капитан Ф. Кроми. В тот же день был схвачен глава специальной дипломатической миссии Р.Г.Б. Локкарт, фактически исполнявший обязанности британского посла, по обвинению в попытке свержения советской власти. Добсон в числе других британских дипломатов был арестован и помещен в Петропавловскую крепость. Через пять недель, проведенных в тюрьме, он был освобожден и выслан на родину в обмен на М.М. Литвинова, дипломатического представителя Советской России в Великобритании. Вместе с 18-летней дочерью и другими сотрудниками посольства Добсона посадили на поезд до Финляндии, не разрешив взять ничего из личных вещей.

14 октября 1918 г. Добсон прибыл в Стокгольм, откуда отправил письмо в «Таймс» под названием «Жестокое обращение в тюрьме. Власть большевиков растет»¹⁴. 18 октября оно было опубликовано в газете, а уже 5 ноября 1918 г. Добсон был принят королем Георгом V и представил отчет из первых рук о нападении на британское посольство, подробно рассказал о событиях в России¹⁵. Вскоре после этого он был принят на службу в российский отдел штаба разведки военного министерства в Лондоне и состоял там вплоть до его закрытия в августе 1919 г.

27 октября 1919 г. Добсон обратился в министерство иностранных дел по поводу возможности занятия им должности вице-консула в Харькове на юге России. В своем письме¹⁶ он особо подчеркнул

свой одиннадцатилетний опыт работы в Петроградском консульстве, а также знание и понимание России и того, как там в общем обстоят дела.

В этот же день, 27 октября, в министерство внешней торговли, на имя мистера Сатоу пришло письмо от Сесила Макки¹⁷, бывшего вице-консула в Санкт-Петербурге, который, узнав, что Добсон желает занять пост временного вице-консула в Харькове, настоятельно рекомендовал взять Добсона на эту должность, так как, зная его лично и проработав с ним более 10 лет, считал, что он является более чем подходящей кандидатурой.

29 октября Добсон отправил еще одно письмо¹⁸ мистеру Сатоу, дополняющее его обращение к заместителю министра иностранных дел, более подробно разъясняя причины своей пригодности для такого рода должности. В частности, Добсон написал о своей работе в военном министерстве в отделе военной разведки, где он переводил и резюмировал информацию из России, а также отвечал за все новости из России в официальном отделе обзора иностранной прессы. В качестве доказательства приложена копия письма из военного министерства, отправленного Добсону в связи с внезапным закрытием отдела в августе 1919 г. Лейтенант-полковник Эдвард Уэйк в этом небольшом послании выражает сожаление по поводу того, что из-за закрытия отдела обзора иностранной прессы они вынуждены расстаться с очень ценным и полезным работником министерства¹⁹.

29 октября 1919 г. из министерства иностранных дел был отправлен положительный ответ на обращение Добсона²⁰ назначить его временным вице-консулом в Харькове. По поручению министра иностранных дел Керзона Кедлстонского Добсону сообщалось о том, что официальное письмо о назначении он получит позже от действующего британского консула-генерала в Одессе, а устная договоренность подтверждалась данным письмом, в котором уточнялась оплата такого вида должности – 350 ф. ст. в год (400 – для женатых), плюс добавочные военные расходы – 33,3% из этой суммы. Расходы на путешествие выплачивались из государственных фондов. Это назначение не подразумевало никаких пенсионных выплат, как и не гарантировало постоянного трудоустройства. Поскольку требовалось открыть офис консульства в Харькове незамедлительно, Добсону предписывалось подготовиться к отправке как можно скорее²¹.

Следуя инструкциям указанного выше письма, Добсон отправился в назначенное место 9 декабря 1919 г. из Лондона через Саутгемптон, Гавр, Париж и Марсель, в который прибыл 11 декабря. На

следующий день отплыл в Константинополь через Мальту, пробыв там сутки на борту госпитального судна Его Величества «Глостер Кастрл». С борта этого судна 15 декабря Добсон отправил письмо в Лондон заместителю министра иностранных дел, в котором сообщал о своем местонахождении и намерении засвидетельствовать свое почтение Верховному комиссару в Константинополе, а затем проследовать далее через Новороссийск. Добсон добрался до Константинополя 20 декабря, а письмо дошло до министерства в Лондоне 29 декабря. К этому моменту в Харькове опять была установлена советская власть после того, как большевики разгромили вооруженные силы генерала Деникина. В министерстве иностранных дел решался вопрос, что делать с назначением Добсона. 30 декабря была отправлена зашифрованная телеграмма британскому Верховному комиссару в Константинополе адмиралу Де Робеку в Константинополь: «Добсон сейчас на пути в Харьков, чтобы занять там пост временного вице-консула. Телеграфируйте, куда его можно перенаправить»²².

Де Робек предложил дожидаться приезда мистера Халфорда Джона Маккиндера, Верховного комиссара юга России в 1919–1920 гг.

4 января 1920 г. Добсон отправил письмо из британского посольства в Константинополе в министерство иностранных дел Великобритании, в котором, в частности, писал:

Я предстал перед властями Верховного Комитета в нашем посольстве и получил распоряжение ожидать приезда мистера Макиндера, Верховного комиссара юга России. Мистер Макиндер приехал сюда 17 декабря, и на следующий день я встретился с ним. Он попросил меня зайти снова на день следующий, понедельник, и я так и сделал. Я предположил, что в данных обстоятельствах лучше всего меня можно было использовать <...> отправив в помощь мистеру Джерому в Новороссийске, который <...> жаловался, что слишком много работал. Я проявил желание помочь любым другим способом или поехать в любое другое место. Мистер Макиндер одобрил предложение насчет Новороссийска, но из-за плохих новостей с антибольшевистского фронта предписал мне оставаться здесь, пока не наведет некоторые справки относительно ситуации на месте. Тридцатого декабря он отправился на Черное море и в Новороссийск на борту военного корабля Его Величества «Мальборо», я снова виделся с ним за несколько минут до его отправления, в тот момент он пообещал телеграфировать мне по этому делу через Верховный комитет. Я все еще ожидаю от него информации и совета²³.

5 января 1920 г. офицер королевских военно-морских сил помощник Верховного комиссара в Константинополе адмирал Ричард Уэбб отправил телеграмму²⁴ в министерство иностранных дел в Лондон с вопросом от Маккиндера, может ли Добсон отправиться в Одессу в помощь консулу-генералу Лоудону; одобрение было получено 17 января 1920 г.²⁵

Между тем 6 января 1920 г. в британском посольстве в Константинополе Добсону передали телеграмму от Маккиндера, в которой содержалось распоряжение для Добсона отправиться в Одессу, о чем Добсон сообщил в Лондон в письме от 7 января 1920 г.²⁶

Добсону забронировали место на корабле Его Величества «Гелиотроп» на 12 января. За день до отправления корвета адмирал Уэбб попросил Добсона дожидаться возвращения мистера Маккиндера, который должен был вернуться в Константинополь 16 января. Бронирование на «Гелиотропе» было отменено, а каюту заказали на следующем корабле в Одессу. Мистер Маккиндер вернулся в порт Константинополя 17 января и в тот же день отправился в Англию, не сходя на берег и никого не принимая. Но Добсону передали, что его назначение в Одессу оставалось в силе. И на следующее утро, 23 января, он отплыл из Константинополя на корабле Его Величества «Гибискус», имея при себе шесть сумок с корреспонденцией консульства. В Одессу Добсон прибыл на следующий день, 24 января 1920 г.

Письмом от 24 января 1920 г.²⁷ из министерства иностранных дел по распоряжению министра иностранных дел в государственное казначейство было сообщено о переназначении Добсона в Одессу из-за занятия Харькова большевиками.

В Одессе Добсону не довелось поработать долго, уже 2 февраля в одесском британском консульстве начались приготовления к эвакуации британских подданных и некоторых российских граждан в связи с наступлением Красной армии. 6 февраля под прикрытием охраны с корабля Его Величества «Церера» Добсон, по его собственным словам, эвакуировал одесское консульство, взяв с собой двух работников консульства и шесть мешков с консульским имуществом.

Капитан «Цереры» приказал мне грузиться на «Рио Пардо», потому что все остальные суда были уже переполнены беженцами. Мистер Лоудон и Командующий Роджерс приехали в порт позже и сели на другое судно. «Рио Пардо» покинул Одессу 7 февраля и добрался в Константинополь только 13 февраля. Вторая половина морского перехода, после отправления из Варны, была проделана против сильного

встречного ветра в слепящем снежном шторме и метели, которая 8 часов не давала нам войти в русло Босфора. На борту у нас было больше тысячи русских беженцев, и я помогал регистрировать их личные данные и переводить их просьбы и пожелания. Все каюты и коридоры были забиты женщинами и детьми, мне и еще дюжине других британцев пришлось расположиться на скамейках и полу в курительной комнате на палубе²⁸.

По распоряжению графа Керзона Кендлстонского 13 февраля 1920 г. из министерства иностранных дел министру финансов Великобритании было отправлено письмо²⁹ с просьбой выдать разрешение на перевод мистера Добсона из Харькова в Одессу и на выплату ему из назначенной зарплаты временного вице-консула в Харькове с даты его назначения, потому что, все еще являясь временным вице-консулом в Харькове, он не мог автоматически получать зарплату, работая в Одессе.

Из министерства иностранных дел была отправлена зашифрованная телеграмма³⁰ адмиралу Де Робеку в Константинополь с вопросом, требуются ли услуги Добсона в Константинополе или где-либо еще. Если нет, ему следовало вернуться в Лондон, когда закончится его временное назначение. Робек ответил³¹, что Добсон вернулся в связи с эвакуацией Одессы и просит указаний по поводу его дальнейших действий. Он хотел бы поработать временно в Ливане, но Де Робек так не думал и не мог предложить, где бы Добсон мог быть полезен. Согласно ответной телеграмме³² адмиралу Де Робеку из министерства иностранных дел от 12 марта 1920 г. Добсону предписывалось вернуться в Великобританию по окончании срока его временного назначения.

15 марта Добсон получил письмо от капитана Беннета, секретаря Верховного комиссара в Константинополе, который, ссылаясь на телеграфный запрос из министерства иностранных дел, сообщил, что, так как Верховный комиссар не мог найти применения Добсону в Константинополе, ему следовало вернуться в Англию. Полковник Кларк, который отвечал за департамент по работе с русскими беженцами, выразил желание принять помощь Добсона, но это предложение не было одобрено³³.

Из Константинополя Добсон смог отправиться только 14 апреля на русском пароходе «Император Николай», а в Лондон добрался через Марсель и Париж 24 апреля.

21 мая 1920 г. Добсон написал письмо³⁴ в министерство иностранных дел Великобритании, в котором представил на рассмотрение отчет о своем путешествии и расходах на поддержание

жизни, понесенных им при действиях в соответствии с инструкциями из министерства иностранных дел. Целью его письма было его возможное трудоустройство. Он просил принять во внимание то, что не смог занять пост вице-консула в Харькове по вине большевиков, но был полезен в Одессе и в Константинополе, а в конечном итоге оказался безработным. Добсон выражал надежду, что будет учтен его одиннадцатилетний опыт работы в консульстве в Петрограде, а также тот факт, что у него отняли все в Советской России.

«Мы имеем очень неудачный и дорогостоящий опыт с мистером Добсоном, но я не вижу, что этого можно было избежать. Сомневаюсь, что в консульстве есть какая-то работа для него. Мы можем попытаться найти что-нибудь в департаменте внешней торговли», – написал мистер Сатоу 28 мая 1920 г. в протоколе заседания министров по поводу вышеуказанного письма Добсона от 21 мая 1920 г. В этом же протоколе сохранилось предложение Филлитера отправить Добсона в Салоники, но кто-то из министров (подпись неразборчива) высказался против, отметив, что особая квалификация Добсона – его знание России. Вопрос передан на рассмотрение в департамент внешней торговли.

Ответ на свое письмо Добсон получил из министерства иностранных дел 15 июня 1920 г.³⁵ В нем по распоряжению графа Керзона Кедлстонского сообщалось, что учет расходов Добсона, связанных с его работой, будет произведен в надлежащее время. Относительно же возможности трудоустройства выражалось сожаление о том, что подходящих для него вакансий не было.

Таким образом, в возрасте 67 лет Добсон остался без работы и без каких-либо средств к существованию. Он продолжал сотрудничать с «Таймс», написал несколько статей о Советской России³⁶, но в конечном итоге оказался своей газете ненужным и неинтересным. Друзья журналиста подали прошение руководству газеты выделить ему деньги на проживание, и в конце концов маленькая пенсия была назначена. Умер Джордж Добсон в 1938 г. На его похоронах, которые состоялись 17 октября 1938 г., присутствовали дочь Маргарет с мужем, сестра мисс Энн Добсон, мистер Д. Брехем, миссис Смит, миссис Билибин и мистер Джон Билибин – родственники со стороны его покойной жены, миссис Брамал и миссис Хью, а также мистер У.Р. Вильямсон, представитель издательства газеты «Таймс»³⁷.

В Национальном архиве Великобритании в Лондоне сохранились документы, которые позволили восстановить картину событий и рассказать о жизни и деятельности Джорджа Добсона во

время Гражданской войны в России. Учитывая тот факт, что из-за катаклизмов эпохи, в которую жил и работал Добсон, многие письменные свидетельства его жизни оказались утерянными, все эти сохранившиеся бумаги, благодаря которым можно проанализировать его отношение к работе и его личность в целом, представляют огромную ценность для исследователя.

Примечания

- ¹ The National Archives of the UK (TNA). FO 369-1506. K662/657/238. P. 70.
- ² *Dobson G. Mr. G. Dobson's Retrospect of 45 Years Work and Events With Special Reference to Correspondence and Service for The Times in Russia, Bulgaria and Germany, 1874–1919.* P. 1 // Архив Джона Форда (Крэнлей, Великобритания).
- ³ Ibid.
- ⁴ *The History of The Times.* L., 1939. Vol. 2: *The Tradition Established, 1841–1884.* P. 527.
- ⁵ *Who was who: a cumulated index, 1929–1940.* L., 1967. P. 371.
- ⁶ *The Transcaspian Railway* // *The Times.* 1888. May 28. № 32397. P. 17; May 31. № 32400. P. 5; Jun. 9. № 32408. P. 5.
- ⁷ *The Central Asian Railway* // *The Times.* 1888. Aug. 14. № 32464. P. 12; Aug. 22. № 32464. P. 12; Aug. 27. № 32471. P. 4; Aug. 28. № 32476. P. 12; Sept. 18. № 32494. P. 12; Sept. 26. № 32501. P. 8; Oct. 2. № 32506. P. 4; Oct. 4. № 32508. P. 3; Oct. 9. № 32512. P. 4.
- ⁸ *Dobson G. Mr. G. Dobson's Retrospect...* P. 26.
- ⁹ Ibid. P. 27.
- ¹⁰ *Who was who.* P. 371.
- ¹¹ *Dobson G., Grove H.M., Stewart H. Russia / Painted by F. De Haenen.* L., 1913.
- ¹² *Dobson G. Mr. G. Dobson's Retrospect...* P. 32; *Who was who.* P. 371.
- ¹³ *Who was who.* P. 371; *Dobson G. Mr. G. Dobson's Retrospect...* P. 33.
- ¹⁴ См.: *British released from Russia. Harsh treatment in prison. Bolsheviks' power increasing* // *The Times.* 1918. Oct. 18. № 41924. P. 6.
- ¹⁵ См.: *Court Circular* // Ibid. Nov. 6. № 41940. P. 9.
- ¹⁶ TNA. FO 369-1225. K374/55/238.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ Ibid.
- ¹⁹ Ibid.
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ Ibid.
- ²² TNA. FO 369-1224. K4254/55/238.
- ²³ TNA. FO 369-1506. K1706/K374/55/238. P. 78.
- ²⁴ TNA. FO369-1506. K662/657/238. P. 67.

- ²⁵ Ibid. P. 68.
- ²⁶ TNA. FO 369-1506. K1733/K374/55/238. P. 80.
- ²⁷ TNA. FO 369-1506. K662/657/238. P. 70.
- ²⁸ TNA. FO 369-1506. K8703/K1733/657/238. P. 99.
- ²⁹ TNA. FO 369-1506. K1733/657/238. P. 82.
- ³⁰ Ibid. P. 85.
- ³¹ TNA. FO 369-1506. K4171/K1733/657/238. P. 88.
- ³² Ibid. P. 89.
- ³³ TNA. FO 369-1506. K8703/657/238. P. 99.
- ³⁴ Ibid. P. 100.
- ³⁵ Ibid. P. 102.
- ³⁶ *Dobson G.* England And The Soviet // The Times. 1924. July 14. № 43703. P. 10; *Idem.* British Property In Russia // Ibid. 1925. Jan. 7. № 43853. P. 8; *Idem.* Peter The Great // Ibid. Feb. 2. № 43875. P. 8; *Idem.* Confiscation By The Soviet // Ibid. Sept. 11. № 44064. P. 8; *Idem.* Russia's Plight // Ibid. 1929. June 2. № 43667. P. 15; *Idem.* British Claim On The Soviet // Ibid. July 30. № 45268. P. 8.
- ³⁷ См.: Deaths. Funeral. Mr. George Dobson // The Times. 1938. Oct. 18. № 48128. P. 17.

Из опыта педагогической работы в Историко-архивном институте РГГУ

Т.В. Баранова

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУ ПРЕПОДАВАТЕЛЕМ И СТУДЕНТОМ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ

Статья посвящена проблеме развития профессионально-смыслового взаимодействия между преподавателем и студентом в современной высшей школе. Автор рассматривает вопросы формирования критического мышления у молодых людей, анализирует особенности работы в информационной среде, а также исследовательской работы по сравнительному анализу текстов. В статье представлена иерархия позиций, которые в зависимости от степени субъектности своей деятельности может занимать студент в процессе обучения, динамика взаимодействия позиций в предметно-рефлексивных отношениях, а также система дидактических подходов, составляющих внешнюю структуру взаимодействия между преподавателем и студентом.

Ключевые слова: педагогическое, профессионально-смысловое взаимодействие, субъект, объект, критическое мышление, сравнительно-сопоставительный анализ текстов, рефлексия, дидактический подход, парадигма, иерархическая позиция.

В наше время личность рассматривается как активный субъект, способный оказывать воздействие на процессы общественного развития, создавать духовные ценности, влиять на науку, искусство, религию. В связи с этим важную роль в социальном прогрессе начинает играть непрерывное образование, что соответствует новой образовательной парадигме постнеклассической педагогики. Основной задачей этой парадигмы становится развитие у человека таких качеств, которые позволили бы ему не только опре-

делять, чему и как нужно учиться, но и самому участвовать в творческой деятельности, делать открытия, способствовать прогрессу.

Парадигма образования – это действующая в течение определенного времени модель постановки и решения проблем образования на основании признанного всем педагогическим сообществом научно-педагогического достижения. Смена образовательной парадигмы предполагает создание новой теории и методологии образования. Концепции непрерывного образования и модели саморазвивающегося специалиста соответствует самоорганизующаяся система образования. Теория самоорганизующихся систем развита в современной междисциплинарной науке – синергетике. Как известно, синергетика описывает самоорганизующиеся системы, находящиеся в неравновесном состоянии. Система называется самоорганизующейся, если она без особого внешнего воздействия обретает какую-либо пространственную, временную или функциональную структуру. Если говорить о социальных системах и, в частности, о системе высшего образования, это означает, что построение системы должно идти не от вышестоящих учреждений, а от возникающих на практике форм организации образования, являющихся откликом на изменение всей общественной парадигмы в целом. Именно такие процессы просматриваются в современной системе высшего образования.

Многие исследователи подчеркивают, что в образовательном процессе вместе с деятельностью преподавателя в процессе обучения осуществляется деятельность студента, параллельно с процессом развития личности преподавателя идет процесс саморазвития личности студента, воспитание сопровождается процессом самовоспитания. Таким образом, можно утверждать, что в процессе обучения между преподавателем и студентом могут существовать как субъект-субъектные, так и субъект-объектные отношения.

Разные степени самостоятельности, активности, проявления индивидуальности, внутренней вовлеченности студента во взаимодействие характеризуют в целом весь процесс обучения. Нам представляется, что в зависимости от степени значимости роли студента-субъекта он может занимать в процессе обучения различные иерархические позиции, характеризующиеся следующими процессами: учение – учение и самообучение – самообучение и учение – самообучение. По отношению к своему профессиональному развитию преподаватель также может занимать разные позиции в иерархии субъектных отношений: нормативно-бюрократическая позиция – нормативная – нормативно-креативная – активно-креативная.

В нормативно-бюрократической позиции преобладает внешнее воздействие, нормативная позиция использует некоторые элементы творчества. В нормативно-креативной позиции влияния внутреннего и внешнего аспектов приблизительно равноценны; активно-креативная позиция имеет место в ситуации, когда преподаватель уделяет мало внимания стандартам и мнению образовательных учреждений. Таким образом, внутренняя структура профессионально-смыслового взаимодействия преподаватель–студент представляет собой динамику иерархических позиций, занимаемых преподавателем и студентом.

В гуманитарной парадигме выдвигаются новые системы ценностных ориентиров: репродуктивный подход заменяется личностно-деятельностным, позиция доминирующего учителя уступает место сотрудничеству и экзистенциальности, на место традиционного подхода приходят компетентностно-коммуникативный и феноменологический. Построение обучения на смысловой основе является требованием времени, поскольку развитие личностного потенциала студента наряду с личным потенциалом преподавателя все чаще формулируется в качестве основной задачи образования в современном мире¹.

Работа по исследованию смыслов как при восприятии предметов, так и при открытии возможных способов взаимодействия с ними предполагает формирование у студентов способности к толерантному мышлению и принятию различных точек зрения, а также развитие способности жить в демократическом, быстроменяющемся обществе.

Согласно Н.М. Борытко, воспитание рассматривается как гуманитарная практика в трех аспектах – социальное явление, процесс и деятельность, отражающих три аспекта духовного бытия человека: его социокультурное (выбор и осуществление культуросообразного образа жизни и поведения), индивидуальное (самостоятельное субъекта) и сопричастное бытие вместе со значимыми Другими². Н.М. Борытко считает, что этим трем аспектам бытия соответствуют три ведущих воспитательных пространства: социальное (поле значений), субъектное (поле смыслов) и пространство взаимодействия (поле ценностей). В. Франкл определяет человека как существо, которое постоянно решает, чем он будет в следующий момент. Свобода – это не то, что он имеет, а то, что он есть. «Человек решает за себя; любое решение есть решение за себя, а решение за себя – всегда формирование себя»³. Принятие такого решения – акт не только свободы, но и ответственности. Свобода, лишенная ответственности, вырождается в произвол, уверяет В. Франкл. Эта

ответственность сопряжена с необходимостью выбора человеком, какие таящиеся в мире и в нем самом возможности заслуживают реализации, а какие нет.

На повестку дня выходит разработка таких методик, которые позволили бы оценивать развитие студента и педагога в личном плане: в плане развития у них способности к рефлексии, способности к самостоятельной работе одновременно с формированием ответственности, способности делать выбор и т. д. Кроме того, предполагается применение междисциплинарного подхода, за которым должны стоять не только научные знания о предмете изучения, но и ценностно-мировоззренческая информация, а также материалы из других областей человеческой культуры. В отношении занятий по иностранному языку это означает, в частности, что выпускник неязыкового вуза должен «овладеть не только заданным набором базовых лексико-грамматических конструкций иностранного языка, уметь распознавать их и активно пользоваться ими в целях коммуникации (т. е. владеть всем тем, чем владеет выпускник языкового вуза), но и получить определенный набор специальных знаний по основным направлениям избранной специальности в сочетании с иностранным языком... Основной целью является подготовка широко эрудированного специалиста средствами иностранного языка, который выступает не столько как самостоятельная дисциплина, сколько как предмет, подчиненный профилирующим дисциплинам, являющийся медиумом профессиональных знаний в реализации образовательной профессиональной программы, открывающий перед студентами большие возможности для ознакомления с зарубежным опытом в сфере избранной специальности»⁴. Таким образом, деятельность по достижению понимания смыслов и порождению смыслов становится одной из главных.

Профессионально-смысловое взаимодействие преподавателя и студента поднимает образование на качественно новый уровень, и в центре этой системы находится личность с ее выраженной целеустремленностью и ориентацией на успех. Диалогические межсубъектные отношения влияют на формирование социальных ролей преподавателя и студента, которые превращаются в позиции общающихся людей: преподаватель не только учит, но и создает условия для самореализации и саморазвития личности студента. М.М. Бахтин упоминает в этой связи, что достигается это не только с помощью таких форм диалога, как спор, полемика, но и доверие к чужому слову, поиск и нахождение глубинного смысла, согласие, его границы и оттенки, наслаивание голоса на

голос, сочетание многих голосов, дополняющее понимание, выход за пределы понимаемого и т. д.⁵

Мы можем видеть из обзора различных концепций и технологий обучения, распространенных в настоящее время, что большинство из них либо основывается на диалоге и дискуссии с элементами критики и анализа, либо включает этот вид общения как важную составную часть своей системы. Диалоговое гуманистическое общение позволяет достичь самораскрытия собеседников, создает условия для их духовного обогащения. Студенты легче воспринимают ту информацию, которая согласуется с уже имеющимися у них знаниями, интересами. Однако избирательность в восприятии и усвоении информации зависит не только от индивидуальности, но и определяется влиянием круга общения. В процессе общения студенты передают друг другу не только эксплицитно выраженную информацию, но и некие коннотационные смыслы, некую дополнительную информацию, передающую различные оттенки смысла. Речевая деятельность при усвоении иностранного языка помогает студенту оценивать себя с точки зрения партнеров по общению, т. е. оценивать правильность и ясность речи для окружающих, что в конечном счете способствует осознанию собственной мысли.

Информация часто используется для воздействия на человека, манипулирования им. Для того чтобы молодой человек мог чувствовать себя уверенно, мог принимать решения и осуществлять собственный выбор, он должен уметь анализировать предлагаемую информацию, причем делать это желательно на нескольких языках, уметь анализировать факты с точки зрения их соответствия интересам личности и общества, морали, нравственным ценностям и т. д.

Парадигма гуманистической педагогики ставит в центре образовательного процесса обучающегося и провозглашает одной из своих целей воспитание гражданина мира⁶. Вместе с тем молодые люди ежедневно сталкиваются с активной пропагандой индивидуализма и эгоизма, жадной зарабатывания денег любыми путями, презрением к культуре и элементарным нормам поведения в обществе. В этом проявляется одно из противоречий современности, когда реальная жизнь, ставшая относительно легкой для многих именно благодаря прогрессу человечества, ведет к потере той высокой духовности, которая была присуща лучшим представителям человеческого общества на протяжении всей истории его развития.

С одной стороны, мир становится более прозрачным, а с другой стороны, информационно-компьютерная среда создает весьма благоприятные условия для манипулирования сознанием пользо-

вателей. Молодые люди должны уметь ориентироваться в этой информационной среде, уметь вычленить главное, сравнить разные источники, сделать свои выводы, которые впоследствии проверить, подтвердить или опровергнуть.

Многие средства массовой информации провозглашают приверженность объективности в подаче фактологического материала, говорят о чрезвычайно низкой степени «сопричастности автора», т. е. эксплицитно выражаемого отношения автора к описываемым событиям. Эта особенность текстов западных информационных агентств определяется сознательной установкой на беспристрастную манеру изложения, на отказ от каких бы то ни было оценочных суждений. На самом деле текст информационного сообщения, лишенный эксплицитно высказываемых авторских оценок, всегда достаточно четко выражает позицию автора сообщения. Это достигается путем таких приемов, как, например, отбор тематики сообщений, избирательный характер подачи материала, акцентирование – выделение тех или иных аспектов описываемой ситуации, умолчание, подбор материала для вводного абзаца и его формулировка, предпочтение точки зрения определенных лиц, подача материала в изложении тех или иных источников и т. д.

Помимо композиционных приемов, используются и языковые средства имплицитной оценки тех или иных событий или фактов в информационных сообщениях. Здесь применяются языковые оценочные средства разных уровней: фонетические, лексические, фразеологические, синтаксические, эмоциональные средства и стилистические приемы. Так, например, комментируя действия ополченцев на юго-востоке Украины, канал CNN не скупился на такие оценочные выразительные средства, как *garmpaging* (беспредел), *pillaging* (грабеж), *looting* (мародерство), *butchering* (резня, бойня), *annihilation* (полное уничтожение, стирание с лица земли). Другой пример: когда администрация США приняла спорное решение об увеличении американского военного контингента в Ираке, данное увеличение решено было называть в СМИ словом «surge» (т. е. волна, подъем), что должно было смягчить впечатление от данного поступка.

Система образования должна формировать у студентов интеллектуальные умения критического мышления, для чего нами были разработаны некоторые постулаты по началам ведения исследовательской деятельности студентов. Ниже мы приводим примерный план работы по аналитическому сравнению-сопоставлению двух и более текстов на основе чередующейся модели. Данный анализ целесообразно проводить со студентами на продвинутом этапе

обучения иностранному языку при условии владения ими навыками реферирования и основами анализа одного текста.

Планирование работы над исследованием по аналитическому сравнению-сопоставлению двух и более текстов включает:

1. Введение (возможно, презентация истории проблемы, освещаемой в текстах).
2. Определение цели данного сравнительно-аналитического исследования.
3. Определение аудитории – адресата исследования.
4. Выявление основной темы и основной идеи каждого из текстов.
5. Выявление наиболее важных пунктов сходств и различий двух текстов.
6. Пункты *текста Б*, не имеющие аналога в *тексте А*.
7. Причины, обусловившие отличия.
8. Результативное воздействие *текста А* на реципиента, обусловленное выбранными автором идейно-тематической, логико-смысловой и композиционной структурами текста, лексическими и стилистическими средствами.
9. Результативное воздействие *текста Б* на реципиента, обусловленное выбранными автором идейно-тематической, логико-смысловой и композиционной структурами текста, лексическими и стилистическими средствами.
10. Причины, побудившие автора использовать именно такие средства.
11. Преимущества и недостатки *текста А*.
12. Преимущества и недостатки *текста Б*.
13. Общие выводы исследования.

Нам представляется, что подобная схема исследовательской работы по сравнительному анализу тестов из различных источников позволит студентам развить свои аналитические способности, приведет к более глубокому пониманию событий, разовьет навыки критического мышления.

Профессионально-смысловое взаимодействие преподаватель–студент представляет собой определенную, структурированную систему взаимодействующих и взаимодействующих дидактических подходов, формирующих внешнюю структуру этого взаимодействия. На наш взгляд, в качестве основных должны использоваться следующие подходы: личностно-деятельностный подход в сочетании с культурно-историческим; синергетический подход, предполагающий учет природосообразной самоорганизации субъектов; коммуникативно-диало-

гический подход, состоящий в установлении взаимодействия всех субъектов, находящихся в равноправных взаимоотношениях; имитационный подход – такой способ организации познавательной деятельности, при котором обучающийся включается в «игровые» ситуации, связанные с будущей профессиональной деятельностью; причинно-аналитический подход, предполагающий выявление комплекса внутренних и внешних связей и отношений зависимости между явлениями, вскрытие их глубинных причин; рефлексивный подход к развитию профессионально-смыслового взаимодействия преподаватель–студент.

Мы рассмотрим рефлексивный подход несколько подробнее, так как он представляется нам важным в системе профессионально-смыслового взаимодействия преподаватель–студент. Как известно, предметно-рефлексивные отношения, характеризующие взаимные отображения субъектов, включают в себя, в частности: сам субъект, каков он есть (Я-реальный); позиции субъекта, каким он видит самого себя (Я-рефлексия); позиции субъекта, каким он видится другому (Я-через-Другого); те же позиции со стороны другого субъекта.

В связи с этим нам представляется логичным представить динамику взаимодействия этих позиций по признаку преобладания той или иной позиции следующим образом: 1) преобладание позиции Я-через-Другого; 2) сочетание позиций Я-через-Другого и Я-рефлексии; 3) постепенное преобладание позиции Я-рефлексии над позицией Я-через-Другого; 4) преобладание позиции Я-рефлексии.

Таким же образом можно построить иерархию позиций преподавателя и студента: 1) преобладание позиции Я-через-Другого: студент полностью зависим от преподавателя; 2) сочетание позиций Я-через-Другого и Я-рефлексии: студент испытывает влияние преподавателя, однако он уже начинает развивать рефлексивное отношение к самому себе; 3) постепенное преобладание позиции Я-рефлексии над позицией Я-через-Другого: студент охвачен процессом самосовершенствования; 4) преобладание позиции Я-рефлексии: саморефлексия студента не зависит от позиции преподавателя.

В рефлексивных формах работы формируется способность педагога к диалогическому мышлению. Диалог между преподавателем и студентом как форма реализации учебного процесса доступен лишь тому, кто способен к диалогическому мышлению, общению с самим собой, к саморефлексии.

Рассмотренные нами некоторые аспекты внутренней и внешней структуры профессионально-смыслового взаимодействия

преподаватель–студент позволяют сделать вывод о том, что профессионально-смысловое взаимодействие – это система, состоящая из пересекающихся и взаимозависимых компонентов, которые могут обеспечить совершенствование процесса формирования и развития компетенций субъектов образовательного процесса и оптимизировать сам этот процесс.

Примечания

- ¹ *Сенько Ю.В., Фроловская М.Н.* Педагогика понимания. М.: Дрофа, 2007. С. 129–132; *Полат Е.С., Бухаркина М.Ю.* Современные педагогические и информационные технологии в системе образования. М.: Академия, 2007. С. 111–113.
- ² *Борытко Н.М.* Теория и практика становления профессиональной позиции педагога-воспитателя в системе непрерывного образования: Дис. ... д-ра пед. наук. Волгоград, 2001. С. 12–13.
- ³ *Франкл В.* Человек в поисках смысла: Сб. / Пер. с англ. и нем. М.: Прогресс, 1990. С. 114.
- ⁴ *Халилова Л.А.* Иностранный язык в Историко-архивном институте РГГУ: модульная система обучения // Иностранный язык в профессионально-ориентированном контексте: Сб. ст. М., 2007. С. 4–11.
- ⁵ *Бахтин М.М.* К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. С. 381–393.
- ⁶ *Панов В.И.* Психодидактика образовательных систем. Теория и практика. СПб.: Питер, 2007. С. 29–31.

НОВАЯ КНИГА О ЗАРУБЕЖНОЙ
АРХИВНОЙ РОССИКЕ:

Сабенникова И.В., Гентшке В.Л.

Зарубежная архивная Россия: география,
размещение, выявление, публикация источников /

И.В. Сабенникова, В.Л. Гентшке.

М.: Новый Хронограф, 2014. 408 с.

Рецензия посвящена новой книге отечественных архивистов И.В. Сабенниковой и В.Л. Гентшке «Зарубежная архивная Россия: география размещения, выявление, публикация источников». Зарубежная архивная Россия составляет значительную часть культурного наследия России. В книге представлены география размещения архивной России, зарубежный и отечественный научно-справочный аппарат к ней. Книга адресована историкам, архивистам и другим исследователям, интересующимся проблемами русского зарубежья и зарубежной архивной России.

Ключевые слова: архив, Россия, российское зарубежье, российская эмиграция, диаспора, эмиграция.

В последние годы в отечественной исторической науке некогда периферийные темы исследований выдвинулись на первый план. Одной из таких тем является зарубежная архивная Россия и архивное наследие российского зарубежья. Зарубежная архивная Россия стала предметом пристального внимания отечественных историков, архивистов и других исследователей. Активно изучаются и вводятся в научный оборот документы из эмигрантских фондов, готовятся тематические и фондвые обзоры, издаются путеводители и другие справочники. Несмотря на огромный интерес современного общества и государства к этой проблематике, история российских архивов и архивных комплексов за рубежом является недостаточно разработанной в историографическом, историческом

и эвристическом плане. Интересным примером осмысления феномена зарубежной архивной России является совместная работа отечественных исследователей И.В. Сабенниковой и В.Л. Гентшке «Зарубежная архивная Россия: география размещения, выявление, публикация источников»¹. Работа И.В. Сабенниковой и В.Л. Гентшке может быть интересна как архивистам, историкам, так и другим специалистам в области гуманитарных наук.

Главную цель своей работы авторы видят в том, чтобы представить исследователям, занимающимся проблемами российской истории и культуры, информацию о документах российского происхождения и основных зарубежных хранилищах, в которых они содержатся.

Книга включает введение, шесть разделов, заключение и приложения.

Первый раздел посвящен теоретическим аспектам изучения зарубежной архивной России как части культурного достояния России. Авторы подчеркивают, что зарубежная архивная Россия является важнейшей частью культурного достояния России.

Объект своего исследования авторы определяют как «совокупность всех зарубежных архивных материалов, находящихся в архивах, библиотеках, музейных и частных коллекциях многих стран мира и имеющих отношение к России». Действительно, под «зарубежной архивной Россией» понимают документы российского происхождения, по тем или иным причинам оказавшиеся за рубежом. В широком смысле «зарубежная архивная Россия» – это совокупность всех зарубежных архивных документов, имеющих отношение к России. На наш взгляд, определение авторов книги нуждается в уточнении. Действительно ли все «архивные материалы, находящиеся за рубежом и имеющие отношение к России», являются зарубежной архивной Россией? Можно ли отнести к зарубежной архивной России рукописи авторов, никогда не бывавших в России, но писавших о России? Правомерно ли относить к зарубежной архивной России дипломатические документы, правительственные документы, документы государственных и общественных организаций иностранных стран и т. п.? На наш взгляд, можно, но с оговоркой, четко разделяя зарубежную архивную Россию по принципу происхождения на две части: российского происхождения и не имеющую отношения к России по своему происхождению, но связанную с ней содержанием.

На наш взгляд, при определении объекта исследования авторам необходимо было разграничить понятия «архивная Россия» и «зарубежная архивная Россия». Понятие «архивная Россия» шире,

чем понятие «зарубежная архивная Россия». «Архивная Россия» включает не только зарубежные архивные документы, имеющие отношение к России, но и документы, которые после своего бытования за рубежом как раз в качестве зарубежной архивной России вернулись в Россию и поступили на хранение в отечественные архивы и другие хранилища.

Авторы работы совершенно справедливо пишут, что существенную часть зарубежной архивной России и архивной России в целом составляют документы российской эмиграции или архивное наследие российского зарубежья. При этом трудно согласиться с их утверждением о том, что «русская эмиграция создала несколько крупных диаспор и культурных центров»². Эмиграция не была творящим, созидающим субъектом. На наш взгляд, правильнее было бы написать о том, что в результате миграционных процессов появился феномен российского зарубежья, объединяющий несколько крупных российских диаспор в разных странах мира.

История поисков и собирания материалов российского, но не эмигрантского происхождения насчитывает уже несколько столетий. Такие изыскания особенно интенсивно проводились в XIX в. и связаны с именем Н.П. Румянцева и объединившихся вокруг него ученых. Эта работа была продолжена созданной в 1834 г. Археографической комиссией, Русским историческим обществом и др. Их деятельность достаточно подробно изложена в работах В.П. Козлова, Патриции Кеннеди Гримстед, Е.В. Старостина и других³. Проблема архивного наследия русского зарубежья, эмигрантских материалов, отложившихся за рубежом, составляет лишь часть более широкой проблемы «зарубежной архивной России».

Эмиграция как явление присуще всем странам и народам. Но особую роль она сыграла и играет в истории России. Ни одна страна мира не имела столь массовой эмиграции наиболее дееспособной, культурной части своего населения. После революции 1917 г. и Гражданской войны за пределами России в эмиграции оказались российские ученые, писатели, музыканты, архитекторы, деятели культуры, цвет армии. Ни одна страна мира не переживала столь крутого поворота, отказа от всей предшествующей более чем тысячулетней истории и культуры. Фактически после 1917 г. была оборвана связь времен: Россия, российское общество, культура подверглись насильственным трансформациям.

Русская эмиграция представляет собой уникальное явление в мировой истории не только по своим масштабам, но и по вкладу в мировую и российскую культуру. Эмигранты не только сохранили, но и приумножили многие традиции российской культуры.

Именно ими были вписаны многие блестящие страницы в историю мировой литературы, науки, балета, театра, кино, живописи и т. д. Большая заслуга принадлежит русским эмигрантам и в сохранении архивного наследия, оказавшегося разными путями за пределами России. Конечно, существование такого «материка», не обозначенного ни на одной карте, как «русское зарубежье», не могло не оставить документальных следов своей деятельности. И эти следы остались в виде огромного корпуса архивных документов, образовавшихся в процессе деятельности русских эмигрантов за рубежом. Значительная часть архивных документов российской эмиграции хранится в зарубежных архивах. Такие документы были либо вывезены эмигрантами из России, либо образовались в результате деятельности за рубежом эмигрантских учреждений, организаций и частных лиц. Именно таким комплексам документов и документам посвящена книга И.В. Сабенниковой и В.Л. Гентшке. При этом в сфере внимания авторов оказалось не только архивное наследие российского зарубежья, но и зарубежная архивная Россика в целом.

Второй и третий разделы рецензируемой работы посвящены географии зарубежной архивной Россики и построены по хронологически-географическому признаку. Второй раздел посвящен документам, созданным до 1917 г., третий раздел посвящен документам, в основном эмиграции, созданным после 1917 г. Внутри разделов информация размещена по географическому признаку, по странам. Авторы дают характеристики основных хранилищ, в которых отложилась зарубежная архивная Россика, и хранящимся в них документам. На наш взгляд, при выборе структуры этих разделов надо было ограничиться только географическим признаком, так как во многих зарубежных архивах и других хранилищах отложились документы, созданные как до 1917 г., так и позднее.

Большую ценность для исследователей представляют четвертый и пятый разделы работы: «Пути выявления зарубежной архивной Россики. Передача документального наследия России», «Зарубежные справочно-информационные издания об архивной Россике». В этих разделах авторы предлагают исследователям эвристический алгоритм – методику поиска первичной информации на основании вторичной информации, выражаемой в первую очередь в системе научно-справочного аппарата архивов. При этом авторы не ограничиваются традиционными архивными справочниками: они предлагают исследователям использовать в своей работе библиографические указатели, каталоги выставок, монографии, диссертации, интернет-ресурсы и другие инструменты эвристического поиска.

Последний, шестой, раздел работы «Зарубежная архивная Россия в публикациях документов: анализ, структура, статистика» посвящен российским публикациям документов, выявленных в зарубежных архивах. Следует отметить, что сами по себе публикации документов, какими бы интересными они ни были, могут быть полезны в целях выявления зарубежной архивной России лишь при наличии качественных предисловий и других видов научно-справочного аппарата издания.

В приложениях к работе опубликованы «Аннотированный указатель источников, опубликованных в отечественной периодике 2005–2013 гг.» и «Библиографические и справочные издания, опубликованные в России (краткий список 1990–2012 гг.)». Указатель «Библиографические и справочные издания, опубликованные в России (краткий список 1990–2012 гг.)» содержит сведения о библиографических указателях, биографических словарях, рецензиях, списках русских захоронений на зарубежных кладбищах и т. д.

Следует отметить, что проблема архивной России – это особая область архивоведения и специфическая сфера архивного дела. Важнейший аспект проблемы архивной России – информационный, т. е. сбор сведений обо всех утратах Россией архивных документов, о местах хранения архивных документов и фондов российского происхождения. Именно это и определило важность и своевременность новой книги.

Бесспорной заслугой авторов работы является попытка обобщения публикаций о документах и фондах российского происхождения, отложившихся в зарубежных архивах. Сведения об архивной России выявлялись в самых разнообразных изданиях: монографиях, публикациях документов, архивных путеводителях и других справочниках, библиографических указателях. Несомненно, книга И.В. Сабенниковой и В.Л. Гентшке вносит существенный вклад в развитие архивоведения и проблем зарубежной архивной России.

К достоинству рецензируемой работы можно отнести качественный историографический обзор истории российской эмиграции. Хотя напрямую он не связан с темой коллективной монографии, но помогает лучше понять историю эмиграции и ее архивов.

В заключение хочется отметить, что выход в свет коллективной монографии является закономерным явлением. Это свидетельствует об углублении интереса отечественных архивистов и историков к проблемам российского культурного наследия в целом и зарубежной архивной России в частности.

- ¹ *Сабенникова И.В., Гентшке В.Л.* Зарубежная архивная Россика: география, размещение, выявление, публикация источников / И.В. Сабенникова, В.Л. Гентшке. М.: Новый Хронограф, 2014. 408 с.
- ² Там же. С. 21.
- ³ Документы по истории России в зарубежных архивах. Аналитический обзор / Сост. Е.В. Старостин. М., 1988. 75 с.; *Козлов В.П.* Колумбы российских древностей. М., 1981. 168 с.; *Он же.* Зарубежная архивная Россика: проблемы и направления работы // Новая и новейшая история. 1994. № 3. С. 13; *Гримстед П.К.* Зарубежная архивная Россика и Советика. Происхождение документов или их отношение к истории России (СССР), потребность в описании и библиографии // Отечеств. арх. 1993. № 1. С. 20–53; *Попов А.В.* Русское зарубежье и архивы. Документы российской эмиграции в архивах Москвы: проблемы выявления, комплектования, описания и использования. М.: ИАИ РГГУ, 1998. 392 с. (Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. 4); *Он же.* Архивная Россика во Франции // Культура русского зарубежья: Сб. науч. ст. / Гл. ред. Л.И. Гаврилова. Курск: Курский гос. ун-т, 2014. С. 305–316; *Он же.* Русские архивы и музеи в США // Вопр. истории. 1999. № 6. С. 118–124.

Abstracts

N. Bannikova

ACTIVITIES OF THE BRITISH JOURNALIST GEORGE DOBSON DURING THE CIVIL WAR IN RUSSIA (BY THE MATERIALS OF THE NATIONAL ARCHIVES OF GREAT BRITAIN)

The author of this article examines the documents from The National Archives of Great Britain revealing some facts of the biography of a British journalist George Dobson, who lived and worked in Russia in 1874–1920. Special attention is paid to his activities during the civil war in the South of Russia.

Key words: Russia, Great Britain, bolshevists, Constantinople, Odessa, Soviet power, High Commissioner, British Embassy, evacuation, consulate, consul.

T. Baranova

PEDAGOGICAL INTERACTION BETWEEN THE TEACHER AND THE STUDENT IN HIGHER SCHOOL WITHIN A NEW EDUCATIONAL PARADIGM

The article deals with the problem of developing professional and semantic interaction between the teacher and the student in modern higher education. The author analyses questions of shaping students' critical thinking, peculiarities of working with information, as well as doing comparative analysis of texts. The article presents a hierarchy of positions which the student can occupy in educational process depending on how independent he is in his activity. The article also shows the dynamics of interaction of positions in reflexive relations and a system of didactic approaches, which build up the exterior structure of interaction between the teacher and the student.

Key words: pedagogical, professional and semantic interaction, subject, object, critical thinking, comparative analysis of texts, reflection, didactic approach, paradigm, hierarchical position.

M. Bolotina

THE HISTORY OF PERSONAL FUND
OF ABAMELEK-LAZAREVS (1731–1920)
IN THE RUSSIAN STATE ARCHIVE OF OLD DOCUMENTS

The article is dedicated to studying the history of the personal fund generation of princes Abamelek-Lazarevs. The special attention is paid to the analysis of moving the materials of Abamelek-Lazarevs in 1930s during the profiling of the archives and their destinies during the evacuation for a period of the Great Pathriotic War in Russia. Also to the archivists' efforts for keeping unique historic documents. Author made the reconstruction of main events in compiling and scientific adaptation of documents of archive fund when she analysed the documents of fund's file and materials found in files f. 1498 "RGADA office".

Key words: Abamelek-Lazarevs, archival science, personal funds, GAFKE, RGADA, the Great Pathriotic War, scientific adaptation of the documents.

V. Chicheryukin-Meingardt

KATYN'S VICTIMS DOCUMENTS IN RGVIA FOUNDS

This article is about a former Russian officer Boris Fournier who was born in S. Petersburg in 1891. He fought against Germany and Austria in the war of 1914–1918 being an officer of Keksgolmsky regiment. After the disintegration of the Russian empire Boris Fournier emigrated to Poland. He was arrested by NKVD in 1939 and executed in 1940 in Katyn.

Key words: Poland, Boris Fournier, RGVIA, Leib-Guard Keksgolmsky regiment, 1914–1918 war, revolution 1917, Katyn.

M. Chichuga

A FEW WORDS ABOUT FOREIGN EXPERIENCE
IN SAVING DOCUMENTS ON THE HISTORY
OF SCIENCE, TECHNOLOGY AND PRODUCTION

The article is devoted to studying of experience of foreign organizations (both state, and non-state/private) responsible for preservation of documents on history of science, technology and industry. The results and conclusions about the main directions of work are showed on the

basis of the completed project of the Russian Foundation for the Humanities (project № 12-33-011418). Special attention to quantitative indices obtained in the course of the study.

Key words: archives, museums, business companies, history of science and technology, science and technology documentation, industry history, industrial heritage.

N. Khimina

STATEHOOD OF RUSSIA: HISTORIOGRAPHICAL AND SOURCE STUDY'S ASPECTS OF REFERENCE BOOK PREPARATION

Historiographical and source study's problems of basic reference book preparation are studied in the article. This reference book is devoted to the history of the Russian state institutions' functioning in the period of XV century – February 1917, to the development of its administrative authorities at all levels of power, the evolution and order of rank's promotion and to the history of origin, existence and development of all the types of records keeping documentation of higher, central and local institutions of Russia. A separate reference book covers the main kinds and versions of the Soviet period's records.

Key words: Russia, state institutions, evolution, kinds and versions of records, form, sources.

V. Kozlov

SOME NEW DOCUMENTARY DATA ABOUT THE MODERNIZATION OF THE SOVIET VILLAGE IN 1929–1939

This article considers the original importance and archeographic grade of the latest volumes of three completed publications on the history of the Soviet village in the 3d decade of the XX century. The publications are “Soviet village in the eyes of VChK (All-Russia Extraordinary Commission for Combating Counter-Revolution and Sabotage) – OGPU (State Political Directorate) – NKVD (The People's Commissariat for Internal Affairs)”, “‘Top secret’: Lubyanka to Stalin”, “Famine in the USSR”. The conclusions about the controversial character of the data and archeographic processing of the published documents were made.

Key words: documentary publication, documentary collapse, the reliability of documentary sources, the punitive policy of the Soviet authorities in village, collectivization, criteria for selection of the documents for documentary publication, mass documents of the punitive organs of the Soviet authorities, the mutable reliability of a documentary source.

P. Kyung

LEGAL BASIS FOR ACCOUNTING OF THE WORK IN SCIENCE AND ENGINEERING IN THE RUSSIAN FEDERATION TODAY

The article describes state regulation of the scientific and technological activities, analyzes the basic legislative acts, government policy in this field, structure of the documents recording the results of scientific and technological activities. The main attention is paid to issues of ownership of the results of scientific and technical activities, legal regulation of scientific and technical information.

Key words: scientific and technical activities, scientific and technical document, government regulation, scientific and technical information, the results of scientific and technical activities.

G. Lanskoj

THE FUNCTIONS OF THE DOCUMENTS IN THE MODERN WORLD

In the article are analysed the main functions of documents formed in the contemporary society. Their analysis is realised according to the contemporary practice of development of information technologies and the existing tendencies of records management. In this context the problem of definition of the documentary science as a scientific and methodical discipline is considered.

Key words: contemporary society, document, social communications, records management.

A. Popov

A NEW BOOK ON FOREIGN ARCHIVAL ROSSIKA

Sabennikova I.V., Gentshke V.L. Foreign archival Rossika: geography, location, identification, publication sources / I.V. Sabennikova, V.L. Gentshke. – Moscow: New chronograph, 2014. – 408 p.

The review is devoted to the new book by native archivists I.V. Sabennikova and V.L. Gentshke “Foreign archival Rossika: geography, location, identification, publication sources”. Foreign archival Rossika forms a considerable part of Russia cultural heritage. The book contains geographic distribution of the archival Rossika as well as set of its reference finding aids. The book is intended for historians, archivists and other researchers concerned with issues of the Russian abroad and foreign archival Rossika.

Key words: archives, Rossika, Russian abroad, Russian émigrés, Diaspora, emigration.

V. Prozorova

ARCHIVAL RECORD GROUPS IN FRENCH LIBRARIES:
PROBLEMS OF EAD

The paper is dedicated to problems of encoded archival description (EAD) of archival record groups deposited in the National Library of France and some other higher education institution libraries. The retroconversion from MARC to EAD, causes and effects of the contravention of the archivistic principles during the Calames and CGM projects and undesirability of the application of this French experience in Russia are analyzed in this article.

Key words: EAD, MARC, Calames, archivistics methods, fund integrity principle, the National Library of France.

V. Tikhonov

V.N. AVTOKRATOV'S ARCHIVAL THEORY:
ANALYSIS OF THE MAIN PROVISIONS AND APPROACHES

The article analyses basic provisions of the general and special theories of archival science, developed by V.N. Avtokratov, shows their strong points and restrictions, reveals system of theoretical views of the

outstanding Soviet archivist scholar, discovers the main and supporting concepts and categories, concludes the need for further theoretical researches in the field of archival science from the standpoint of the system and information approaches.

Key words: V.N. Avtokratov, general archival theory, particular archival theories, the principle of origin, the information approach, information potential of archival documents.

Сведения об авторах

Банникова Наталья Владимировна – старший преподаватель кафедры иностранных языков ИАИ РГГУ, nganzhara@gmail.com

Баранова Татьяна Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков ИАИ РГГУ, arctvb@yandex.ru

Болотина Марина Олеговна – аспирант РГГУ; специалист 1-й категории Государственного архива Российской Федерации, m.o.bolotina@yandex.ru

Козлов Владимир Петрович – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор кафедры архивоведения факультета архивного дела ИАИ РГГУ, petrovich1949.kozlov@yandex.ru

Кюнг Павел Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории науки, научно-технических и экономических архивов факультета документоведения и технотронных архивов ИАИ РГГУ, pkung@yandex.ru

Ланской Григорий Николаевич – доктор исторических наук, профессор, декан факультета документоведения и технотронных архивов ИАИ РГГУ, gri_lanskoi@list.ru

Попов Андрей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и организации архивного дела факультета архивного дела ИАИ РГГУ, Insatiable@fryazino.net

Прозорова Виктория Борисовна – кандидат исторических наук, руководитель Представительства журнала «Вестник архивиста» в Европе; старший научный сотрудник зарубежного сектора зарубежной научно-технической информации по архивоведению и документоведению Отраслевого центра научно-технической информации по документоведению и архивному делу Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (Шатене-Малабри, Франция), vikarozogova@yahoo.fr

Тихонов Владимир Иванович – кандидат исторических наук, директор Центра автоматизированных архивных технологий «Центральный государственный архив города Москвы», vlad_tikhonov@mail.ru

Химина Нина Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и организации архивного дела факультета архивного дела ИАИ РГГУ; заместитель директора Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела, secretar@vniidad.ru

Чищерюкин-Мейнгардт Владимир Григорьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России новейшего времени факультета архивного дела ИАИ РГГУ, vladmeinhardt@yandex.ru

Чичуга Марина Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории науки, научно-технических и экономических архивов факультета документоведения и технотронных архивов ИАИ РГГУ, marinachichuga@mail.ru

General data about the authors

- Bannikova Natalia V.* – senior lecturer, Department of Foreign Languages, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, nganzhara@gmail.com
- Baranova Tatiana V.* – Ph.D. in Pedagogics, associate professor, Department of Foreign Languages, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, apctvb@yandex.ru
- Bolotina Marina O.* – postgraduate student, Russian State University for the Humanities; 1st category specialist, State Archive of the Russian Federation, m.o.bolotina@yandex.ru
- Chicheryukin-Meingardt Vladimir G.* – Ph.D. in History, Department of Modern Russian History, Faculty of Archives Administration, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, vladmeinhardt@yandex.ru
- Chichuga Marina A.* – Ph.D. in History, associate professor, Department of History of Science, Scientific and Technical and Economic Archives, Faculty of Records Management and Technotronic Archives, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, marinachichuga@mail.ru
- Khimina Nina I.* – Ph.D. in History, associate professor, Department of History and Organisation of Archives, Faculty of Archives Administration, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities; deputy director, All-Russian Scientific and Research Institute of Archives and Records Management, sekretar@vniidad.ru
- Kozlov Vladimir P.* – Ph.D. in History, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, professor, Department of Archives Administration, Faculty of Archives Administration, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, petrovich1949.kozlov@yandex.ru
- Kyung Pavel A.* – Ph.D. in History, associate professor, Department of History of Science, Scientific and Technical and Economic Archives, Faculty of Records Management and Technotronic Archives, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, pkung@yandex.ru
- Lanskoy Grigory N.* – Dr. in History, professor, dean, Faculty of Records Management and Technotronic Archives, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, gri_lanskoi@list.ru

Popov Andrey V. – Ph.D. in History, associate professor, Department of History and Organisation of Archives, Faculty of Archives Administration, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, Insatiable@fryazino.net

Prozorova Victoria B. – Ph.D. in History, head, Mission of the magazine “Herald of archivist” in Europe; senior researcher, Sector of Foreign Scientific and Technical Information on Archival Studies and Records Management, Branch Centre of Scientific and Technical Information on Records Management and Archives Administration, All-Russian Scientific and Research Institute of Archives and Records Management (Chatenay-Malabry, France), vikaprozorova@yahoo.fr

Tikhonov Vladimir I. – Ph.D. in History, director, Automated Archival Technologies Centre “Central State Archive of Moscow”, vlad_tikhonov@mail.ru

Заведующая редакцией *И.В. Лебедева*

Художник *В.В. Сурков*

Художник номера *В.Н. Хотеев*

Корректор *О.К. Юрьев*

Компьютерная верстка *Н.В. Москвина*

Подписано в печать 16.10.2015.
Формат 60×90¹/₁₆
Усл. печ. л. 10,8. Уч.-изд. л. 11,3.
Тираж 1050 экз. Заказ № 119

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru